

Воронежский государственный университет
Воронежский институт повышения квалификации
и переподготовки работников образования
Воронежская риторическая ассоциация
Воронежская психолингвистическая ассоциация
Межрегиональный
Центр коммуникативных исследований ВГУ

Культура общения и её формирование

Вып. 16

Научное издание

Воронеж
2006

Шестнадцатый выпуск межвузовского научного сборника «Культура общения и её формирование» включает материалы, отражающие доклады и сообщения, сделанные на очередной ежегодной региональной научно-методической конференции «Культура общения и её формирование» (Воронеж, апрель 2006 г.) и результаты разработок в области речевого воздействия, коммуникативного поведения, риторики, культуры общения, культуры русской речи, современных тенденций развития русского языка, языкового сознания, проведенных членами Воронежской риторической ассоциации, Воронежской психолингвистической ассоциации, Межрегионального центра коммуникативных исследований ВГУ в течение 2005-2006 учебного года.

Для учителей русского языка, культуры общения, риторики, делового общения, преподавателей вузов, всех интересующихся проблемами речевого воздействия и культуры общения.

Научный редактор – И.А. Стернин
Зам. научного редактора, ответственный секретарь –
А.В. Рудакова

Компьютерная верстка и оригинал-макет –
И.А. Стернин, А.В. Рудакова

©Коллектив авторов, 2006
©Издательство «Истоки», 2006

Культура общения и ее формирование. Межвузовский сборник научных трудов / Под ред. И.А. Стернина, А.В. Рудаковой. Воронеж: «Изд-во «Истоки», 2006. – 211 с. 200 экз.

Культура общения в регионе

Е.Ю. Лазуренко
Воронежский ИПКиПРО

Культура речи учителей Воронежской области

Кафедрой теории и практики коммуникации в течение этого учебного года был продолжен мониторинг педагогических работников Воронежской области по уровню культуры речи.

Культура речи педагога – важнейшее качество его профессиональной деятельности. Независимо от того, какой предмет преподает учитель, он должен являться образцом для учащихся в сфере культуры речи и культуры общения в целом.

Кафедрой ТПК были подготовлены учебно-методические пособия, которые помогают учителям освоить минимум слов и морфем, правильное употребление которых обязательно для учителя. Пособия «Культура речи учителя», «Иностранные слова», «Культура речи в рифму» были значительно переработаны с учетом наиболее актуальных для современного языкового сознания трудностей культуры речи.

В этом учебном году было протестировано 1596 учителей. Уложились в норматив 544 человека, что составляет лишь 34% от общего числа.

Процент справившихся с заданием по культуре речи хорошо и удовлетворительно:

- Учителя физики – 60%
- Учителя химии и биологии – 53%
- Учителя математики – 53%
- Учителя начальных классов – 50%
- Учителя русского языка и литературы – 46%
- Учителя иностранного языка – 43%
- Руководители образовательных учреждений – 39%
- Учителя географии – 29%
- Учителя технологий – 24%
- Учителя ОБЖ – 18%
- Учителя истории – 10%
- Преподаватели техникумов, ПУ – 10%
- Преподаватели, воспитатели интернатов – 7%
- Воспитатели ДОУ – 5%

По сравнению с прошлым годом общий уровень культуры речи снизился, что, как нам кажется, связано с изменением в аттестационных процедурах. Учителя высшей и первой квалификационной категории не проходят курсов повышения квалификации и не принимают участие в тестировании по культуре речи. Приведенные цифры характеризуют учителей, имеющих лишь вторую квалификационную категорию.

Следует отметить, что заметно повысился уровень культуры речи у учителей технологии, физики, химии и биологии.

Огорчает тот факт, что руководители образовательных учреждений не являются образцом для своих подчиненных. Культура речи руководителя – неотъемлемая часть общей культуры личности. Для людей, чья деятельность связана с речевым общением, она является одним из условий профессионального успеха.

Речь руководителей мало, чем отличается от речи остальных людей и ей свойственны типичные речевые ошибки. Типичные трудности владения нормами речи:

- ударный [е] ошибочно подменяют [о], что связано с отсутствием буквы Ё в книгах и периодике;
- употребление некоторых форм глаголов (*премировать, облегчить, исчерпать, осведомить, откупорить, включить, вручить, поручить, баловать*);
- слова иноязычного происхождения (*Ньютон, маркетинг, жалюзи, диспансер, колледж*), где правильно поставить ударение можно, лишь зная происхождение слов;
- существительные *каучук, квартал, дерматин, свёкла, ходатайство, досуг, опека, афера*;
- прилагательные *сливовый, украинский*;
- словосочетания *оптовые закупки, наложенный платеж, на доску, на складах, с похорон, истекший год, истекшая жидкость*.

80% опрошенных при первом тестировании допустили ошибку в слове *обеспечение*, при повторном – 56% слушателей вновь ошиблись.

Безусловно, тестирование по КР могло выявить всех трудностей владения нормами речи, поскольку в тест не вошли трудности звукоупотребления, лексической сочетаемости, употребления паронимов и грамматических форм, употребления форм числительных. Однако предъявленный минимум выявил низкий уровень речевой грамотности руководящих работников, показал необходимость введения специальных курсов по русскому языку и культуре речи в программы высшего нефилологического и гуманитарного образования.

Л.И. Косинова
Отдел мониторинга образования
Железнодорожного района

Культура общения в школе

Проблема общения – одна из самых актуальных проблем нашего времени. В нашем районе отношение к предмету культура общения самое пристальное. Поэтому все с нетерпением ждут нового учебного плана, переживая, что введение в курс школьного образования культуры

общения, кому-то может показаться ненужным. Хотя жизнь доказывает обратное. Именно этот предмет способен научить наших детей правилам хорошего тона, воспитать в них доброту, порядочность, вежливость, научить взаимопониманию и умению принимать решения в трудных жизненных ситуациях.

Обучающая, развивающая и воспитательная роль культуры общения чрезвычайно велика. Не секрет, что родители мало внимания уделяют развитию и воспитанию детей. Многих детей воспитывает улица и телевизор. По телевидению и радио не всегда звучит правильная и красивая речь. Средства массовой информации никогда не заменят хорошую интересную книгу. И, может быть, благодаря этому предмету, наши дети больше станут читать, посещать библиотеки и книжные магазины.

Педагоги нашего района провели анкетирование, цель которого узнать, насколько интересен данный предмет детям. Ученики отмечают, что уроки культуры общения обогащают словарный запас, способствуют развитию речи, памяти, анализу и умению общаться со сверстниками, а также учат правилам хорошего тона, воспитывает доброту.

Детям нравится этот предмет, уроки проходят в атмосфере доброжелательности. Учащиеся свободно высказывают свои мысли, суждения, проявляют свою индивидуальность, им нравится работать в группах.

Но не только детям нравится предмет, сами учителя с большим удовольствием преподают его. Учащиеся добиваются хороших результатов на районном фестивале риторики и научно-практической конференции. При проведении конкурса «Учитель года» учитель МОУ СОШ № 53 О.А. Бовкун демонстрировала свое мастерство при проведении уроков культуры общения. Ее концепция вызвала живой интерес, так как нравственное и духовное развитие детей является всегда актуальным. Благодаря предмету «культура общения» дети стали лучше говорить, свободнее высказывать свои мысли и суждения.

Ежегодно в нашем районе проводится фестиваль риторики. Работа по подготовке к мероприятию начинается уже в начале учебного года. Выбирается жанр выступления, отрабатывается умение выступать перед аудиторией. Дети обучаются нормам общения, культуры речи и поведения.

Ораторское мастерство стоит на первом месте в любой профессии. Я думаю, что опыт, приобретенный при участии в мероприятиях такого вида, будет хорошей поддержкой детям в их дальнейшей их жизни.

Проблемы преподавания культуры общения в районе

На первый взгляд, кажется, что общение нельзя отнести к сложному и тем более слабо изученному процессу коммуникации. Все мы без особых затруднений общаемся между собой, влияем друг на друга, с детства владеем речевой деятельностью как главным средством общения. И тем не менее многоплановый характер общения, включающий многообразие функций и сторон, вербальную и невербальную коммуникацию, является серьезным предметом научных исследований ученых разных направлений.

Для работников образования искусство общения является важной профессиональной чертой, ибо главным средством реализации производственных задач выступает коммуникация. И, следовательно, от уровня развития у педагогов коммуникативных способностей зависит эффективность труда. В условиях перестройки системы образования, когда демократизация пронизывает все стороны нашей жизни, когда в школьную программу введен новый предмет «культура общения», где дети учатся эффективно общаться, изучают основы делового общения, требования к общению педагогических работников возрастают.

Во-первых, пришло время отказаться от авторитарного общения, сложившегося за многие годы в средних школах, как стиля управления и педагогического воздействия на учащуюся молодежь. Авторитарное общение, как известно, легче, чем демократическое, ибо основано на слепом подчинении и не требует особых доказательств по принятию управленческого воздействия. Такой тип общения своими корнями уходит в административно-командную систему, и сейчас он стал серьезным тормозом в развитии системы образования. В нашем районе есть случаи, когда администрация школы использует устаревший метод воздействия на неуспевающих учеников – критика перед коллективом. Дети, изучая законы общения, приходят к выводу, что взрослые не знакомы с ними. А это говорит о некомпетентности коллектива школы. Необходимо провести обучающий курс деловому общению для всех педагогов.

Во-вторых, деловое общение не только обуславливает совместную деятельность, но выступает важнейшим фактором воспитания личности. Ведь воспитывать человека – значит не только воздействовать на его представления и понятия, но и обеспечить практическую регуляцию поведения, отношений с другими людьми. Искусство делового общения является показателем культуры, и профессионализма как педагогов, так и их воспитанников.

В-третьих, деловое общение является также важнейшим средством руководства на всех уровнях управления, и в первую очередь, в работе с учащимися школы. Когда мы говорим о личностно-ориентированном

обучении, то имеем в виду главным образом взаимоотношения в диаде «педагог-ученик». Показателем же таких взаимоотношений, наряду с максимальным привлечением воспитанников к управлению, является стиль общения, посредством которого реализуются учебно-воспитательные задачи.

Необходимо для всех работников образования раскрыть структуру и функции делового общения, показать пути повышения его эффективности. Цель данной работы состоит не только в том, чтобы повысить психологическую культуру общения, но и познакомить педагогов с приемами делового общения, которые определяют эффективность коммуникативной деятельности. Это позволит более продуктивно строить взаимоотношения с учениками и коллегами и влиять на них.

Теоретические проблемы общения и речевого воздействия

О.Н. Чарыкова
Воронежский ГУ

К вопросу о соотношении терминов «текст» и «дискурс»

В лингвистической литературе наряду с термином «текст» широко используется термин «дискурс». В современной науке нет единства в толковании этого термина. Однако в большей части работ отечественных и зарубежных учёных сложилась традиция, в рамках которой под словом *дискурс* понимается целостное речевое произведение в многообразии его когнитивно-коммуникативных функций.

Тенденция к размежеванию терминов «текст» и «дискурс» наметилась в 70-80-е годы XX века. Причём это разграничение у разных исследователей может базироваться на разных основаниях. Текст трактуют как единицу дискурса (Красных 2003), соотнося рассматриваемые понятия как отдельное и общее, статическое и динамическое (Дымарский 1999), видовое и родовое (Богуславская 2003; Седов 2004;). По мнению Н.С. Валгиной, разграничение может быть определено и формами речи: термин «дискурс» чаще применяют к произведениям устной, а термин «текст» – к произведениям письменной речи (Валгина 2003, с. 20). Таким образом, исследователи едины во мнении, что термины «текст» и «дискурс» связаны, но не тождественны, а отличаются объёмом понятий и аспектом рассмотрения.

Дискурс, в целом, признаётся более широким понятием, чем текст. Это одновременно и процесс речевой деятельности, и её результат, то есть

текст. Как подчёркивает Т.В. Милевская большой объяснительной силой обладает описание текста как промежуточной стадии дискурса, если под дискурсом понимать совокупность речемыслительных действий обоих коммуникантов. В этом случае текст как объективно существующий факт действительности может рассматриваться в качестве продукта – результата дискурса (Милевская: <http://teneta.rinet.ru/rus/>).

Подобное разграничение встречаем и у В.Е. Чернявской. В её понимании, текст представляет собой компонент дискурса – его необходимую, базовую часть; текст – это формально завершённая структура, возникшая в результате коммуникативно-когнитивного процесса – дискурса. Дискурс же – это языковое выражение общественной практики в её различных коммуникативных сферах; упорядоченное и систематизированное особым образом использование языка, за которым стоит особая – социально-, идеологически-, культурно-, исторически обусловленная ментальность (Чернявская 2002, с. 230).

И.П. Сусов отмечает, что в современных исследованиях при анализе дискурса из социологической теории Э.Гоффмана заимствуется понятие «обмен/взаимообмен» для речевого «раунда» с двумя активными участниками, каждый из которых производит выбор какого-либо действия из множества альтернативных действий, влекущих за собой благоприятные или неблагоприятные для участников взаимодействия последствия (Сусов: <http://www.rusword.org>). Именно факт взаимодействия, диалога становится определяющим в дефиниции дискурса, предложенной К.Ф. Седовым: «Дискурс – объективно существующее вербально-знаковое построение, которое сопровождает процесс социально значимого взаимодействия людей» (Седов 2004, с. 8).

В свете всего выше сказанного справедливым представляется мнение Н.С. Болотновой, что текст, изучаемый в коммуникативно-деятельностном плане, с учётом всех компонентов речевой коммуникации Р.О. Якобсона (автор, текст, адресат, язык /код/, канал связи, действительность), приобретает статус дискурса (Болотнова 1999, с. 18).

Применительно к лингвистическим исследованиям дискурсивный анализ начинается с проецирования на элементы содержательно-смысловой и композиционно-речевой организации текста психологических, политических, национально-культурных, pragматических и других факторов. Совершенно справедливой представляется точка зрения В.Е. Чернявской о том, что дискурсивный анализ – это двухэтапный процесс. Первым этапом является анализ текста в качестве отдельной единицы дискурса или дискурсивного фрагмента. На следующем этапе данный текст, продуцированный отдельным субъектом речевой деятельности, может быть квалифицирован как «социальное высказывание» и включён в широкий ситуативный контекст (Чернявская 2002, с. 231-232). В силу этого, считает Е.С. Кубрякова, при исследовании дискурса важен не только параметр времени протекания события, но и весь

набор pragматических факторов, с точки зрения которого это событие может быть охарактеризовано (Кубрякова 2001, с. 10).

Если текст рассматривают как комплекс высказываний, связанных друг с другом на основании критериев текстуальности, то дискурс предстаёт как интегративная совокупность текстов, обращённых к одной общей теме и функционирующих в пределах одной и той же коммуникативной сферы (политический дискурс, рекламный дискурс и т.д.). Исследование дискурса, таким образом, акцентирует внимание на том, какие особенности коммуникативно-речевой деятельности и в какой степени оказывают влияние на то, а не другое использование языка в текстовой системе; через текстовые характеристики дискурсивного уровня обнаруживаются культурно-исторические, социальные, идеологические, когнитивные формы взаимодействия автора текста и читателя.

Таким образом, в современной научной парадигме текст является исходной точкой, фокусом, через призму которого рассматриваются разные аспекты человеческой деятельности, первое место среди которых принадлежит социальному и когнитивному.

Богуславская В.В. Моделирование текста: лингвосоциокультурная концепция: Монография/ЮО РАО. – Ростов н/Д, 2003. – 272 с.

Болотнова Н.С. О соотношении понятий «художественный текст» и «художественный дискурс» в коммуникативной стилистике текста // Русский язык и русистика в современном культурном пространстве. Тезисы докладов и сообщений международной научной конференции 13-16 октября 1999 г. – Екатеринбург: Изд-во Урал ун-та, 1999. – С.16-19.

Валгина Н.С. Теория текста: Учебное пособие. – М.: Логос, 2003. – 280 с.

Дымарский М.Я. Проблемы текстообразования и художественный текст (на материале русской прозы XIX – XX вв). – Спб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. – 284 с.

Кубрякова Е.С. Об исследовании дискурса в современной лингвистике // Филология и культура. Материалы 3-й международной конференции. – Тамбов, 2001. Ч. 1. – С. 8-11.

Милевская Т.В. Дискурс и текст: проблема дефиниции. – <http://teneta.rinet.ru/rus/>.

Седов К.Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции. – М.: Лабиринт, 2004. – 320 с.

Сусов И.П. Коммуникативно-деятельностные теории языка // Мир слова русского. – <http://www.rusword.org>.

Чернявская В.Е. От анализа текста к анализу дискурса // Текст и дискурс: традиционный и когнитивно-функциональный аспекты исследования: Сб. науч. тр. / Под ред. Л.А. Манерко; Ряз. гос. пед. ун-т им. С.А. Есенина. – Рязань, 2002. – С. 230-232.

Литературная норма и ее модификация

От современного выпускника школы, техникума, а особенно вуза в настоящее время требуются не только научные познания, но и способность легко и быстро пойти на контакт, то есть обладать коммуникабельностью. Необходимо уметь грамотно общаться, причем как с точки зрения норм этики, этикета, так и с позиции языка.

Общение определяется как специфическая форма взаимодействия людей, направленная на передачу информации от одного человека к другому. Осуществляется общение с помощью языка и речи, которые являются двумя аспектами единого целого, находясь в отношениях: общее – частное. Абстрактным, в данном случае общим, является язык, так как образует систему условных символов, служащих для передачи сочетания звуков, наполненных определенным значением и смыслом. Речь как частное проявление – это «форма существования сознания, служащая средством общения, ...и форма обобщенного отражения действительности» (Рубинштейн 1999, с. 282). Под речью понимается сам процесс словесного общения, и от того, насколько четко язык «функционирует» в рамках индивидуального сознания, нередко зависит успех коммуникации. Таким образом, знание языка является залогом продуктивного общения. Поэтому в речи чрезвычайно важно использовать те слова, которые точно соответствуют означаемому, уместны в конкретной ситуации общения и, безусловно, правильно реализованы с точки зрения нормативности (прежде всего, орфоэпии и грамматики). Остановимся на последнем аспекте.

Язык (литературный язык) основывается на комплексе норм, закрепленных в словарях и справочниках. Однако, как показывает практика, литературная норма зависит от ряда факторов, в частности от условий, в которых протекает речь. Так, в одной ситуации общения разговорные варианты могут использоваться, а в другой эти варианты недопустимы.

Общепринято, что норма литературного языка – это относительно устойчивый способ выражения (или способы выражения), отражающий исторические закономерности развития языка, закрепленный в лучших образцах литературы и предпочтаемый образованной частью общества. Литературный образец должен быть обязательным и использоваться повсеместно. Тем не менее, носитель языка нередко искажает литературную норму, не делая отличий между правильным использованием слова и ошибочным. Во многом подобные нарушения объясняются природой самого языка, так как литературная норма не всегда допускает единственный способ выражения мысли. Речь идет о вариантности.

В ходе развития языка и общества языковая система меняется, что отражается в литературной норме. В результате возникают параллельные способы выражения мысли, то есть варианты. Между тем, не стоит забывать, что вариантность – подвижное и зыбкое явление. Это процесс, отражающий внутренние закономерности языка по переходу от одной литературной нормы к другой. Такой процесс может включать в себя несколько этапов: 1) единственно возможный способ выражения (обязательная норма); все иные способы рассматриваются как грубое нарушение нормы, например: жалюзи – *неправильно* жалюзи; 2) вариантное использование языковых средств с предпочтительным выбором одного, например: иначе – *допустимо* иначе; 3) равноправное использование вариантов, например: кашица и кашица; 4) вариантное использование языковых единиц, при котором один из вариантов устаревает и выступает как менее желательный, например: индустрия – *устаревшее* индустрия; 5) обязательная норма. Таким образом, норма представляет собой шкалу переходности и отражает языковые изменения.

Внутри рассматриваемого явления, как отмечалось выше, находятся вариантные формы, дающие возможность выбора одного из двух вариантов. Интересен тот факт, что носитель языка предпочтение нередко отдает менее желательной форме, отмеченной в орфоэпическом словаре пометой «допустимо», что, вероятно, объясняется «отставанием» литературной нормы от живого языкового процесса (подвижность в первую очередь звуковой оболочки слова и консервативность словаря). Например: договор вместо договор, камбала вместо камбала, торфяник вместо торфяник, микроволновый вместо микроволновый, кулинария вместо кулинария, розанчик вместо розанчик, инdevеть вместо инdevеть, килограммовый вместо килограммовый и другие.

За пределами данной шкалы находятся нелитературные варианты, которые расцениваются как ошибки. Такие отклонения чаще всего допускаются носителем языка из-за неграмотности. Речь идет не об отсутствии у коммуниканта диплома о высшем образовании, а о неосведомленности говорящего относительно использования той или иной единицы.

Как показывает практика, в Тюменском регионе четко отслеживаются пять видов орфоэпических нарушений литературной нормы.

Первые связаны с языковой ограниченностью носителя. Поэтому распространены ошибки, встречающиеся в речи сельских жителей середины XX века, то есть устаревшие просторечия. Среди них можно отметить формы: цемент, шофер, досуг, магазин, километров, оплоченный, доставка и другие.

Вторую группу составляют «профессионализмы» – это слова с искаженным ударением с точки зрения современного литературного языка, но рассматривающиеся как нормативные в специальном кругу, например: нефти, смеси, добыча, нефтедобыча, договор, вахтовый (журнал) и т.п. Носитель подобных «профессионализмов» не желает слышать о другом

произношении, мотивируя свой выбор частотой использования указанной языковой единицы и даже скрым изменением нормы в пользу специального использования.

К третьей группе относятся слова с отклонением в ударении и произношении, вызванным смешением нескольких языковых культур (в данном случае русской, украинской, белорусской и татарской). Отсюда возникают следующие варианты: садят, ножницами, щелкать, щиковотка, пончо, овсяное, выпадывать, щ[’Э]лочка и другие.

В состав четвертой группы входят иностранные слова, произношение которых говорящему незнакомо: сафари, генезис, фетиш и тому подобные. И особо можно выделить распространенные повсеместно нелитературные варианты, например: звонит, каталог, квартал, бутик, мусоропровод. Как видно из вышеприведенных языковых иллюстраций, нарушение литературной нормы – достаточно распространенное явление. Возможность использования вариантов предусматривается языком в рамках исторического процесса.

Однако чаще всего современные ошибки связаны с языковой некомпетентностью носителей языка. Поэтому о назревшей модификации литературной нормы, о которой в последнее время все чаще упоминается, говорить не приходится. Очевидна необходимость более пристального внимания к преподаванию нормативного аспекта в высшей школе, а также в среднем звене, так как гораздо проще изначально научить правильно общаться, чем избавляться от неправильных, но привычных конструкций или слов.

Горбачевич К.С. Нормы современного литературного языка и толковые словари // Нормы современного русского литературного словоупотребления. – М.: Наука 1966. – С.5-23.

Орфоэпический словарь русского языка: Произношение, ударение, грамматические нормы / Под ред. Р.И. Аванесова. – М.: Рус. яз., 2001.

Рубинштейн С.П. Основы общей психологии. – СПб, 1999.

Вл. Инютин
Воронежская ГМА

Кризис европейской рациональности и теория коммуникации

Рубеж XX-XXI веков, как и всякая переходная эпоха, имеет свои противоречия и контрасты. В свою очередь всякие противоречия, как уже было показано в работах представителей одного из самых влиятельных направлений философской мысли XIX-XX веков – диалектики Г. Гегелем и К. Марксом, являются лишь разными сторонами одной и той же медали,

«моментами», пусть и внешне противоположными, данного конкретного процесса. Ещё точнее будет утверждать, что всякое противоречие это всего лишь результат развития какой-либо идеи или общественной формы, при которых эти идеи и общественные формы реализуются до конца, до полной исчерпанности заложенных в них потенций и обращаются в результате в свою собственную противоположность. Эти закономерности распространяются также и на такой важный аспект жизни общества как коммуникация.

Одним из синонимов коммуникации является термин «речевое воздействие». Теория речевого воздействия, соответственно, «изучает способы речевого воздействия на собеседника – к примеру, такие, как доказывание, убеждение, уговаривание, внушение, приказ и т.д.» (Попова, Стернин 2005). Понимаемая таким образом коммуникация (доказывание, убеждение) всегда была основой европейского научно-философского дискурса с античных времён. Достаточно вспомнить, что тексты автора одной из первых фундаментальных философских систем античности, Платона, выдержаны в жанре «сократического диалога». Сюжеты всех его произведений сводятся к тому, что собеседники именно убеждают друг друга в истинности своей точки зрения на предмет спора.

Важно иметь ввиду, что убеждать, доказывать можно только в том случае, если собеседника считают равным себе, так сказать, признают «онтологический статус» его личности. Более того, коммуникация жизненно необходима в демократических обществах всех типов: от античных полисов до современных «западных демократий», так как она представляет собой основной процесс социального взаимодействия, основу «социального действия» этих режимов. Каковы же особенности этого процесса в современном западном обществе?

Современный Запад, не смотря на внешнее экономическое благополучие и военно-политическое доминирование на мировой арене, переживает глубокий культурно-мировоззренческий кризис, связанный с тем, что модернистская парадигма в её классическом варианте, являвшаяся долгое время основой философии и науки, исчерпала свои возможности и породила своё собственное отрицание, «отрицание отрицания», в лице постмодерна. Мироощущение постмодерна хорошо выражено в работах выдающегося философа нашего времени Ж. Бодрийяра. В частности, в его книге «Прозрачность зла» можно найти следующую мысль: «Мы прошли всеми путями производства и скрытого сверхпроизводства предметов, символов, посланий, идеологий, наслаждений. Сегодня игра окончена – все освобождено.... Мы находимся в состоянии лицедейства и не способны ни на что, кроме как заново разыграть спектакль по некогда написанному в действительности или в воображении сценарию» (Бодрийяр 2000, с. 7-8).

Такого рода «освобождение» по Бодрийяру приводит только к одному – все сферы жизни общества (политика, экономика, искусство, культура, моральные отношения) начинают функционировать по сетевому принципу: они не просто взаимопроникают друг в друга, но выходят за

собственные пределы, теряют свою обособленность, специфику. Этот процесс сам философ называет «дроблением». Сей термин означает, что всякое явление становится эстетичным, политическим, экономическим одновременно. Это свойства как бы «разливаются», «рассеваются» в мире культуры. В итоге уже невозможно отличить прекрасное от безобразного, добро от зла.

Всё это справедливо можно экстраполировать и на процессы коммуникации. Коммуникация из взаимодействия между равноправными индивидами, «социального действия» (термин Парсонса) превратилась в простое воспроизведение сетевой структуры уже в сфере непосредственного общения, в отрицание социальности как таковой. Ж. Бодрийяр даёт следующую характеристику современному её состоянию: «Социальное же по своей сути есть нечто иное. Это была мечта, миф, утопия, форма, которой присущи конфликты, противоречия, страсть, во всяком случае явление неровное и особенное. Коммуникация же, упрощая «интерфейс», ведет социальную форму к безразличию. Вот почему не существует утопии коммуникации. Утопия коммуникационного общества лишена смысла, потому что коммуникация является результатом неспособности общества преодолеть свои границы и устремиться к иным целям» (Бодрийяр 2000, с. 21).

Схожей проблематикой занимались и представители Франкфуртской школы (Адорно, Хабермас, Маркузе, Хокхаймер, Фромм). В их работах тоталитаризм рассматривается как доведенная до своего предела рационализация и стандартизация социальных процессов. В частности, Э. Фромм в книге «Психоанализ и этика» в числе прочих типов социального характера выделяет так называемый «рыночный тип», представители которого не имеют определённой устойчивой структуры характера, а подстраиваются под требования текущей конъюнктуры. Можно сказать, что здесь уже нет личности как онтологической единицы, а есть лишь «явление», «симулякр». Этот социальный характер может быть объяснён как следствие изменения самой структуры коммуникации в эпоху постмодерна.

Более того, разум в таком обществе не может подняться до решения новых целей и задач. Он становится «инструментальным», ограниченным определённым «интерфейсом». И это уже не менее серьёзная угроза для человечества, чем тоталитаризм, потому что рациональное мышление и классическая коммуникация – основы демократии, без которых она рискует выродиться в тоталитаризм нового типа. Вот что по этому поводу пишет Г. Маркузе в книге «Одномерный человек»: «Свобода мысли, слова и совести – как и свободное предпринимательство, защите и развитию которого они служили, – первоначально выступали как критические по своему существу идеи, предназначенные для вытеснения устаревшей материальной и интеллектуальной культуры более продуктивной и рациональной. Но, претерпев институционализацию, они разделили судьбу общества и стали его составной частью. Результат уничтожил предпосылки».

Каков же выход из этого положения? Безусловно, необходимо признать, что человек эпохи постмодерна действительно в некотором смысле одномерен, эфемерен, отлучён от своих подлинных онтологических корней. Но выход из этой ситуации на путях реформированного рационализма всё же возможен. И здесь можно сослаться на два теоретических источника такой альтернативы: это концепция «коммуникативной рациональности» Хокхаймера и «философия всеединства» Соловьёва.

Согласно Соловьёву, отдельный человек действительно ограничен как онтологическая единица, но отдельные люди могут восполнить этот недостаток, если общество будет строиться именно как полноценная онтологическая реальность, как «соборность», без тоталитарных практик, присущих доведённому до предела самоотрицания классическому модерну. Достигается это за счёт категории «восполнение».

Известный специалист в области феноменологии В. Брюшинкин, на основе обобщенного им материала даёт следующую дефиницию данного термина: «Восполнение – это отношение между субъектами, вытекающее из принципиальной неполноты их бытия и стремления их к совершенству и состоящее в объединении различных субъектов в единое существо без потери их индивидуальности» (Брюшинкин 2005, с. 29-39). Таким образом прежний онтологический статус личности восстановлен. Остаётся проблема конкретной прагматики «восполнения». В данном контексте решением можно считать идею «коммуникативной рациональности» Хокхаймера, согласно которой единый дискурс общества как совокупности равных личностей можно создать на «молекулярном» социальном уровне за счёт постоянных коммуникативных взаимодействий, входе которых достигается общее согласие без тоталитарных технологий управления.

Таким образом, коммуникация в подлинном смысле не только имеет будущее, но и может послужить опорой для всякого демократического общества в его противостоянии тоталитарным угрозам сегодняшнего дня, таким, в частности, как терроризм.

Бодрийяр Ж. Прозрачность зла / Ж. Бодрийяр. – М.: Добросвет, 2000.

Брюшинкин В.Н. Феноменология русской души / В.Н. Брюшинкин // Вопросы философии. – 2005. – №1. – С. 29-39.

Маркузе Г. Одномерный человек / Г. Маркузе [Электронный ресурс] // Русский Гуманитарный Интернет Университет. Библиотека учебной и научной литературы – (<http://WWW.I-U.RU/>)

Попова З.Д. Стернин И.А Текст, дискурс и проблема эффективности коммуникации / З.Д. Попова И.А. Стернин // Текст – дискурс – картина мира. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 1, Воронеж: Изд-во «Истоки», 2005.

Коммуникативная личность филолога как предмет экспериментального изучения

В современной коммуникативной лингвистике и психолингвистике расширяется круг исследований, связанных с выявлением профессиональных особенностей общения различных групп носителей языка.

В ряду профессиональных коммуникативных личностей, представляющих интерес для изучения, заметное место занимает коммуникативная личность филолога.

Изучение коммуникативной личности филолога необходимо в силу большой общественной значимости филологической профессии в педагогической и культурной сферах жизни общества, роли филологов в продвижении норм культуры речи и общения в обществе, популярности и распространенности самой профессии. Важно выяснить, как коммуникативная личность филолога представлена в сознании носителей языка, как последние воспринимают и концептуализируют коммуникативную деятельность современного филолога, какие требования к ней предъявляют.

Экспериментальное исследование позволило выделить доминантные признаки коммуникативной личности филолога, то есть такие, которые наиболее ярко проявляются в общении филологов, заметны окружающим и квалифицируются испытуемыми как особенности коммуникативного поведения именно филологов.

В результате обработки экспериментальных материалов проведенного исследования основными доминантными чертами коммуникативной личности филолога оказались следующие:

- осознание филологами наличия дифференциальных черт коммуникативного поведения членов своей профессиональной группы;
- идеализация филологами коммуникативного поведения членов своей профессиональной группы;
- стремление к нормативности речевого поведения;
- стремление к эффективности верbalного коммуникативного поведения;
- подверженность речевого поведения влиянию художественных текстов;
- влияние книжных стилей речи на вербальное коммуникативное поведение филологов;
- частотность употребления экспрессивной лексики;
- осуществление филологами контроля над своим речевым поведением и речевым поведением окружающих;

- склонность к коррекции эмоционально-психологического состояния и коммуникативного поведения собеседника;
- высокая степень дискуссионности общения;
- приоритетность профессиональной тематики в процессе коммуникации с членами своей референтной группы;
- коммуникативная гибкость;
- более высокий уровень общительности филологов по сравнению с уровнем общительности нефилологов;
- преимущественный выбор филологами кооперативной стратегии в общении;
- принадлежность коммуникативной личности филолога к среднелитературному типу речевой культуры;
- ощущение дефицита общения у значительной части филологов;
- коммуникативная приветливость;
- осуществление контроля над собственным невербальным поведением;
- широкое использование тактильных средств воздействия;
- широкое использование изменения дистанции общения в коммуникативных целях.

Как показал эксперимент, совокупность выделенных доминантных признаков коммуникативной личности филолога отчетливо осознается носителями русского языка как принадлежность коммуникативной личности филолога.

В целом, как показало исследование, коммуникативная личность филолога включает интегральные и дифференциальные признаки. Интегральные признаки «наполняют» содержание коммуникативной личности, дифференциальные отличают данную коммуникативную личность от других типов коммуникативной личности.

Доминантные признаки коммуникативной личности филолога обладают психологической реальностью для коммуникативного сознания носителей языка, хотя существуют и другие дифференциальные признаки исследуемой коммуникативной личности, осознаваемые самими филологами, но слабо осознаваемые или вообще не фиксируемые коммуникативным сознанием рядового носителя языка. Можно провести аналогию с восприятием интонационных конструкций носителями языка: количество интонационных конструкций, реально используемых говорящими в речи, весьма велико, (фонетисты выделяют их достаточно много), но рядовой носитель языка различает не более десятка интонационных конструкций, они и составляют ядро просодической системы языка. Недоминантные признаки, очевидно, тоже могут входить в описание коммуникативной личности, но они составят ее периферию.

Как показало исследование, коммуникативное сознание рядовых носителей языка воспринимает речь и коммуникативную практику филологов как *эталонные*: большинство нефилологов приписывает филологам элитарный тип речевой культуры, хотя одновременно и филологи, и нефилологи указывают на наличие у филологов достаточно частотных речевых и

коммуникативных ошибок. Филологи в действительности регулярно нарушают речевые и коммуникативные нормы. Таким образом, в реальности речь и коммуникативное поведение филологов не соответствуют стереотипным представлениям об *эталонности* речи филологов, которые существуют в коммуникативном сознании рядовых носителей языка. Коммуникативная личность практикующего филолога по результатам исследования может быть отнесена к среднелитературному типу речевой культуры (существенные признаки этого типа речевой культуры отмечаются у 91% филологов).

Таким образом, речь филолога не соответствует представлению окружающих о ее *эталонности*. Однако на устойчивости представления об *эталонности* речи филолога реальная коммуникативная практика филологов, наблюданная носителями языка, никак не сказывается: рядовые носители языка продолжают сохранять в своем коммуникативном сознании стереотип *эталонности* речи филологов.

Данное явление, выявляющееся в коммуникативном сознании рядового носителя языка, определяется нами как «языковой идеализм». Под «языковым идеализмом» предлагается понимать информационный компонент коммуникативного сознания – устойчивое представление о позитивных, эталонных качествах речи определенной профессиональной группы, в нашем случае филологов. «Языковой идеализм» в отношении филологов является устойчивым информационным компонентом коммуникативного сознания народа, причем он свойственен и самим филологам, и в особенности – нефилологам.

В данном случае «языковой идеализм» поддерживает в коммуникативном сознании носителей языка представление о коммуникативной личности филолога как эталонной коммуникативной личности, не приходя в конфликт с объективными наблюдаемыми данными, которые приводятся теми же информантами. Это еще раз доказывает автономность и устойчивость существования ментальных стереотипов в сознании народа и отсутствие тесной связи между коммуникативным стереотипом и реальным коммуникативным поведением исследуемой группы носителей языка.

На этапе верификации результатов исследования двадцати филологам, работающим в воронежских вузах, было предложено сравнить полученные в ходе исследования результаты с их собственным представлением о коммуникативном поведении филологов.

Основные признаки коммуникативной личности филолога, выделенные в ходе настоящего исследования, были в общем подтверждены вузовскими филологами. При этом вузовские филологи сочли необходимым добавить к коммуникативному облику филолога некоторые признаки, которые они посчитали яркими, существенными.

Вузовские филологи более дифференцированно воспринимают и научно анализируют речевую практику филологов, уделяют значительно большее

внимание речевому аспекту коммуникативного поведения филологов, чем члены опрошенных групп филологов и нефилологов.

Так, в отличие от учителей-филологов и студентов-филологов, яркими признаками коммуникативного поведения филолога ученые-филологи считают *богатый словарный запас, развитую способность варьировать речевые средства в зависимости от ситуации общения*. Отметим, что опрошенные нами испытуемые также называли среди дифференциальных данные признаки верbalного коммуникативного поведения филологов, однако эти признаки не отмечаются информантами в качестве ярких. Очевидно, массовое коммуникативное сознание наличия этих признаков как доминантных у коммуникативной личности филолога не подтверждает.

Кроме того, по мнению вузовских филологов, филологи широко используют в своей речевой деятельности *языковую игру и прецедентные тексты*. Испытуемые же (учителя-филологи и студенты-филологи), хотя и отмечают эти факты, но не считают данные особенности яркими, существенными.

Языковая игра, использование прецедентных текстов – явления сравнительно новые. Для значительной части филологов (главным образом молодых) – это уже норма, поэтому они в большинстве своем не замечают названных особенностей своей речи. Очевидно, что для современного филолога использование прецедентных текстов и языковой игры можно квалифицировать не как доминантные, а уже как фоновые качества коммуникативной личности. Филологи же *старшего поколения* (которые в основном и составили экспертную группу) обращают внимание на эти качества речи филолога: они для них новы и необычны.

Выявлен также признак, который учителя-филологи и студенты-филологи, в отличие от вузовских филологов, отметили как яркий. Так, учителя русского языка и литературы и студенты-филологи отмечают *нормативность* в качестве главного отличительного признака коммуникативного поведения филолога. Опрошенные же вузовские филологи не выделяют указанный признак в качестве яркого. Вузовские филологи полагают, что речь большинства филологов, в том числе студентов и учителей, не является нормативной в лексическом отношении. Вузовские филологи утверждают, что в ситуации неформального общения филологи регулярно употребляют грубую ненормативную лексику, причем в ряде случаев немотивированно.

Вузовские филологи считают, что большая часть филологов не обладает безупречно высоким уровнем культуры речи и что филологи являются носителями *среднелитературного типа речевой культуры*. Данное наблюдение подтверждается настоящим исследованием, однако в массовом коммуникативном сознании, как уже отмечалось, одновременно существует устойчивое представление об эталонности речи филолога, которое выступает как стереотип.

Остальные признаки коммуникативной личности филологами вузовскими филологами были подтверждены, что свидетельствует об объективности существования данных признаков коммуникативной личности филолога.

В целом специфика коммуникативной личности филолога, как показало исследование, является очевидной и для самих филологов, и для представителей других профессиональных групп, что свидетельствует об объективности и реальности выделения профессиональной коммуникативной личности филолога как типа коммуникативной личности.

Т.В. Тимофеева
Воронежский ГУ

Перевод в аспекте теории речевого воздействия

Речевое воздействие осуществляется не только в рамках устного общения, но и при восприятии читателем художественного текста. Главным конструирующим фактором художественного текста является его коммуникативное значение, т.е. его прагматическая сущность, поскольку он предназначен для эмоционально-волевого и эстетического воздействия на тех, кому адресован.

Под прагматикой текста мы понимаем аспект функционирования языковых единиц, выбор которых определяется интенциональными воздействующими задачами отправителя текста, учитывая ситуативные условия акта общения и принятые в данном функциональном стиле нормативные способы употребления языка. Прагматические задачи отправителя художественного текста – это эмоционально-эстетическое воздействие на получателя. Для решения задач воздействия отправитель осознанно или неосознанно руководствуется при порождении текста определенной стратегией.

Прагматическая эквивалентность в переводе оригинального текста проявляется как эквивалентность коммуникативной интенции, которая может быть как информативной, так и информативно-экспрессивной. Для анализа нами специально были привлечены тексты двух переводов романа Ф.С. Фицджеральда «Великий Гэтсби» (А – перевод Е. Калашниковой; Б – перевод Н. Лаврова). Была поставлена задача выявить степень их прагматической эквивалентности не только по отношению к тексту оригинала, но и между этими переводами.

В указанных переводах были обнаружены расхождения, связанные с коммуникативно-прагматическими установками авторов переводов. Эти расхождения, прежде всего, выявляются на лексическом уровне, где авторы интенционально осуществляют различный выбор лексических единиц при общности исходного оригинального текста. Так, в данной статье мы проанализировали различия в степени эмоционального

воздействия, которое производят на читателя эти два варианта перевода при описании образа Тома Бьюкенена. Сравним следующие примеры:

Now he was a sturdy straw-haired man of thirty with a rather hard mouth and a supercilious manner.

А Теперь это был плечистый тридцатилетний блондин с твёрдо очерченным ртом и довольно надменными манерами.

Б Теперь это был широкоплечий тридцатилетний мужчина с копной волос соломенного цвета на горделиво посаженной голове, с твёрдо очерченной линией рта и несколько надменными манерами.

В переводе **А** автор пытается сохранить структуру, близкую английскому вариантуср: *a sturdy straw-haired man of thirty – плечистый тридцатилетний блондин*. Одновременно происходит утрата оригинально-авторского сравнения цвета волос Тома с соломой, его сохранение невозможно в подобной структуре в языке перевода. В переводе **Б** автор намеренно использует развернутое описание и при этом усиливает воздействие за счет добавления информации, не содержащейся в оригинале: *копна волос* и *горделиво посаженная голова* (по-видимому, причина такого усиления лежит в сфере личных ассоциаций, вызванных словами *straw* ‘солома’ и *supercilious manner* ‘надменная манера’). Что касается наречий *довольно* и *несколько*, то в данном случае они выступают в функции интенсификаторов и обозначают различную степень проявления такого качества Тома, как *supercilious manner* ‘высокомерие’.

Обнаружен некоторый предел, в котором происходит варьирование соотношения между этими коммуникативными целями. На наш взгляд, ведущую роль в определении пределов этого варьирования играют прагматические факторы, обеспечивающие степень эффекта воздействия переведенного текста на русского читателя. В случае перевода **А** цель автора усматривается в передаче языка и стиля оригинала с наибольшей точностью, порой в ущерб потенциальной экспрессивности русского языка. Тогда как автор перевода **Б** порой явно приносит в «жертву» особенности оригинального текста ради усиления образности восприятия той или иной ситуации. Правомерно в связи с этим говорить о прагматическом содержании текста, которое возникает на основе прагматической установки, в отличие от смыслового содержания текста, которое референциально и направлено на отражение в тексте внешнего мира, событий и обстоятельств, в которые попадают персонажи.

Сравним лексические средства, иллюстрирующие различную степень воздействия на читателя создания образа Тома Бьюкенена:

Two shining arrogant eyes had established dominance over his face and gave him the appearance of always leaning aggressively forward.

А Но в лице главным были глаза: от их блестящего дерзкого взгляда всегда казалось, будто он с угрозой подается вперед.

Б Но главным в его лице всегда были глаза, вернее, дерзкий взгляд сверкающих глаз, при этом мне всегда казалось, что он готов в любое

мгновенье ринуться вперед и расстоптать рискнувшего оказаться у него на пути.

Как и в предыдущем примере, автор перевода **Б** использует для описания более развернутую структуру, которая не только производит яркое эмоциональное воздействие (ср: *блестящий дерзкий взгляд* и *дерзкий взгляд сверкающих глаз*), но и привносит дополнительные смыслы, усиливающие негативное впечатление, которое производит образ Тома на автора переводного текста. Оригинальная фраза ‘*always leaning aggressively forward*’ передается в варианте **А** эквивалентной в pragматическом отношении фразой ‘*с угрозой подается вперед*’, тогда как в варианте **Б** она интерпретируется автором более развернуто, за счет лексических средств, усиливающих образную наглядность ‘*готов в любое мгновение ринуться вперед и расстоптать рискнувшего оказаться у него на пути.*’ Более того, автор перевода **Б** несколько раз повторяет наречие ‘*всегда*’ и добавляет ‘*в любой момент*’, что производит эффект большей напряженности повествования.

При дальнейшем раскрытии образа Тома Бьюкенена автор текста-оригинала указывает на то, что этот персонаж производит ‘*впечатление человека с норовом*’ или ‘*impression of fractiousness*’, что и реализуется в переводе **А**. Автор же перевода **Б** намеренно изменяет pragматический эффект этой фразы, привнося в текст собственные эпитеты, которые явно усиливают негативную оценку персонажа, а также приписывают ему качество ‘*нувориши*’ – ‘*внезапно разбогатевший простолюдин, который лишен аристократической утонченности*’, что не соответствует контексту всего произведения, так как Том – потомственный дворянин. Ср: *His speaking voice, a gruff husky tenor, added to the impression of fractiousness he conveyed.* **Б** *Под стать телу был и голос – резкий хриплый тенор, последний штрих, дополнявший общее впечатление, которое производил этот неуправляемый властолюбец и капризный нувориши.*

Особенно сильные расхождения в двух текстах-переводах связаны с передачей оценочных и модальных сфер. Именно эти категории способствуют созданию pragматического эффекта. Эпитет ‘*немного женственная элегантность*’, характеризующий внешний вид Тома Бьюкенена и употребленный автором перевода **А**, смягчает pragматический эффект, присутствующий в оригинальном варианте ‘*effeminate swank – женоподобное хвастовство, лоск*’ во-первых за счет интенсификатора ‘*немного*’, ослабляющего признак, во-вторых, за счет того, что в переводе **А** явно негативная коннотация данной характеристики персонажа превращается в нейтральную. В переводе же **Б**, напротив, яркая негативная оценка сохраняется ‘*вызывающе-изысканный костюм*’, но немного трансформируется основание этой оценки, здесь отсутствует сема ‘*схожести с женщиной*’, но усиливается ‘*чрезмерное украшательство внешности, возможно, несоответствующее ситуации*’.

При описании образа жизни Тома Бьюкенена автор оригинального текста употребляет фразу ‘*drifted here and there unrestfully*’, что

соответствует русскому ‘дрейфовали без конца то туда, то сюда’. В переводе же **А** ‘скитались по разным углам Европы’ носит негативную коннотацию за счет глагола ‘скитались’ и номинативного сочетания ‘углы Европы’, при этом автор использует прием уточнения, который неоправдан в макроконтексте. Что касается варианта **Б**, то для выражения этой мысли автор использует ‘перебирались из одного райского местечка в другое’, в котором не только отсутствует негативный компонент значения, но и эксплицируется положительной оценкой. При дальнейшем повествовании автор исходного текста говорит о том, что Том ездил туда, ‘где люди играли в поло и вместе наслаждались богатством’, то есть ‘people played polo and were rich together’, не давая никакой оценки, а всего лишь констатируя факт. Автор перевода **А** в данном случае использует существительное ‘богачи’ вместо ‘люди’, носящее негативное значение. Перевод же **Б** для выражения еще более яркой негативной оценки по отношению к состоятельным людям использует образную фразу ‘набитые долларами денежные мешки’, и вместо ‘were rich together’ – ‘кичась своими деньгами’ усиливающую прагматический эффект, который автор переводного текста **Б** намеренно изменил, добавив значение ‘высокомерие’, отсутствующее в оригинале.

Изменение категоричности высказывания также приводит к трансформации прагматического эффекта при восприятии образа Тома Бьюкенена. Сравним его фразы в следующих вариантах перевода: ‘Well, it’s a fine book, and everybody ought to read it.’ Перевод **А** демонстрирует эквивалентную интерпретацию: «Великолепная книга, ее каждый должен прочесть.» Тогда как автор варианта **Б** (сравним: «A то, что эту книгу нужно прочесть всем».) усиливает категоричность высказывания за счет изменения порядка слов и игнорирования положительной оценки героя этой книги, таким образом, его фраза звучит безапелляционно.

Казалось бы, у авторов переводных текстов и коммуникативная цель, и интенциям, и прагматическая установка должны быть идентичны целям, интонациям и установкам автора оригинального текста. Его интенция оказать соответствующее воздействие, реализованная в тексте в качестве прагматической установки, для читателя должно остаться незыблемым в переводных текстах. Однако анализ двух переводных текстов показал, что каждый переводчик, видимо, с неизбежностью ослабляет или, напротив, усиливает воздействующую силу текста, что обусловлено человеческим фактором.

Авторы переводов выступают в этой связи не всегда «исполнителями воли» автора исходного текста, а в качестве авторов-создателей нового текста, однако на основе текста-оригинала. В этой связи особенно важно определить оправданность авторского творческого подхода при переводе, ведь обыкновенный читатель считает, что, знакомясь с тем или иным произведением художественной литературы, он испытывает то же самое эстетическое и эмоциональное воздействие, что подразумевал автор оригинала.

Но поскольку перевод является вторичной коммуникативной ситуацией, переводчик сначала выступает как адресат, и только потом становится адресантом, стремящимся дать аналогичный прагматический эффект, то различные трансформации и преломления неизбежны. Он пропускает через себя прагматическое содержание оригинала, в своем тексте неизбежно проявляя себя, как интерпретатор и привнося авторские напластования, основанные на степени проникновения в замысел автора оригинала, на характере собственного видения ситуации (т.е. субъективного отношении к ней), на специфике языковых различий и на особенностях культур исходного текста и текста перевода.

Возрастное коммуникативное поведение

Е.И. Грищук
Воронежский ИПКиПРО

Эффективная похвала в общении с детьми

Причина широко бытующего оценочного отношения к детям кроется в твердой вере, что похвала и критика, награда и наказание – главные воспитательные средства. Однако не надо забывать, что быть для кого-то – родителей, учителей, родственников, соседей – постоянным объектом оценки невыносимо даже для взрослых, сформировавшихся людей.

В похвале, как и в критике, всегда есть элемент оценки. Когда ребенка часто хвалят, оценивая: *Молодец, Ты такой смелый, Ты такой внимательный, Ты такая умная, Ты такая способная* – он рано или поздно начинает понимать: где похвала, там и выговор. Если сейчас хвалят, значит, в другой ситуации осудят. Ребенок может вырасти зависимым от похвалы взрослым человеком: будет ждать похвалы, искать ее, раздражаться и расстраиваться, огорчаться, если не всегда будет отмечена похвалой любая выполненная им работа. Достигнув тридцатилетнего возраста, воспитанный на похвале-оценке человек от любой задачи и работы будет, в конечном счете, ждать не столько результата, а похвалы.

Как же быть? Не хвалить вообще? Конечно, хвалить! Причем, находить малейший, казалось бы, самый незначительный повод для поощрения. Своевременно указывать ребенку на то, что у него хорошо получается, – весьма эффективный способ воспитательного воздействия. Но хвалить желательно так: поощряя, одобряя сам поступок, событие, а не расхваливая того, кто его совершает. Характеризовать, но не оценивать. Лучше всего просто выразить ему ваше чувство, используя местоимения «я», «мне» вместо «ты».

Расхваливая ребенка, мы непроизвольно делаем его зависимым от поощрений. Причем, у него может возникнуть ощущение, что любой его

поступок непременно должен получать одобрение. А наше доброе слово, относящееся к самому поступку, заставит ребенка сосредоточиться на том, что он чувствует сам по этому поводу. Желательно научиться использовать описательное одобрение (в противоположность оценочной похвале): «*Похоже, что ты получил удовольствие, рисуя эту картинку*», а не: «*Ты потрясающе рисуешь!*».

Наши слова должны ясно выразить то, что мы ценим в его работе – усилия, достижения, творческое решение. Нам следует реалистично описывать конкретный случай и наши конкретные чувства. А он уже сам сделает общие выводы о своей личности и характере. Вот пример полезной похвалы (описательной): «*Твое стихотворение заставило меня почувствовать себя снова молодым. В нем столько энергии, и оно просто наполнено жизнью*» вместо бесполезной (оценочной) похвалы: «*Да ты настоящий поэт!*». Тогда ребенок сам сделает возможный вывод: «*Мои стихи оказывают влияние на людей. У меня, похоже, есть талант*». Наша описательная похвала и положительные выводы подростка являются строительным материалом для его психологического здоровья и нашего с ним эмоционального контакта.

В.Л. Леви в книге «Как воспитывать родителей, или Новый нестандартный ребенок» дает такие рекомендации: «Что не заработано, за то не хвалить», т.е. не рекомендуется хвалить за то, что достигнуто не своим трудом – физическим, умственным или душевным.

Не хвалить за здоровье, красоту, силу, ловкость, сообразительность, ум, талант – короче, за все природные способности, включая и прирожденные бесстрашие и врожденную доброту. Ни в коем случае не отмечать одобрением (равно как и неодобрением!), которое так легко принимается ребенком на свой личный счет, игрушки, одежду, вещи. Кроме того, не надо хвалить больше двух раз за одно и то же; из жалости; из желания понравиться ребенку.

Если мы научимся подчеркивать личные заслуги детей без сравнения с заслугами других, приучим ребенка ставить перед собой собственную цель и делать все, от него зависящее, чтобы достичь ее, то поможем избавиться ему от чувства разочарования в случае, если кто-то окажется лучше, чем он. А такой всегда найдется. Сравнивать ребенка можно только с ним самим «вчерашним»: *читаешь уже лучше, начинает получаться, постарался и получилось* (вместо: У тебя лучше вышло, чем у Коли; Ты у нас самый сильный). Пусть ребенок получает удовольствие от того, что он делает сам, а не от того, в чем он может превзойти другого.

Конечно, не следует отказываться и от более привычных похвал типа: *Молодец! Умница!* Ведь для этого не требуется столько коммуникативных усилий, сколько необходимо для того, чтобы описательная похвала стала такой же привычной как похвала-оценка, и приносила только пользу.

Коммуникативное поведение детей, страдающих синдромом Дауна

В настоящее время внимание специалистов обращено к проблеме развития коммуникации детей с умственными патологиями. Для этих детей именно речь является важнейшим способом социализации. Одним из распространенных заболеваний является синдром Дауна – врожденное нарушение развития, проявляющееся в умственной отсталости, нарушении роста костей и другими физическими аномалиями. В Воронеже детей – инвалидов с этим диагнозом довольно много. Только в прошедшем году в городе и области родилось около 30 детей с синдромом Дауна.

Синдром Дауна – одна из наиболее распространенных форм умственной отсталости. Для больных с синдромом Дауна характерно сохранение физических черт, свойственных ранней стадии развития плода, в том числе узких раскосых глаз, придающих больным внешнее сходство с людьми монголоидной расы, что дало основание Л. Дауну назвать в 1866 данное заболевание «монголизмом».

Несмотря на трудности, в процессе развития речи у детей с синдромом Дауна прослеживается определенная динамика: дети переходят по состоянию речи с одного уровня на другой, более высокий. В процессе коррекционной логопедической работы они приобретают речевые навыки и умения, перестают быть неговорящими, хотя и остаются детьми с недоразвитой речью. Рассмотрим основные особенности их коммуникативного поведения.

Степень общительности. Исследование показывает, что дети с синдромом Дауна общительны, если для этого на протяжении всей их жизни была благоприятная обстановка (бывают случаи, когда родители умышленно ограничивают круг общения детей) и необщительны с теми детьми, которых не знают.

Вступление в коммуникацию. Обычно они опосредованно знакомятся, а затем могут уже самостоятельно идти на контакт. 25% – не идут на контакт сразу, только после длительной адаптации (от нескольких часов до нескольких дней) они могут пойти на контакт.

Но со знакомыми и с друзьями они охотно вступают в контакт, затрагивая интересующие их темы.

Приветливость при вступлении в контакт. Большинство детей приветливы в общении, однако приветливость их часто носит отражательный характер, то есть они приветливы при условии подобного поведения партнеров по общению. Улыбкой они отвечают на улыбку и охотно сами улыбаются, увидев знакомого, друга.

Настойчивость при вступлении в контакт. Примерно 60% детей настойчивы при вступлении в контакт, особенно если им необходимо что-либо получить от сверстника, часто этот контакт носит негативный характер или даже агрессию, если ребенок не может получить просимое. Этот фактор зависит от темперамента ребенка и развития речи, если он может ясно высказать свою мысль и сверстник понимает, что ему говорят. В обратном случае, ребенок замолкает, не пытаясь возобновить контакт.

Подключение к разговору. 70% детей не подключаются к разговору, если для этого непосредственно к ним был обращен вопрос или реплика. Вообще диалог между детьми чаще всего бывает кратковременным, поэтому они просто не успевают «подключиться» к беседе.

Таким образом, дети способны подключиться к разговору сверстников, если чувствуют, что уровень их развития, развития речи соответствует уровню развития собеседников. Эту грань они, как ни странно улавливают и бывают лидерами в разговоре, когда знают, что они «умнее» присутствующих, и «тушуются» при более развитых сверстниках.

Поддержание контакта. Из-за коротких по времени диалогов и менее коротких монологов, дети не стараются поддерживать контакт вербальными средствами, но часто они пытаются невербально высказать свое отношение к происходящему. Обычно к концу разговора они при помощи жестов и действий выражают свои эмоции.

И это действительно попытка продолжения разговора, а не демонстрация своих отношений. Они часто именно на таком уровне понимают друг друга и разговаривают друг с другом.

Слушание собеседника. Как показали результаты исследования, при общении с друзьями, дети с синдромом Дауна в одинаковой степени любят и слушать, и говорить, в зависимости от ситуации и от субъективных причин (степень интеллектуального развития и развития речи).

Они очень эмоционально откликаются на содержание рассказчика, чаще всего «примеряя» ситуацию на себя. Если собеседник является человеком из близкого ему окружения, то дети способны на яркое восприятие речи собеседника (невербальные средства).

90% детей способны длительное время слушать собеседника, даже если не понимают или частично понимают то, о чем ему говорят, хотя невербальное поведение может «выдавать» его чувства.

В целом, можно сказать то, что степень внимания при слушании собеседника зависит от многих факторов. Определяющими среди них являются:

насколько близок ему собеседник;

насколько доступна по содержанию его речь;

физическое развитие (т.е. вообще, развито ли у него умение слушать);

интеллектуальное развитие.

Собеседника в основном они не перебивают.

Коммуникативное доминирование. В общении, как уже было сказано, коммуникативное доминирование характерно только для тех детей, которые:

чувствуют себя комфортно;
уровень развития их речи выше уровня развития речи собеседника;
если им необходимо добиться особого внимания со стороны собеседника с целью получить желаемое.

Но, в общем, большинство детей с синдромом Дауна не стремится к доминированию. В играх предпочитает все делать как все, не лидирует, уступает другому.

Выход из коммуникации. Чаще всего для выхода из коммуникации использует невербальные средства: улыбку, приветливый взгляд, похлопывание по плечу, но для некоторых характерны стандартные этикетные формы и стилистически сниженные формы.

При конфликтном завершении общения ребенок часто молчит и старается по возможности покинуть территорию конфликта (комнату) или отвернуться. Использует невербальные средства (хмурый взгляд, мимическая маска обиды, слезы и т.п.).

Доступность для общения. Дети не всегда доступны для общения. Это связано с их психическими особенностями: частая смена настроения, влияние изменений в природе на их эмоциональное состояние, некомфортные условия для общения (нестандартная обстановка).

Невербальные средства общения. Для детей с синдромом Дауна характерны эмоциональные проявления речи, независимо от степени развития вербальности. Даже для детей с неразвитой речью, или ее отсутствием эти средства в основном и помогают общаться. Однако заметим, что жестикуляция чаще всего характерна для неговорящих детей, а дети, умеющие высказывать свои суждения, обычно зажаты, редко прибегают к жестам, разговаривая даже со своими друзьями и сверстниками. Однако следует заметить, что все дети, имеющие синдром Дауна, склонны к некоторым стандартам в поведении, в том числе и к жестам (подражание любимым актерам, эстрадным исполнителям, обычным детям, этикетные формы). Подражание это является именно подражанием, потому что для самого ребенка такой тип поведения не характерен, и используют они его в стандартных ситуациях.

Такие жесты (большой палец вверх, кисть в кулак и т.п.) характерны для многих «даунят», они переняли их у обычных детей, до конца не понимая их смысла.

Мимика, несмотря на слабый мышечный тонус лица, который так мешает их произношению, у детей развита хорошо. Часто по выражению их лица можно понять, какое у них настроение, комфортно ли они чувствуют себя в данной ситуации и т.п. Развитие этой стороны коммуникабельности у детей с синдромом Дауна ничуть не уступает их обычным сверстникам.

Но следует упомянуть о психическом аспекте: если ребенок чувствует себя некомфортно, в незнакомой ситуации он зажимается, и все невербальные компоненты речи у него отсутствуют. В этой ситуации ребенок впадает в аутичное состояние и замыкается.

Зрительный контакт при общении со сверстниками. Громкость речи ребенка напрямую зависит от его темперамента. Но иногда, из-за субъективных причин, дети могут говорить и громко, и тихо.

Физический контакт у детей с синдромом является одним из главных способов выражения отношения к собеседнику, независимо от возраста и уровня развития вербальной речи ребенка. Именно с помощью физического контакта педагоги выражают свое позитивное отношение и устанавливают первый контакт с ребенком. В общении между собой контакт носит не только положительный, но и отрицательный характер.

Реакция на просьбы. Дети обычно молча выполняют просьбу. В ситуации просьбы они используют чаще всего этикетные формы или повторяют вслух форму просьбы.

Реакция на похвалу. Похвалу ребенок с синдромом Дауна воспринимает позитивно, реагируя только невербально (улыбка, может обнять того, кто его похвалил, стесняется, краснеет). Для них характерна самопохвала (для тех, кто психологически не зажат, у которых объективная самооценка).

Реакция на ласковые слова. Позитивные реакции детей практически всегда следует за ласковыми словами. Например:

- Невербальное принятие (молча слушают, улыбаются).
- Свету похвалили за успешно выполненное задание. Она улыбается.
- Невербальное принятие плюс благодарность (улыбаются, благодарят).
- Невербальное принятие плюс ответная эмоциональная реакция (говорят в ответ ласковые слова).

Эмоциональная реакция адресуется обычно тем, кого дети хорошо знают. На похвалу незнакомого человека могут вообще не отреагировать.

Реакция на негативные речевые акты.

- Невербальное принятие (молчит, опусти голову).
- Формулы выражения извинения (есть не у всех).
- Формулы выражения несогласия с замечанием есть у большинства детей.
- Игнорирование (часто делают вид, что не слышат).

При общении с взрослыми у детей преобладает невербальное принятие, со сверстниками в основном – формулы выражения несогласия.

Реакция на «грубые» слова. При употреблении грубых слов собеседником дети с синдромом Дауна склонны к невербальному неприятию. Чаще всего они молчат, «смотрят в одну точку», делают вид, что не слышат собеседника, умышленно отвлекают себя посторонними предметами. Продолжительное воздействие «грубыми словами» может привести к возникновению признаков аутизма.

Реакция на наказание. Невербальное принятие и прекращение общения более всего характерно для детей с синдромом Дауна. Но бывают случаи, когда ребенок не воспринимает наказание.

Реакция на темы, интересующие ребенка. При разговоре ребенка с окружающими на темы, которые его интересуют, наблюдается его позитивная реакция. Ребенок улыбается, взгляд заинтересованный, внимательный, он стремится сократить дистанцию общения с собеседником до интимной, но перехватывать инициативу в разговоре с взрослыми он не станет, со сверстниками – может, если чувствует свое превосходство в чем-либо перед ними.

Реакция на темы, отвергаемые ребенком. Если ребенку предлагается говорить на тему, неприятную ему, он практически всегда отказывается от общения или реагирует невербальным неприятием, иногда совершая какие-либо действия с предметами.

Объем общения. Продолжительность общения ребенка с синдромом Дауна с окружающими во многом зависит от типа собеседника и тематики общения. Но она не превышает в основном и пяти минут. Это связано:

- с развитием речи (ребенок не всегда может выразить свои впечатления);
- с недоразвитием монологической речи (только с помощью наводящих и конкретизирующих вопросов можно добиться полноценного общения);
- с неумением концентрироваться на определенной теме в течение длительного времени.

Но со сверстниками (в данном случае с детьми с таким же диагнозом), они могут общаться довольно долго, но определенной тематики в разговоре нет. Это, в основном две-три реплики на какую-либо тему.

Вступление в контакт с незнакомым взрослым. Дети с синдромом Дауна обычно не вступают в контакт с незнакомым человеком или испытывают затруднения в общении с ним. Они не задают вопросов и не отвечают на вопросы собеседника. Если сначала общение происходит опосредованно, т.е. близкий человек помогает наладить контакт, то ребенок может заговорить с собеседником.

Вступление в контакт с незнакомыми детьми. Происходит так же, как и с незнакомыми взрослыми, но если ребенок видит, что собеседник не превосходит его в развитии (например, гораздо младше по возрасту), он может вступить с ним в контакт.

Дефицит общения с определенным типом собеседника. Большинство детей испытывают дефицит общения со взрослыми. Им не хватает общения:

- с мамой – 36%;
- с друзьями – 56%;
- с папой – 75%;
- с учителем – 24%.

Несмотря на то, что с мамой они проводят больше всего времени, они испытывают дефицит общения с ней. Также им не хватает общения с друзьями, потому что они являются более интересными собеседниками.

Расширение круга общения. Дети могут расширить свой круг общения только при благоприятных обстоятельствах (новый ученик в классе, приезжий член семьи, соседи).

Знание коммуникативного поведения ребенка с синдромом Дауна позволяет более эффективно строить общение с ним и корректировать его речевые навыки.

Гендерное коммуникативное поведение

Е.Ю. Гетте
Воронежский филиал РГСУ

Мужчина и женщина как потребители информации

Цель нашего исследования – выявление гендерной специфики восприятия информации в процессе общения. Реализовать обозначенную цель попытаемся посредством «обратного» метода: чтобы знать гендерно специфичные способы восприятия информации, надо исследовать, какие способы используют сами мужчины и женщины для сбора информации в процессах коммуникации. Мы говорим о той информации, которая передаётся и воспринимается в процессе общения между мужчинами и женщинами, то есть объектом нашего исследования является коммуникативное поведение мужчин и женщин.

На первом этапе исследования выдвигаем ряд гипотез: первая – потребность в информации выше у женщин, чем у мужчин; вторая – цели и способы сбора, а, следовательно, и восприятия информации гендерно специфичны.

Выдвижение гипотезы о том, что женщины более часто востребуют информацию, продиктовано данными нашего исследования речевых актов мужчин и женщин, в частности тем фактом, что речевой акт вопроса воспроизводится чаще женщинами. Чтобы ответить на вопрос, является ли более высокий уровень интерrogативности женщин доказательством того, что женщины чаще востребуют информацию и испытывают более сильный «информационный голод», необходимо произвести гендерный анализ способов сбора информации.

В качестве материала мы использовали тексты современной художественной литературы (исследование показало, что современные писатели в целом объективно изображают коммуникативные процессы мужчин и женщин, а выявленные в ходе исследования гендерные стереотипы писателей существенного влияния на выводы нашего

исследования не оказывают). В статье приводим примеры из произведений, взятых для анализа.

1. Восприятие информации, вербализуемой собеседником в процессе общения.

Мужчины реже, чем женщины, прибегают к данному способу сбора информации. Мужчины часто отказываются от вопросов в адрес собеседника, предпочитая альтернативные способы сбора информации. В мужском коммуникативном поведении зафиксированы многочисленные тематические табу. Запрос информации мужчины, как правило, совершают в прямой форме, избегают повторов, предпочитают сразу услышать смысловую доминанту запрошенной информации. Мужчины часто не доверяют собеседнику и считают данный способ ненадежным:

- « - Что слышно от Шаврова?
- Сообщает, что прочно взял след. Обещал, что результат последует очень скоро.
- Пока это только слова, - Власов...» (Б. Руденко. Логово змея).

Женщины чаще востребуют информацию у собеседников: как у знакомых, так и у незнакомых людей. В женском коммуникативном поведении зафиксировано мало тематических табу. Кроме того, женщины чаще, чем мужчины, задают вопросы, в частности открытые, делают повторный запрос информации, задают больше вопросов на прояснение деталей. Наряду с вербализацией прямых вопросов, женщина часто запрашивает информацию в косвенной форме:

« - Михаил Терентьевич, это я, Запугина Вера. Да. Я только спросить хотела... про положение в Китае.

Этот Михаил Терентьевич, как дурак, принимался объяснять» (Н. Катерли. Курзал).

2. «Считывание» информации по неверbalным сигналам.

В текстах мы находим многочисленные примеры, свидетельствующие о низкой способности мужчин к «чтению» собеседника по невербальным сигналам. Мужчине необходимо вербальное подтверждение собственных предположений, предпочтительнее высказанное в прямой форме:

«До этого момента в наших отношениях не было полной ясности. Моя мужская неопытность мешала мне доподлинно проверить это по внешним признакам., а открыто спросить я бы ни за что не решился» (В. Новиков. Сентиментальный дискурс).

Внешность собеседника, его невербальное коммуникативное поведение для женщины важный источник информации о собеседнике на предварительном этапе общения. Женщины «считывают» информацию о собеседнике по всем каналам – составляющим имиджа: внешнему виду, осанке, походке, одежде, звучанию голоса, взгляду. Оценивая внешность, женщина способна за долю секунды определить социальный статус,

материальное положение, уровень интеллекта, возраст, специальность, род деятельности, отношение к себе, семейное положение, характер, образ мыслей собеседника:

«Голос низкий, красивый, рост, наверное, под два метра, сам широкоплечий, даже массивный. С рыжей бородой... И одет, будто в турпоход собрался, - в мятый джинсовый костюм, сейчас такие вообще не в моде. К тому же штаны сильно поношенные, да и обувь... А вот лицо как раз ничего. Веселое лицо, нос торчит, глаза с юмором... По возрасту - не старый, лет сорок...

Все эти наблюдения Тамара Ивановна сделала за долю секунды» (Н. Катерли. Долг).

Женщина способна видеть свое «отражение» в собеседнике. Для женщин характерна рефлексия – психологический механизм оценки, основанный на способности женщины видения того, как собеседник воспринимает её. В коммуникативной ситуации, когда собеседник молчит, рефлексия является одной из наиболее часто наблюдаемых психических реакций женщины:

«Утром Сергея Петровича навестила супруга.

- Ты, кажется, мне не рад?» (Г. Кузьмин. Тюльпаны недолгого февраля).

« - Я не дура, – сказала девочка в самый стык его мысли. И ему стало неловко, что мысли у него громкие и обижающие» (Г. Щербакова. Мальчик и девочка).

3. Самопорождение информации характерно как для мужчин, так и для женщин. Однако дифференцированы психические механизмы самопорождение информации. Реакция мужчин непосредственна: мужчины сообщают логические выводы, сделанные в результате сопоставления, обобщения фактов:

«Аркадина. Ты помнишь, Борис, я тебе сказала: "Поездка будет печальной?" Сердце, сердце подсказало.

Тригорин. Разве оно могло подсказать тебе что-то другое, если в телеграмме было сказано: "Петр Иванович совсем плох. Скорее приезжайте"» (Б. Акунин. Чайка).

Самопорожденная информация женщин опосредована эмоциональной реакцией на факты:

« - Ты уверена? – осторожно спросил Глеб.

- Не знаю... Да! Я почувствовала... Кто-то идет, нам не нужно с ними встречаться» (Б. Руденко. Логово змея).

4. Информационная «разведка». Выведывание как способ сбора информации характерен как для мужчин, так и для женщин. Мотивы выведывания носят в коммуникативном сознании мужчин прагматический характер:

«Она (Зинаида Михайлова) приняла Каменцева тепло и обрадованно, простодушно приняла на веру причину его визита, вызванного, якобы, стремлением навестить близкого покойной матери человека, и состоявшийся разговор и о чем, как и предполагалось, в итоге коснулся личности секретного военачальника» (В. Молчанов. Ядерные материалы).

Женщины, чаще всего, выведывают информацию, руководствуясь эмоцией любопытства, целью формирования оценки человека, создания и поддержания хороших отношений с собеседником:

«Сестра не только сама всегда знала, что надо подарить, чтоб обрадовать и родного, и просто знакомого человека, но и с нами делилась своими прозрениями на этот счет. Я звал её ясновидящей, пока не подглядел, как из необязательной болтовни она выуживает информацию о том, что кому нравится и кто о чем мечтает, и вносит в специальную книжечку, где рядом с именем вместо цифр телефонного номера аккуратно выписаны столбики слов с точными предметными значениями» (О. Новикова. Мужской роман).

5. «Торг». Для мужчин характерно прагматическое отношение к информации, в коммуникативных процессах мужчин информация материализуется, имеет цену. Мужчины чаще, чем женщины, покупают и продают информацию.

« - Я просто купил информацию. За очень большие деньги» (Б. Руденко. Специалист).

В коммуникативных процессах женщин информация носит идеализированный характер, оценивается выше, чем материальные затраты, необходимые для её передачи:

«Они (тетки) повадились мне звонить раз-два в неделю по междугородней. Я ругался: переводы вы не принимаете, деньги транжирите, говорил, что позову сам, но проходило три дня, и меня снова вызывал Ленинград» (Н. Катерли. Курзал).

6. «Многоступенчатый» способ сбора информации.

Для сбора информации мужчины организуют многоуровневую, иерархическую структуру с хорошо отлаженными функциями каждого участника многоуровневого общения. Общение участников структуры имплицирует отношения субординации, информационная осведомленность является доминирующим условием власти и высокого статуса:

«Информацию Арсен ценил превыше всего...

- Информация, – поучал его Арсен, – это то, что позволяет одним людям руководить другими. Чем выше твой пост, тем больше информации тебе доступно. Чем больше ты можешь узнать, тем выше твоя цена. Это азы науки управления» (А. Маринина. За все надо платить).

«Многоступенчатый» способ сбора информации в женском общении может быть представлен как феномен «женской почты». В женском общении информация передается по цепочке, которая складывается часто спонтанно. Общение построено на основе взаимопонимания и имплицирует отношения паритета:

«Добралась как – не вспомнить, по адресу, адрес-то мне добрая женщина раздобыла – добралась, ну и место, одно слова – край света» (Л. Павлова. Цветы невиданные, райские птицы).

7. Несколько особняком стоит прием «подслушивание». Потребитель информации в этой ситуации играет особую роль: его нельзя назвать полноправным участником общения, так как он выполняет только одну из двух обязательных в процессе общения функций, то есть только воспринимает информацию.

В таком общении нет обратной связи, однако именно при подслушивании, на наш взгляд, процент потери информации минимальный. Такой способ специфичен для женщин и не специфичен для мужчин (мы исключаем, конечно, работников спецслужб). В текстах мы находим множество примеров подслушивания женщиной той информации, которую нельзя получить в процессе полноценного общения. Мужчины при условии труднодоступности информации используют, как правило, письменные источники:

«Но каждую крупицу стоящего, нужного ей знания Машка отвоевывает себе самыми неправдоподобными путями – подслушивает, подглядывает, лезет куда не надо, задает не те вопросы, ждет не те ответы. И в результате она в свои двенадцать во всем разбирается лучше Павлика, которому почти семнадцать... Брат сидел на диване и читал какую-то книгу... Когда он чем-то увлечен, то всем остальным, живущим на земле, можно делать все что угодно» (Г. Щербакова. Дверь в чужую жизнь).

Подытоживая результаты исследования, в первую очередь, отметим, что в современных коммуникативных процессах ярко выражено стремление мужчин к информационной осведомленности. Информационная осведомленность в деловом мире становится доминирующим условием успеха, приобретения высокого социального статуса, и писатели атрибутируют это качество, как правило, мужчине. Потребность мужчин в информации обусловлена pragматическими целями.

Писатели указывают на традиционно высокую потребность женщин в информации, но востребованная женщиной информация не имеет характера средства достижения высокого статуса, а предназначена, во-первых, для достижения конкретных предметных целей и, во-вторых, для оптимизации коммуникативных контактов с другими людьми.

Гендерно специфичны способы сбора и восприятия информации. Мужчины эффективнее воспринимают письменную информацию, информацию, вербализованную в прямой форме. Мужчины негативно относятся

к повторам информации. Оптимальной системой передачи информации для мужчин является многоуровневая, иерархическая модель.

Эффективным в общении с женщиной способом является подача информации в процессе общения с использованием максимального числа невербальных средств, использование повторов и детального представления информации. При создании системы передачи информации оптимально использовать одноуровневую систему, участники которой находятся в паритетных отношениях.

Профессиональное коммуникативное поведение

Е.Ю. Лазуренко
Воронежский ИПКиПРО

Положительные стороны речевого поведения руководителей

Цель эксперимента – выявить реплики и выражения руководителей, одобряемые подчиненными. Эксперимент позволяет охарактеризовать речевой поведение руководителей и выявить слова и выражения, которые больше всего нравятся подчиненным.

В эксперименте принимали участие 168 человек: (73 мужчины и 95 женщин) различного возраста и профессий. Испытуемым предлагалось следующее задание: «Назовите три выражения Вашего руководителя, которые вам приятно слышать». Всего было получено 266 разных реакций.

Полученные в результате эксперимента выражения мы сгруппировали в следующие тематические группы:

1) обращения: *девочки 3, лапуля3, коллеги 3, дорогие коллеги 2, дорогие мои 2, мои хорошие, красавицы, ты моя хорошая, красавец, умники и умницы, милые дамы, дамы и господа;*

2) этикетные формулы приветствия: *очень рада тебя видеть, здравствуй;*

3) просьба: *сделай, пожалуйста 2; подождите, пожалуйста 2; будьте добры 2; я вас прошу; я вас очень прошу; я понимаю, что это не твоё дело, но я тебя прошу;*

4) похвала: *молодец 6, умница 3; Вы женщины, у Вас это лучшее получается; что бы я без Вас делала; Вы умеете работать; Вы честный человек, Вы стараетесь; Вы все равно самые лучшие; я Вас очень люблю; я надеюсь на Вас; мал золотник, да дорог; с Вами легко работается; с высоким уважением отношусь к Вам; здорово; дельное предложение; Вы сегодня хорошо потрудились; только ты это можешь сделать; да, это*

правильно; могу на Вас положиться; я бы с вами пошел в разведку; хорошая идея; хорошо; сегодня вы меня порадовали; так и делай дальше;

5) благодарность: спасибо; большое спасибо; я тебя благодарю;

6) вопросы: как дела 3; как настроение 2; как рабочее настроение; как дела в семье; что у вас хорошего; что у нас с вами не решено; что нового; ради чего мы живем; как работает;

7) обещания оказания помощи: поможем; нужно помочь; надо помочь; постараюсь помочь; вам нужна помощь; будут проблемы – приходите ко мне; все решим; придем к решению;

8) фразы, указывающие на силу коллектива: решим проблему сообща; мы – одна команда; подключаемся к работе все вместе; один в поле не воин; что я без коллектива;

9) приглашение к совету, обдумыванию: давайте вместе подумаем 3; давайте посоветуемся 2; я хочу с вами посоветоваться; высказывайте ваши соображения; надо подумать; давайте обсудим; решила посоветоваться; давайте поговорим серьезно; будем думать; как ты считаешь;

10) прямые указания, что подчиненному надо делать: послушай меня; послушай внимательно; сходите и сделайте; идите работать; сделай, а потом посоветуемся; работаем на шабаш 5; перекури 2; пошли, покурим; можете ехать домой; идите домой; слушай внимательно; действуй; говорите честно;

11) приглашение к действиям: давайте, давайте, проявляйте инициативу; все надо сделать быстро; работаем в соответствии с планом решения неотложных задач; пора работать;

12) общие стратегические советы: спешить не надо ; не проси ничего – сами дадут; раньше начнете – раньше закончите; сказал «А» – скажи «Б»; не летайте высоко, все равно упадете; если не понятно – спрашивайте;

13) объявление собственных принципов: я люблю конкретные дела; я не люблю расхлябанности; мне дал бог, я даю другим; я начальник – ты дурак, ты начальник – я дурак; главное для меня – план;

14) обещание учесть мнение подчиненных: согласен; даю согласие; я это учту; обязательно рассмотрим ваше предложение; я уважаю Ваше мнение, считаюсь с ним; можно сделать и так; как вы на это смотрите;

15) приглашение к общению: я вас внимательно слушаю 3; присаживайтесь, пожалуйста 2; зайдите в кабинет, пожалуйста;

16) реплики одобрения, сопереживания: все нормально; не переживай, у вас все получится; не обращайте внимания; я думаю, что в следующий раз ты выполнишь работу лучше; сегодня работы мало;

17) мобилизующие лозунги: хорошо сработано – так держать; надо; так держать; если не мы, то кто; мы должны быть первыми; давайте гордиться нашей профессией; будет трудно, но у нас все получится;

18) сообщение о материальном поощрении: *я решил повысить вам зарплату; завтра зарплата; сегодня зарплата 2; дадут премию; я решил вас премировать, работаем на шабаш 5.*

19) приглашение к отдыху: *обед; обед с утра и до вечера; короткий день; решайте, когда пойти в отпуск; мы хорошо поработали, нужно хорошо отдохнуть;*

20) юмористические и афористические деловые принципы: *лучше быть головой у муhi, чем кончиком хвоста у слона; ну что, мафия бессмертна; не заводи рака за камень; с чего начнем: с плохого или с хорошего; мотаемся, а погода нелетная; все должно быть параллельно или принципиально; босс всегда прав, если не прав – смотри правило первое;*

21) слова-паразиты: *так сказать; по большому счету.*

Обсуждение результатов эксперимента

Сопоставление запомнившихся выражений руководителей, оцененных респондентами как положительные, выявило определенные закономерности. Так, респондентами положительно оцениваются высказывания, демонстрирующие активное слушание, заинтересованность, желание помочь, поддержку, вежливость (этикетные формы). Следует оговориться, что большое влияние при межличностном общении оказывает невербальная коммуникация, которую в данном эксперименте мы не учитывали, но о ее значении можно судить по попыткам респондентов выразить в ходе эксперимента в своих ответах эмоциональную нагрузку выражений с помощью знаков препинания (!!! // ?! и др.), а также по ремаркам в скобках: *доброжелательно, с улыбкой, приветливо.*

Нетрудно заметить, что наибольшую группу составляют слова и выражения, относящиеся к этикетным формулам приветствия, похвале, комплиментам в адрес подчиненных.

Похвалу, как выражение, которое им нравится, отметили как мужчины, так и женщины. Всего было дано 45 подобных ответов, из них 22 женских и 23 мужских. Если заметить, что респондентов-мужчин на 20% меньше, чем женщин, то можно заключить, что менее эмоциональные мужчины замечают одобрительные реплики начальников и реагируют на них никак не меньше, чем женщины.

К этой тематической группе примыкают реплики, названные нами репликами одобрения, сопереживания, а также мобилизующие лозунги. Таким образом, коллектив очень чутко реагирует на эмоциональные стимулирующие речевые акты, что необходимо учитывать при формировании атмосферы комфортности в коллективах.

Подчиненные положительно оценивают стремление руководителей проявлять заинтересованность к личным и деловым проблемам сотрудников, что нашло отражение в вопросах, которые задаются начальниками. Среди приведенных примеров мы видим вопросы делового и личного характера (*как дела, как дома, как настроение, как работаетя, что у вас*

нового); последние, как мы видим, дают положительные результаты при деловом общении.

Большое внимание уделяется приглашениям к совету, обдумыванию и обещаниям оказать помощь, причем в большей степени это свойственно людям старшего возраста, которые считают себя носителями ценного опыта и готовы делиться им с окружающими.

Для мужчин существенны материальные награждения и наказания. Только мужчины, среди выражений начальников, которые им нравятся, назвали фразы *сегодня зарплата, я решил повысить вам зарплату, я решил вас премировать, работаем на шабаш, дадут премию*.

Прямые указания на то, что нужно делать, упоминаются среди одобряемых речевых актов не часто, в отличие от общих стратегических советов, приглашениям к действиям, афористических и юмористических деловых принципов, что позволяет сделать вывод о том, что косвенное общение воспринимается реципиентами, как более предпочтительное.

Любопытно, что в число одобряемых речевых актов руководителей вошли используемые ими слова-паразиты. Очевидно, это объясняется тем, что подчиненным нравится разговорная манера общения руководителя, ярким маркером которой являются именно слова-паразиты.

Язык и национальное сознание

Т.Е. Водоватова
Самарский Международный институт рынка

Тавтологические высказывания: причины употребления в речи

Проблема смысла, информативности высказываний является актуальной научной проблемой современной лингвистики. Особый интерес для исследования в этом плане представляют так называемые неинформативные высказывания. Часто они рассматриваются как бессодержательные и пустые; от них следует избавляться как от ненужного балласта, загромождающего речь и затрудняющего общение (см., например, Ивин 1990). Тем не менее, такого рода высказывания достаточно частотны в речи. В данной статье мы попытаемся дать лингвологическую интерпретацию причин употребления подобных тавтологических высказываний в речи.

Всякое повествовательное высказывание отрицает собственную противоположность. Например, высказывание *Иванов уехал* отрицает мысленное допущение, что Иванов, возможно, никуда не уезжал, а был и остается на месте. Высказывание *Я некурящий* отрицает априорное

предположение о том, что говорящий, возможно, привержен этой привычке. Аналогичным образом, по логике вещей, тавтологическое высказывание *Дело есть дело* отрицает допущение, что дело – это не дело (а легкомысленная забава). Отвечая на вопрос, в каких случаях употребляются тавтологические высказывания типа «*А есть А*», резонно предположить, что они употребляются в ответ на чье-то ошибочное допущение о том, что *А не есть А* (или: *А есть не-А*).

Каким образом в стихии речевого мышления и общения возникают подобного рода ошибочные идеи?

Разумеется, на уровне обыденного сознания, характеризующегося так называемым наивным реализмом, никому не приходит в голову мысль о том, что *А не есть А* (*А есть не-А*). Отрицание Аристотелева закона тождества может зародиться в когнитивном мире мыслителя, исповедующего ту или иную альтернативную доктрину (например, буддистскую идеалистическую философию). Однако с позиций бытового здравого смысла логический закон тождества (*«А есть А»*), сформулированный прямо и эксплицитно, не вызывает никаких сомнений.

Тем не менее на практике закон тождества нередко нарушается косвенно. Абсурдное допущение *«А не есть А»* (*«А есть не-А»*), не выражаемое вербально, регулярно возникает как автоматическое следствие из других (вербально выраженных) суждений. При этом ошибочно рассуждающий субъект обычно не додумывается до этого автоматического следствия, иначе он осознал бы свою исходную ошибку и исправил бы ее. Рассмотрим логический механизм этой ошибки.

Как известно, тот или иной объект действительности можно представить как пучок бытийных признаков. В логике им соответствуют категориальные признаки, в своей совокупности составляющие понятие об объекте; поэтому иногда их называют понятиеобразующими. Если субъект по недосмотру (а иногда и преднамеренно, из демагогических соображений) приписывает объекту по определению не присущий ему признак и/ или игнорирует какой-либо по определению присущий ему признак, он тем самымвольно или невольно относит объект не к своему классу (включает его в объем не своего понятия). В результате в когнитивном мире субъекта объект на какое-то время становится «не равен себе», утрачивает самотождественность. Это приводит к автоматическому логическому следствию *«А не есть А»* (*«А есть не-А»*).

Приведем пример из новеллы Тэффи: «Революция, братцы! Свободу объявили. Значит, нынче, ежели кто у кого булку спер, тот уж больше не вор, а просто так себе человек». Тот, кто совершил кражу, – по определению вор. Однако, согласно вышеприведенному утверждению, совершивший кражу – «уж больше не вор». Отсюда автоматически следует абсурдный вывод о том, что вор не есть вор (*«А не есть А»*), а «просто так себе человек» (*«А есть не-А»*).

Чтобы опровергнуть этот логически ошибочный вывод, нужно построить высказывание *«Вор есть вор»* (*«А есть А»*). Это типичный

пример речевой ситуации, в которой использование тавтологического высказывания оказывается логически и коммуникативно оправданным. В логически безупречном дискурсе тавтологии, возможно, не нужны, но в реальном живом дискурсе, не чуждом алогизма, в них, как видим, иногда возникает коммуникативная потребность.

Суждения типа «*А есть А*», предназначенные для опровержения допущения «*А не есть А*», относятся не к онтологическому (объектному) уровню, а к эпистемологическому уровню (метауровню) мышления. Эти суждения касаются не непосредственно фактов объективного мира, а наших понятий (представлений) о нем. Они носят рефлексивный характер (представляют собой «мысли о мыслях»), корректируя искаженное знание об объеме (предметной области) и признаковом составе (содержании) понятий, то есть *знание о знании*.

М. Минский подчеркивал «важность знания о знании», важность «тех аспектов мышления, которые связаны с распознаванием и подавлением бесполезных и непродуктивных мыслительных процессов» (Minsky 1984, с. 75). По нашим наблюдениям, это одна из важнейших функций тавтологических и других неинформационных высказываний. Чтобы выяснить механизм ее выполнения, необходимо прежде рассмотреть типологию бытийных признаков объектов и их семантических коррелятов.

Допустим, что объект *р* класса *А* имеет *категориальный признак* $[f]$, то есть такой признак, без которого объект автоматически исключается из данного класса. Например, копье, лишенное наконечника, – не копье (а древко); кастрированный жеребец – не жеребец (а мерин); неутвержденный государственный закон – не закон (а законопроект). С точки зрения логики это понятиеобразующий признак, а с точки зрения семантики – интенсиональная сема лексического значения слова (по М.В. Никитину, 1983). Признак $[f]$ – обязательный элемент дефиниции класса *А*, выраженный в ней эксплицитно либо имплицитно.

Допустим далее, что ни одному объекту класса *А* по определению *не присущ признак* $[f']$. Его добавление к объекту *р* либо замена $[f]$ на $[f']$ автоматически исключает объект *р* из класса *А*. Например, стакан с ручкой – не стакан (а кружка); мясной бульон, в который добавлены овощи, – не бульон (а суп); так называемый соевый шоколад, в котором вместо какаобобов используется соевая масса, – на самом деле не шоколад. Признак $[f']$ не входит в состав логического понятия *А*, а также в состав культурного концепта *А*. С позиций лексической семантики (по М.В. Никитину) это негимпликациональная сема лексического значения слова.

Кроме того, объект *р* может обладать *характерными* для класса *А* признаками, то есть такими, которые присущи не всем, но многим объектам этого класса и служат его яркими приметами (некоторые из них приписаны классу *А* расхожим мнением). Например, считается, что толстяки обычно добродушны, тещи сварливы, голуби кротки, а сердце красавицы склонно к измене. Такие признаки тоже не входят в состав логического понятия *А*, но входят в состав коллективного представления

А. В терминологии Ю.Д. Апресяна (1995, с. 159) они называются коннотациями, а в терминологии М.В. Никитина – сильноимпликациональными семами лексического значения слова. Изъятие характерного признака из пучка, составляющего объект *р*, не выводит *р* из объема понятия А, но в той или иной мере нарушает устоявшееся коллективное представление об А. В подобных случаях объект *р* в глазах субъекта не перестает быть членом класса А, но перестает быть образцовым, типичным, «заправским» А. Так, безалкогольная свадьба – это все-таки свадьба, но что это, в самом деле, за свадьба?!

Помимо перечисленных, объект *р* может обладать и *некарактерными* для класса А признаками (индивидуальными особенностями), то есть такими признаками, которые присущи одному лишь данному объекту (или, по крайней мере, немногим объектам) класса А. Например, считается, что для мужчин некарактерна (хотя и не исключена) тонкая эмоциональная чувствительность, для женщин – логический склад ума, а для интеллигента – житейская практичность. Как и в предыдущем случае, добавление некарактерного признака к объекту *р* не выводит объект из класса А, но отодвигает его на периферию класса. Так, мужчина, пугающийся мыши, любящий вышивать крестиком и собирать на лугу цветочки, – это все-таки мужчина, но что это, в самом деле, за мужчина?!

Такова типология семантических признаков, входящих, в когнитивном плане, в коллективное представление об объекте, а в лингвистическом плане – в значение номинативной языковой единицы (слова, устойчивого сочетания слов). В ряде случаев продуцент речи стремится наглядно подчеркнуть, что объект *р* – не образцовый, не «заправский» А. Для этого он применяет риторический прием, который состоит в том, что характерному признаку условно приписывается статус категориального (тем самым характерный признак превращается в квази-категориальный), а некарактерному (малоприсущему) признаку – статус неприсущего (тем самым некарактерный признак превращается в квази-неприсущий). На этом основании субъект риторически утверждает, что с признаком [f'] и/или без признака [f] объект *р* не есть А. Приведем ряд примеров.

Суворов говоривал: тот не солдат, кто пулям кланяется (р не есть А, если *р* имеет [f']).

Нет, это не мужчина, коли на семью заработать не может (р не есть А, если *р* не имеет [f]).

Настоящий шашлык готовится на мангале (р имеет [f]).

Шашлык, приготовленный в духовке, – не шашлык, а недоразумение (р не есть А, если вместо [f] имеет [f']).

Строго говоря, трусливый солдат – это все же солдат; мужчина, не способный содержать семью, – все же мужчина; шашлык, приготовленный не на мангале, – все же шашлык. В вышеприведенных высказываниях имеются в виду не образцовый солдат, не «настоящий» мужчина, не «заправский» шашлык. Класс А демонстративно сужается до подкласса «образцовый А», которым в дальнейшем оперируют, как целым классом.

Лишь в этих случаях мы имеем дело с риторическим приемом. (Высказывания типа *Ячменный кофе на самом деле не кофе*; *Летучая мышь – на самом деле не мышь* имеют буквальный смысл и не являются риторическими).

Однако между перечисленными типами признаков нет четко очерченных границ. Так, в примере с шашлыком трудно сказать, является ли признак [приготовленный на мангале] или признак [приготовленный из баранины] категориальным либо лишь характерным: мнения на этот счет расходятся. Ввиду размытости межтиповых границ между признаками, а также ввиду того, что логика рассуждений в обоих случаях одинакова, в дальнейшем мы будем рассматривать подлинно категориальные и квазикатегориальные признаки объекта как единый тип $[f]$; соответственно, подлинно неприсущие (негимпликационные) и якобы неприсущие (квази-негимпликационные) признаки – как единый тип $[f']$.

Следует отметить, что наличие/ отсутствие тех или иных признаков у объектов определенного класса обусловлено тем, к какому миру принадлежат эти объекты. Так, в реальном мире ни один мальчик не обладает бытийным признаком [крылатый] (это его негимпликационный признак), а в мире античной мифологии этот признак присущ по крайней мере одному мальчику – Амуру/ Купидону (он является его индивидуальной особенностью). Аналогичным образом, признак [смертность] присущ всем существам реального мира, однако в мире русского фольклора он не присущ такому, например, существу, как Кошечка. При анализе признакового состава объектов необходимо принимать во внимание, к какому миру они принадлежат.

В практике речевого общения субъект (условно назовем его *путаником*) может упустить из виду, что объект p обладает признаком $[f]$, и/ или ошибочно приписать объекту p признак $[f']$. Эта автоматически совершаемая ошибка состоит в следующем: «Если p не имеет $[f]$ и/ или имеет $[f']$, то p не есть A (p есть не- A)». При этом путаник, как правило, не осознаёт совершенной им ошибки, а просто ведет себя по отношению к объекту p так, как будто p не есть A (p есть не- A). Например, субъект на время упускает из виду, что дробовик опасен в обращении (p имеет $[f]$), и забавляется с ним так, будто это не оружие (p не есть A), а игрушка (p есть не- A). В глазах субъекта объект на краткий срок утрачивает самотождественность.

С точки зрения формальной логики это ошибка, аномалия логического мышления. С точки зрения психологии такая ошибка предстает как довольно распространенное явление живого мышления. Это, конечно, не психопатология, не «помрачение ума», а просто обычное следствие невнимательности, недостаточной строгости мышления. На самом деле путанику хорошо известно, что дробовик – оружие (p есть A). Однако по небрежности в его когнитивном мире на короткое время возникает конъюнкция противоречивых суждений: «(p есть A) и (p есть не- A)», то

есть «дробовик – это оружие и не оружие». Она нарушает логический закон непротиворечия, который гласит: «Неверно, что (р есть А и не-А)».

Нарушение закона непротиворечия влечет за собой нарушение двух других логических законов. В самом деле, если допустить, что «(р есть А) и (р есть не-А)», то отсюда следует, что «А есть не-А»; это нарушает закон тождества, гласящий: «А есть А». Кроме того, если «(р есть А) и (р есть не-А)», то «Неверно, что (р есть либо А, либо не-А)»; это суждение нарушает закон исключенного третьего, гласящий: «Либо (р есть А), либо (р есть не-А); третьего не дано».

Как видим, все начинается с путаницы в признаках отдельного объекта, а заканчивается невольным нарушением законов формальной логики, которое на практике проявляется в неадекватном поведении субъекта по отношению к объекту. В обыденном человеческом мышлении и поведении такое случается регулярно. Это отражено в русском устойчивом словосочетании *упустить из виду*, означающем, что человек на какое-то мгновение забыл (а точнее, не учел, не принял во внимание) некоторое важное обстоятельство; в рассматриваемых нами случаях человек упускает из виду наличие у объекта признака [f] и/ или отсутствие у него признака [f'], что приводит к растождествлению понятия А или, по крайней мере, к нарушению устоявшегося представления о классе объектов А. Например, члены печально известной семьи Берберовых упустили из виду, что лев – очень сильный и свирепый хищник; они держали льва у себя дома и обращались с ним так, как будто лев – это не лев (А не есть А), а вполне безопасное животное вроде домашней кошки (А есть не-А); это ошибочное представление привело к трагедии.

М. Минский (Minsky 1984) отмечал, что некоторые фольклорные шутки и анекдоты преследуют цель в образной форме предостеречь людей от совершения логических ошибок. По нашим наблюдениям, такую же функцию выполняют некоторые фразеологизмы аллегорического характера. Например, русский фразеологизм *пустить козла в огород* («допустить потенциального потребителя к некоей ценности, которая предназначена не ему») содержит имплицитную сентенцию (назидание) о высоковероятных негативных последствиях такого рода действия и, следовательно, о его нерациональности и нецелесообразности. Ошибка человека, пустившего козла в огород, состоит в том, что он упустил из виду, во-первых, любовь козла к овощам (р имеет [f]), а во-вторых, отсутствие у него уважения к чужой собственности (р не имеет [f']). В результате у субъекта создалось превратное представление об объекте (козел – как бы и не козел), что и привело к опрометчивому поступку и негативным последствиям (потраве огорода).

Нечелесообразность этого поступка очевидна, она бросается в глаза. Демонстративность совершенной ошибки – часть коммуникативного задания данного фразеологизма; он призван путем аналогии демонстрировать реципиенту нецелесообразность какого-либо иного поступка, не столь очевидно опрометчивого, например: «Знакомить NN с еще не

опубликованными материалами исследования – это все равно, что пускать козла в огород». Данное высказывание предостерегает собеседника от игнорирования такой особенности NN, как склонность к пластику.

Такую же коммуникативную функцию выполняют другие фразеологизмы, указывающие на нецелесообразность поведения субъекта: рус. *поставить волка пастухом, свинью огородником; ездить в Тулу со своим самоваром; козла доить; стрелять из пушек по воробьям; метать бисер перед свиньями* и т.п.; англ. *to set the cat to watch the goldfish bowl* (букв. "поручить коту стеречь аквариум"); *to carry coals to Newcastle* (букв. «возить уголь в Ньюкасл»); *to carry water in a sieve* (букв. «носить воду решетом»); *to use a musket to kill a butterfly* (букв. «применять мушкет, чтобы убить бабочку»); франц. *faire d'une mouche un elephant* (букв. «делать из муши слона»); нем. *Wasser in den Brünnen schütten* (букв. «лить воду в колодец»); перс. *گوشه‌نگار بگردان* (букв. «доверить волку барана»); *بگویی‌کار یاسین را بخوان* (букв. «читать ослу Ясин <суру из Корана>») и др. Все они предназначены для коррекции ошибки субъекта, отнесшего объект не к своему классу и тем самым смешавшего понятия либо устойчивые представления о классах объектов. Так, по своим существенным свойствам волк не может быть отнесен к числу пастухов, решето – к числу резервуаров для воды, а осел – к числу ценителей Корана. Подобного рода образные речения предостерегают от абсурдного допущения «А есть не-А» и *косвенно* напоминают о том, что А есть А. В функциональном плане они совпадают с теми высказываниями, которые *прямо* напоминают об этом: *Дети есть дети; Война есть война* и т.п.

Ивин А.А. Искусство правильно мыслить. – М.: Просвещение, 1990.
 Никитин М.В. Лексические значение слова (структура и комбинаторика). – М.: Высшая школа, 1983.

Minsky M. Jokes and the Logic of the Cognitive Unconscious // Cognitive Constraints in Communication, 1984.

А.Б. Зотова
 Воронежский ГУ

Виды этикетных речевых актов, выражаемых восклицательными предложениями в русской и американской коммуникации

Традиционно считается (С.Г. Тер-Минасова, О.Б. Сиротинина, Ю.Н. Караулов), что национальное коммуникативное поведение представляет собой совокупность особенностей общения того или иного народа. Важным в коммуникативном поведении является выражение эмоций, поэтому представляется интересным рассмотреть способы их

презентации в русском и английском языках на примере восклицательных предложений, а также проанализировать речевые акты, которые формируются на основе восклицаний.

Поскольку неотъемлемой частью коммуникативного поведения народа является соблюдение норм общения, то особое внимание следует уделить такому виду речевых актов, как этикетные и рассмотреть различные частные подвиды данных актов, выражющихся русскими и английскими восклицательными предложениями, что позволит выявить особенности общения, характерные для русских и американцев.

Этикетные или социальные речевые акты, как их называет В.Г. Гак (Гак 1987, с. 37-48) выражают отношения говорящих, регулируют их и воспроизводятся в речи согласно правилам речевого этикета. На основании этого к группе социальных речевых актов представляется возможным отнести вокативные и декларативные акты.

Среди социальных, или этикетных речевых актов можно выделить три основные группы: 1) вокативные, 2) декларативные речевые акты и 3) формы этикета. Каждая из этих групп имеет частные подвиды. Вокатив объединяет акты обращения, зова и вызова (Комина 1983, с. 98), декларатив – акты называния, определения, назначения, приговора, установления повестки дня и открытия заседаний (формы этикета включают приветствие, прощание, пожелание, тост, извинение, благодарность, поздравление, соболезнование, прощение. Поскольку в лингвистической литературе отсутствует четкое деление подвидов социальных речевых актов, целесообразным представляется использовать для их разграничения словарные дефиниции.

Материалом исследования послужили восклицательные предложения, полученные методом сплошной выборки из десяти произведений современных русских писателей (А. Солженицын «Желябужские выселки», Н. Елисеев «Пятьдесят четыре», М. Бутов «Свобода», О. Славникова «Один в зеркале» Г. Балл «Лодка» Б. Екимов «Пиночет», Г. Щербакова «Актриса и милиционер», А. Азольский «Диверсант», Ф. Искандер «День писателя», И. Андреев «В джунглях прапамяти. Африканские заметки») и двенадцати произведений американских писателей, преимущественно современных (H. Fielding “Bridgit Jones’ Diary”, I. Welsh “Glue”, “Ecstasy”, F. Raphael “The Glittering Prizes”, S. King “The Green Mile”, Ch. Bukowski “Confession of a Man Insane Enough to Live with Beasts”, “Love for 17,50\$”, “the Assholes in the World and Mine”, “Bop Bop Against That Curtain”, “Pittsburg Phil & Co”, “You and Your Beer and How Great You Are”, A. Gopnik “The Rookie”).

В рамках исследуемого материала социальные речевые акты, выражющиеся как русскими, так и английскими восклицательными предложениями могут быть подразделены на три группы: вокативы, декларативы и формы этикета. Наиболее часто коммуниканты употребляют вокативные речевые акты (45% и 42% в русском и английском языках соответственно), реже используются формы этикета

(44% и 38% в английском и русском языках соответственно) и совсем редко употребляются декларативы (17% и 14% в русском и английском языках соответственно). Данные три типа социальных речевых актов могут быть подразделены на более частные виды. Среди вокативов как в русском, так и в английском языках могут быть выделены следующие виды, представленные в порядке убывания частотности в процентном соотношении к общему количеству:

1) *Обращение* – 1) призыв, речь или просьба, обращенные к кому-нибудь; 2) наименование лица, которому непосредственно адресуется сообщение (Ожегов 1987, с. 372). Данный вид социальных речевых актов, выражающихся русскими и английскими восклицательными предложениями, может быть проиллюстрирован следующими примерами: *Товарищ старший лейтенант!* Вас спрашивают (А. Солженицын) – дежурный линейный обращается к командиру батареи Солженицыну, чтобы сообщить ему о том, что к нему пришел какой-то человек; *Darling Marcus!* (I. Welsh) – леди Хантингдон обращается к лорду Харкоурту, так как хочет с ним обсудить последние сплетни (19% в русском и 16% в английском языках).

2) *Зов* – 1) призывный звук, призывающий голос; 2) приглашение прийти, прибыть (разг.) (Ожегов, 1987: 202): *Herb! Herb!* (Ch. Bukowski) – Херб включил телевизор и уснул, был уже час ночи. От шума проснулся Мистер Хинаски и стал звать Херба, чтобы он проснулся; *Хатурин!.. Хатурин Федор!..* (А. Азольский) – капитан зовет красноармейца Ф. Хатурина, хочет с ним поговорить (15% – в английском и 19% – в русском языках).

Следует заметить, что в рамках исследуемого материала было установлено, что русские и английские обращения могут совмещаться с приказом прекратить действие, образуя совмещённые синтетически речевые акты: *Mister Greig!* (I. Welsh) – кучер Том Грейг начал браниться на другого кучера, который врезался в его повозку. Учительнице Мисс Мэй не понравилось это, и поэтому она требует, чтобы кучер прекратил брань; *Nora!* (Г. Щербакова) – режиссер требует, чтобы Нора прекратила думать о своем и сосредоточилась на роли. Однако данные совмещённые речевые акты встречаются довольно редко как в русском, так и в английском языках (2% и 1% соответственно).

В коммуникации обращения также совмещаются с формами этикета, образуя так называемые совмещенные аналитически речевые акты. Как в русском, так и в английском языках обращение совмещается с приветствием: *Mark, hi!* (H. Fielding); *Борисовна, здравствуй!* (Б. Екимов) (6% – в английском и 3% – в русском языках).

В рамках исследуемого материала было обнаружено, что в русском языке обращение совмещается с поздравлением (4,5%): *С Новым годом, Федька!* (М. Беленький), а также с прощанием (3,5%): *До свидания, мой дорогой!* (М. Беленький). Обращения, выражющиеся английскими восклицательными предложениями, совмещаются с благодарностью (3%):

Thanks, Tarn! (I. Welsh) – цеховой староста благодарит управляющего фабрикой Тарна за то, что он оставил Биррела на работе, несмотря на то, что тот не явился на работу два дня назад. Таким образом, во всех рассмотренных случаях образуются совмещённые аналитически речевые акты.

Перейдём к рассмотрению форм этикета, выражающихся русскими и английскими восклицательными предложениями. Среди этой группы речевых актов можно выделить следующие частные виды, представленные в порядке убывания частотности в процентном соотношении к общему количеству:

1) *Приветствие* – 1) обращение к кому-нибудь с приветом (обращённое к кому-нибудь выражение чувства личной приязни, доброго пожелания), речь с выражением привета; 2) восклицание при встрече или расставании (разг.) (Ожегов 1987, с. 508): *Здравствуйте!* – сказал я, никого ещё не видя (Г. Балл); *I am glad to meet you!* (F. Raphael) – студентка Кембриджа приветствует продюсера, к которому пришла на пробы роли в комедии (12% – в русском и 11% – в английском языках).

2) *Прощание* – восклицание, которое используется при расставании (Ожегов 1987, с. 539, 545): *Nice to see you again. Вуе!* (H. Fielding) – Бриджит прощается со своей старой знакомой; *До завтра!* (А. Азольский) – летнаб прощается младшими сержантами (10% – в английском и 6,5% – в русском языках).

3) *Прощение, извинение* не разграничиваются на два отдельных речевых акта на основании того, что Словарь русского языка определяет одно понятие через другое: прощение – форма выражения извинения (Ожегов 1987, с. 539); извинение – форма выражения прощения, просьба простить за какой-либо проступок (Ожегов 1987, с. 207): *Sorry!* (Ch. Bukowski) – сын просит прощения у матери за то, что испачкал рубашку; *Прости!* Я действительно порю чушь... (Г. Щербакова) – Нора извиняется перед режиссером за то, что не может сосредоточиться на своей роли (9,5% – в английском и 5,5% – в русском языках).

4) *Благодарность* – 1) чувство признательности к кому-нибудь за оказанное добро, внимание; 2) слова, выражающие эти чувства (разг.) (Ожегов 1987, с. 44): *Thanks for a super evening!* (H. Fielding) – Бриджит благодарит друзей за то, что они подарили ей такой прекрасный вечер; *Спасибо предкам, что не они сами стали объектом их праведного гнева!* (И. Андреев) – автор рассказывает о ритуальном наказании у африканцев (8,5% – в английском и 3,5% – в русском языках).

5) *Поздравление* – приветствие по случаю чего-нибудь приятного, радостного (Ожегов 1987, с. 473): *Happy New Year!* (H. Fielding); *Congratulations!* (F. Raphael) – Дерек поздравляет своего брата с приобретением нового дома; *С Новым годом тебя! С новым веком!* (М. Беленький) (5% – в английском и 2,5% – в русском языках).

В рамках исследуемого материала среди форм этикета, выражающихся русскими восклицательными предложениями, были выделены ещё два вида речевых актов:

а) *Тост* (5%) – короткая речь с пожеланием чего-нибудь и предложением выпить вина в честь кого-чего-нибудь (Ожегов 1987, с. 698): Всё, поехали! – Мы чокнулись. – За встречу! (М. Бутов); *Ну, будемте здоровы!* (Г. Балл) – писатель пьёт вместе с рабочими.

б) *Пожелание* (2%) – приветствие кому-нибудь, выражающее желание, чтобы осуществилось что-нибудь хорошее (Ожегов 1987, с. 472): *Пей на здоровье!* (М. Беленький) – истопник протянул русскому стажеру-акушеру чарку с водкой и пожелал ему здоровья.

В рамках исследуемого материала было установлено, что поздравление, выражающееся русскими восклицательными предложениями, часто совмещается с пожеланием и обращением, образуя совмещённые аналитически речевые акты (1%): *С Новым годом, Есик, береги себя!* (М. Беленький).

Третья группа социальных или этикетных речевых актов, а именно декларативы, довольно редко употребляется в коммуникации. Среди декларативов, выражающихся русскими и английскими восклицательными предложениями, можно выделить следующие виды, представленные в порядке убывания частотности по отношению к общему количеству:

1) *Называние* – 1) присваивание имени, прозвища, характеристики кому-чemu-нибудь, 2) произнесение имени, названия кого-чего-нибудь, сказав, объявить (Ожегов 1987, с. 324): *Тогда ты шовинист!* (Г. Щербакова) – актриса Нора Лаубе назвала так своего знакомого за то, что он считает, что в Москве живут не москвичи, а монстрвичи; *A circus mouse!* (S. King) – заключенный Делакройкс называет свою мышь цирковой, так как считает её ловкой и способной выполнять разные трюки (10% – в русском и 9% – в английском языках).

2) *Назначение* – 1) установить, определить что-либо (например, день, время встречи, цену и др.) (Ожегов 1987, с. 324): *Я ваша мамка таперича, я! И отец заодно! А вы сынки мои!* (А. Азольский) – старший лейтенант Г.И. Калтыгин говорит младшим сержантам, кем он им будет теперь, назначает себя на должность; *You gonna be a circus mouse after all, Mr Jingles!* (S. King) – заключённый Делакройкс определяет, что его прирученная мышь будет цирковой (5,5% – в русском и 5% – в английском языках).

В рамках исследуемого материала был обнаружен еще один вид декларативов, выражающихся русскими восклицаниями, а именно приговор. *Приговор* (1,5%) – 1) решение суда после слушания судебного дела; 2) вообще постановление, решение, мнение с оценкой чего-нибудь (Ожегов, 1987: 509): *Гришку – под нож!* (А. Азольский) – младший сержант сообщает приговор, который был вынесен их начальнику Григорию Колтыгину.

Таким образом, в рамках исследования были выделены три основных вида социальных речевых актов, выражающихся как русскими, так и

английскими восклицательными предложениями: вокативы, формы этикета и декларативы, представленные в порядке убывания частотности. Среди этих групп актов были выделены частные подвиды чистых и совмещённых речевых актов, характерных для русского и для английского языков.

Среди вокативных речевых актов были выделены следующие чистые подвиды актов: обращение и зов. Следует заметить, что русские коммуниканты чаще используют обращения, когда хотят сообщить кому-то что-либо, в отличие от американцев, которые в данной ситуации предпочитают позвать человека. В рамках исследования было установлено, что и в русском, и в английском языках обращение может совмещаться с приветствием. Однако в английском языке таких примеров гораздо больше. В русском языке обращение совмещается с поздравлением и прощанием, а в английском – с благодарностью.

Формы этикета, выражающиеся русскими и английскими восклицательными предложениями, включают в себя приветствие, прощание, извинение, благодарность и поздравление.

Декларативные речевые акты, выражающиеся английскими и русскими восклицаниями, используются коммуникантами довольно редко по сравнению с вокативами и формами этикета. Среди них как в русском, так и в английском языках были выделены акты называния и назначения, а также приговор, который используется, как правило, русскими коммуникантами.

Гак В.Г. Прагматика, узус и грамматика речи // Иностранные языки в школе. – М., 1982. №5. – С. 11-17.

Комина Н.А. Семантика коммуникативно-прагматических типов высказываний // Прагматические аспекты функционирования языка. – Барнаул: АлтГУ, 1983. – С. 93-101.

Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1987. – 798 с.

В.А. Калугина
Воронежский ГУ

Национальная специфика объективации концепта «температура» в русской и английской национальных картинах мира

В настоящее время широкое распространение при описании и анализе языковых явлений получил когнитивный подход, основывающийся на взаимосвязи языка, картины мира, мышления, национальной культуры народа. Сопоставление как прием лингвистического изучения национальной специфики семантического пространства языка и картины мира

позволяет зафиксировать национально-культурные особенности единиц исследуемого языка на фоне языка сопоставления, что является одной из главнейших задач контрастивной лингвистики

Материалом данного исследования послужили глаголы, обозначающие «воздействие высокой температуры»: *жарить, изжарить, пожарить, зажарить, поджарить, пережарить, разжарить, дожарить* в русском языке, а также глаголы *heat, heat up, fry, fry up, roast, broil, grill, frizzle, deep-fry* в английском.

Все перечисленные лексемы русского и английского языков (кроме *heat / heat up*) в статусе семемы Д1 развиваются значение «приготовлять (пищу), держать на сильном жару без воды, в масле, жире» Д1 (1).

В ходе анализа выяснилось, что лексемы, обозначающие данное значение, в английском и русском языках совпадают по количественному признаку (по 7 синонимов в каждом языке), но различаются по семантическому компоненту, который составляет основу дифференциации синонимов. Так, ядерная лексема *жарить* в русском языке образует широкое деривационное поле, состоящее из глаголов совершенного вида: *изжарить, пожарить, зажарить, поджарить, пережарить, дожарить, разжарить*; и несовершенного вида: *жариться, зажариться, изжариться, поджариться, пережариться*. Данные синонимы дифференцируются по степени готовности пищи. *Жарить котлеты. Зажарить зайца. Изжарить вмеру. Дожарить его; поджарить немного; пожарить еще: пережарить, засушить. Умылся, – хозяйка предложила разжарить сало* (М. Шолохов).

Национальная специфика английских глаголов, передающих данный смысл, состоит в том, что, в отличии от их эквивалентов в русском языке, они дифференцируются по признаку места, где происходит процесс жарки. Так, *roast* – жарить на огне, в духовке; *fry (up)* – на сковороде; *broil* – на огне; *grill* – на решетке; *frizzle* – с шипением (обыкновенно до тех пор, пока края не начнут заворачиваться, или до образования хрустящей корочки); *deep-fry* – во фритюрнице. *The meat was roasting in the oven. – В духовке жарилось мясо. You've made a fire fit to roast an ox. – Ты развел такой костер, что на нем можно было быка целиком зажарить. Fry an egg for me. – Пожарь мне яичницу. We can fry up some of these pieces of meat for our lunch. – Мы можем часть этого мяса пожарить на завтрак. He broiled us a few steaks. – Он поджарил нам вкусные бифштексы.*

Следующее несоответствие отмечено в переводе лексем *жарить* и *heat*. Несмотря на многочисленные совпадения в семантике существительных *жар* и *heat*, глагол *heat* в английском языке, в отличие от глагола *жарить*, деривата существительного *жар* в русском языке, не имеет значения «приготовлять пищу», а используется для передачи смысла Д1(2) «намеренно повышать температуру» (пищи, помещения, тела). Заметим, что глагол *heat* в данном случае, т.е. при упоминании о еде, сочетается с частицей *up* и синонимичен в своем значении лексемам *boil up, warm up. I can heat up some soup in two minutes, it's all ready. – Я могу подогреть суп за*

две минуты, он готов. *My dining room faces north and is difficult to heat.* – Моя столовая находится с северной стороны, и ее трудно отапливать. Кроме того, глагол *roast* употребляется в близком к исследованному значению “намеренно повышать температуру тела животного или человека посредством нахождения вблизи от огня” и переводится на русский язык лексемами *греть(ся), согревать(ся)*.

Таким образом, носители русского языка при вербализации значения Д1(2) более тонко дифференцируют объект, который подвергается высокой температуре. Описывая процессы, проводимые с использованием пищи, мы употребляем глаголы *разогревать, подогревать*; говоря о теле животного или человека – *согревать(ся), греть(ся)*; о помещении, печи – *топить, отапливать*.

Семантический анализ слов *жарить* и *roast* в анализируемых языках указывает на их полное сходство в значении «подвергать действию сильного жара, прокаливать (зерна, семена)» Д1 (3). Выбор глагола *roast* в данном случае оправдан, так как для прокаливания используют сковороду или другую плоскую металлическую емкость. *Жарить семечки, кофе. To roast coffee-beans – жарить кофейные зерна.*

Для более полного понимания семантики данных глаголов в обоих языках целесообразным видится рассмотрение значения Д1 (4) «негативное воздействие очень высокой температуры» (о солнце, огне, печи, плите). При вербализации данного значения проявляется значительное расхождение в количестве синонимов в исследуемых языках. Носители русского языка оперируют восьмью лексемами: *жечь, обжигать лучами, обдавать жаром, сильно греть, печь, палить (усилит.), жарить (разгов.), калить (обиходно-разговорн.)*; а носители английского – только пятью: *burn* – иссушать землю; высушивать растения; вызывать загар, *scorch* – выжигать, иссушать, *fry up* – высушить, *frizzle* – жечь, обжигать, *grill* – палить, жечь (о солнце). *Ну и жарит сегодня! Жарит полдневное солнце. М. Шолохов. The unusually hot sun has fried up the crops.* – Солнце в этом году было необыкновенно жарким и высушило весь урожай.

Магда ловким поворотом вырывалась и отходила к Горну, который сидел на подоконнике, босой, в белых штанах и по пояс голый, – ему нравилось жарить спину на солнце. В. Набоков «Камера Обскура».

Близким к рассмотренному является значение «находиться на жаре, в жарком месте» Д1(5). В разговорном стиле русского языка оно передается посредством глаголов *жариться* и *зажариться*, а в английском с помощью лексем *broil* (жариться на солнце), *grill* (жариться на солнце) и *frizzle* (изнемогать от жары). *Жариться на солнцепеке, на пляже. Жариться у плиты. I landed at Sahara, where destiny had resolved on grilling me till the 10th of November.* – Я приземлился в Сахаре, где судьба решила помочь меня до 10 ноября.

К национально-специфическим значениям русского языка можно отнести использование лексем *жарить, выжарить, прожарить* в

следующих значениях: «пропекать одежду для извода насекомых» Д2 (1), «сечь» Д2 (2) (*Жарить розгами*).

Национальная специфика глаголов английского языка проявляется при передаче значений, не имеющих эквивалентных лексем в русском языке: «обжигать, выжигать, кальцинировать» Д2(1) (*roast*), «калить, накаливать, накаляться» Д2(2) (*heat*), «подвергать пытке огнем» Д2(3) (*roast*), «казнить на электрическом стуле» Д2(4) (*fry*).

Таким образом, исследование глаголов в статусе денотативной семемы, обозначающих «воздействие высокой температуры» позволяет сделать вывод о том, что данные лексемы полностью совпадают в обоих языках только в значении «подвергать действию сильного жара, прокаливать (зерна, семена)» Д1(3).

Переводные, семантические, количественные расхождения наблюдаются при реализации значений «приготовлять (пищу), держать на сильном жару без воды, в масле, жире» Д1(1), «намеренно повышать температуру (пищи, помещения, тела)» Д1(2), «негативное воздействие очень высокой температуры» (о солнце, огне, печи, плите) Д1(4), «находиться на жаре, в жарком месте» Д1(5).

Национально-культурная специфика данных глаголов обнаруживается по семеме Д2 в значениях: «пропекать одежду для извода насекомых», «сечь», «обжигать, выжигать, кальцинировать», «калить, накаливать, накаляться», «подвергать пытке огнем», «казнить на электрическом стуле».

Таким образом, сопоставительный анализ данных глаголов позволяет выявить запас наглядно-опытных знаний и национальных особенностей ассоциативных впечатлений, сочетаний ощущений, отраженных в обоих языках.

Т.А. Чубур
Воронежский ГПУ

Методика контрастивного анализа национальной специфики семантики слова (на материале наименований незанятости трудовой деятельностью в русском и английском языках)

Для описания национальной специфики семантики исследуемой группы слов была применена контрастивная методика, разрабатываемая в работах В.Н. Ярцевой, И.А. Стернина, К. Флекенштейн, Н.М. Репринцевой, И.П. Зленко и др. и дополненная некоторыми этапами и шагами.

Покажем предложенную в работе контрастивную методику на примере применения ее к анализу наименований незанятости трудовой деятельностью в русском и английском языках. Остановимся в данной

статье на первом, исходном этапе, определяющем все последующие (см. подробнее Чубур 2005).

Установление базового списка лексем для контрастивного анализа

В качестве исходного языка был взят русский язык, в качестве языка сравнения – английский язык.

Наше исследование проводилось на материале группы субстантивных и глагольных наименований незанятости трудовой деятельностью, отобранных методом сплошной выборки из толковых словарей.

Ключевым словом, вербализующим исследуемое понятие, в русском языке оказалось слово *отдых*. Оно антонимично выражению *трудовая деятельность*, широко употребительно в русском языке, обладает широкими смысловыми связями в лексической системе языка, в том числе обширной синонимией в лексике и фразеологии. В связи с этим именно оно было избрано диагностирующей языковой единицей, которая использовалась на этапе определения состава исследуемой группировки как ключевая лексема. Таким образом, для определения совокупности лексических и фразеологических единиц, номинирующих в русском языке *незанятость трудовой деятельностью*, было использовано синонимическое расширение лексемы *отдых*.

В толковых и синонимических словарях русского языка выделялись единицы, содержащие в словарных толкованиях ключевое слово *отдых* и его в широком смысле слова синонимы.

Были проанализированы следующие словари:

Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. М., 2000.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1994.

Толковый словарь русского языка. / Под редакцией Д.Н. Ушакова. М., 1996.

Частотный словарь Русского литературного языка / Под редакцией Л.Н. Засориной. М., 1977.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка (в 4 т.). М., 1989.

Баханьков А.Е. и др. Толковый словарь русского языка. Минск, 1975.

Елистратов В.С. Словарь русского арго. М., 2000.

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русского жаргона. Санкт-Петербург, 2001.

Никитина Т.Г. Так говорит молодежь. Словарь молодежного сленга. Санкт-Петербург, 2001.

Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М., 2001.

В результате анализа словарей был получен список лексических и фразеологических единиц, раскрывающих разные смысловые стороны лексемы *отдых* как *незанятости трудовой деятельностью*. Таким образом, состав полученного списка единиц ограничивается смыслом

ключевой лексемы *отдых* в ее синонимическом и лексикографическом представлении.

На этом этапе был получен следующий список единиц:

балбесничать, балдежник, балдежничать, балдеж, балдеть, бездействовать, безделье, бездельник, бездельничать, безмятежность, бить баклуши, валять дурака (*Ваньку*), валяться на диване, вечеринка, вздохнуть, вздохнуть с облегчением, вздрогнуть, вырубаться, выходной, гудеж, гудеть, гуляка, гулянка, гульба, гулять, досуг, дремать, дрыхнуть, кайф, кайфовать, каникулы, кутеж, кутить, лежебока, лениться, лентяй, лентяйничать, лежать на боку (на печи), лодырничать, лодырь, обеденный перерыв, отгул, отгуливать, отдых, отдыхать, отдыхающий, отдыхновение, отлынивать, отпуск, отруб, отрубаться, отрыв, отрываться, оттягиваться, оттяжка, перевести дух, передохнуть, передышка, перекур, перекурить, перемена, перерыв, покой, посиделки, почивать, праздник, привал (2 значения), прикорнуть, проветриться, прогуливать, прогулка, прогуливаться, променад, развеяться, расслабон, расслабляться (2 значения), рекреация, розых, сачковать, сидеть сложа руки, слоняться, созерцать, сон, спать, спокойствие, тусоваться, тунеядец, угомониться, умиротворенность, успокоиться, шланг, шланговать.

Синонимическое расширение базового списка

Были использованы следующие словари:

Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка. М., 2001.

Алиева Т.С. Словарь синонимов русского языка. М., 1999.

Словарь синонимов русского языка / Гл. ред. А.П. Евгеньева. Л., 1971.

Выделенные лексемы просматривались по синонимическим словарям, выявлялись новые лексемы, которые пополняли базовый список. По итогам этого этапа базовый список лексем пополнился следующими единицами:

баклушиничать, бездельничанье, кемарить, лоботряс, ничегонеделанье, прохладжаться, сабантуй, сиеста, шалопай, шалопайничать.

Структурно-семантическая классификация

наименований незанятости трудовой деятельностью

Полученный общий список языковых единиц был разбит на структурно-семантические подгруппы.

Субстантивные и глагольные наименования, называющие общее понятие **незанятость трудовой деятельностью**: *отдых, отдыхновение, рекреация, розых, развеяться, отдыхать.*

Субстантивные и глагольные наименования перерыва в работе, в какой-либо деятельности: *обеденный перерыв, передышка, перекур, перерыв, привал (2 значения), перевести дух, передохнуть.*

Субстантивные наименования лиц по признаку пребывания в состоянии отдыха: *балдежник, гуляка, отдыхающий.*

Субстантивные наименования лиц по признаку уклонения от работы: *бездельник, лежебока, лентяй, лоботряс, лодырь, тунеядец, шалопай, шланг*.

Субстантивные и глагольные наименования уклонения от работы: *безделье, бездельничанье,ничегонеделанье, баклушичать, балдежничать, бездействовать, бездельничать, бить баклуши, балбесничать, валять дурака (Ваньку), валяться на диване, лениться, лентяйничать, лодырничать, прогуливать, прохлаждаться, отлынивать, сидеть сложа руки, слоняться, шалопайничать, шланговать*.

Субстантивные и глагольные наименования процесса отдыха, сна: *сiesta, сон, отруб, вздрежнуть, вырубаться, дремать, дрыхнуть, кемарить, отрубаться, почивать, прикорнуть, спать*.

Глагольные наименования состояния человека после завершения интенсивной работы: *вздохнуть свободно, вздохнуть с облегчением, расслабиться, собраться с силами*.

Субстантивные и глагольные наименования получения удовольствия от незанятости деятельностью: *балдеж, кайф, отрыв, оттяжка, балдеть, кайфовать, отрываться, оттягиваться, расслабляться, тусоваться*.

Субстантивные и глагольные наименования группового отдыха с развлечением и застольем: *вечеринка, гудеж, гульба, гулянка, сабантуй, кутеж, гудеть, гулять, кутить*.

Субстантивные и глагольные наименования состояния психологического покоя: *безмятежность, покой, расслабон, спокойствие, умиротворенность, созерцать, успокоиться*.

Субстантивные и глагольные наименования способов отдыха от трудовой деятельности: *посиделки, прогулка, променад, отгуливать, проветриться, прогуливаться, развеяться*.

Субстантивные наименования периодов отдыха: *выходной, досуг, каникулы, отгул, отпуск, перемена, праздник*.

Результат данного этапа: описан состав и структура лексической группировки наименований незанятости трудовой деятельностью в русском языке. Выявление базового списка лексем создает основу для поиска переводных соответствий; разбивка материала на семантические подгруппы обеспечивает исходную базу для последующего компонентного анализа.

Чубур Т.А. Национальная специфика семантики слова и проблемы ее лексикографической фиксации (на материале *наименований незанятости трудовой деятельностью* в русском и английском языках): Автореф. дис... канд. филол. наук. – Воронеж, 2005.

В.А. Калугина
Воронежский ГУ

Особенности производной семантики глаголов, репрезентирующих концепт «температура со знаком +».

Непосредственным объектом исследования стали коннотативные семеи глаголов английского языка (*get warm, warm up, grow warm, heat, fry, grill, roast, boil, broil, bake, stew, blaze, seethe*) и глаголов русского языка (жарить, гореть, палить, жечь, горячить, печь, теплеть, греть), репрезентирующих концепт «температура со знаком +». Данные лексемы можно распределить по группам на основе интегральной семы. В ходе анализа данных лексем была установлена общая для них интегральная сема «интенсивность». Рассмотрим значения исследуемых лексических единиц.

1. Данное значение вербализуется посредством глаголов **гореть** и **кипеть** в русском языке в составе фразеологизмов и фразового глагола **blaze away** в разговорном стиле, когда говорится об энергичности выполнения какого-нибудь дела, задачи. *Blaze away! – валяй! жарь!*

У нее всякое дело в руках горит, кипит, скоро поспевает. Кроме того, в английском языке выявляется стилистическая лакуна по отношению к фразеологизму русского языка (*не горит!*), характерному для разговорного стиля общения, однако она может быть компенсирована стилистически нейтральным словосочетанием (*there's no hurry!*). В соотносимых выражениях (*работа кипит – the work is in full swing*) лексемы обоих языков обнаруживают общую сему «бурное движение».

2. Глаголы **burn** и **burn up** уместны при вербализации значения «ездить на большой скорости» и в сочетании с существительными (*motorway, breeze, rubber, earth, road, wind*) образуют устойчивые фразеологизмы. *This fast car really burns up the road.* – *Этот автомобиль развивает такую скорость, что ты буквально летишь по дороге.* Заметим, что в русском языке скорость движения не соотносится с огнем как в английском, а может сравниваться, например, с полетом, поэтому в русском языке по отношению к указанным фразеологизмам английского языка выявляются лексические лакуны.

3. «Выражать сильное чувство» (о глазах)

Анализ этого значения показывает переводные несоответствия в исследуемых языках. При описании ярко светящихся глаз носители английского языка, в отличие от носителей русского языка, употребляющих глагол **гореть**, используют лексемы **gleam, shine, sparkle, glow**, т.е. лексемы, не содержащие в своем составе семы «температура». *Ее глаза горели любовью.*

4. «Ярко сверкать» (о предметах, отражающих огонь, свет)

С целью реализации данного значения носители английского языка используют лексемы **burn, blaze (with)**, которые в русском языке переводятся глаголами **светиться, сверкать, блестать, искриться** и не

входят в предмет данного исследования. *The streets of London blazed with bonfires.* – Улицы Лондона были ярко освещены кострами.

Наиболее часто признак интенсивности используется для выражения эмоций. Весьма актуальным для глаголов рассматриваемой группы в обоих языках является значение «испытывать сильные эмоции». В английском языке оно представлено глаголами **to boil over, to heat, to get heated, , burn (with), boil (with), broil (with), blaze up, blaze with, seethe**, а в русском лексемами **горячить, погорячиться, кипятиться, палить, допекать, гореть, жечь**. Целесообразным видится анализ ситуаций, в которых человек переживает такие эмоции.

5. «Испытывать раздражение, гнев»

При актуализации значения «раздражаться» негативная сема обнаруживается в семантическом составе следующих глаголов: **boil with, burn with, broil with, heat smth. up, to heat, to burn smth. up, blaze up, blaze with, кипятиться, допекать, жечь**.

При выражении этого значения переводные соответствия в обоих языках проявляются в следующих контекстах: *Его совесть жжет. Гнев мою душу больную душу палил. (Некрасов). Я сгорел со стыда, покраснел и смущился. Don't boil over, speak quite! – Не кипятись, говори спокойно. Dan burned to know what the reason could be. – Дэн сгорал от желания узнать причину. His face was red and he was seething with anger. – Он был красный как рак и кипел от ярости. Глагол горячиться имеет дериват погорячиться. Друзья мои... хорошие, добрые... Погорячились, и будет... (Чехов А.П. Дуэль).*

Переводные несоответствия в употреблении исследуемых лексем отмечены, когда глаголы **burn up, blaze up, heat, broil with** переводятся на русский язык посредством лексем **злить, сердить, раздражать, вызывать гнев**, что обусловлено отсутствием в русском языке аналогичных переходных глаголов. Вследствие этого можно говорить о наличии грамматических лакун. Так, в английском языке глаголы с семой «температура» способны называть не только процесс «переживания» сильных эмоций самим человеком, но и возбуждение таких эмоций в другом, в то время как в русском языке глаголы с семой «температура» используются, в основном, при описании собственных эмоций и чувств. Исключение составляют лишь глаголы **горячить** в сочетании с существительным **конь** (горячить коня – «ускорять энергию движения») и **допекать** (простореч.). *Допекает он меня. I've never been so burned up at anyone – Я еще никогда ни на кого не был так зол.*

6. «Испытывать заинтересованность, нетерпение, огромное желание что-то сделать».

Позитивная и нейтральная семы обнаруживаются в семантическом составе глаголов **burn, warm to / toward, heat, пылать, согревать. He warmed up as he went on with his speech – постепенно он стал говорить всё с большим воодушевлением. Согреть душу – to warm one's heart. Пылать страстью, любовью.**

Глаголы могут также употребляться в значении «начать испытывать положительные эмоции». *I was just warming to the task.* – Мне только-только начало нравиться задание. Отметим, что в отличие от носителей английского языка, которые используют глагол warm to/ toward, когда говорят о чувстве **симпатии, расположения (к кому-либо)**, интереса к чему-либо, кому-либо, носители русского языка пользуются эквивалентным глаголом **теплеть** только применительно к **взгляду, голосу, душе**. *Взгляд, голос теплеет.* *На душе теплеет (безл.)*. Кроме того, в данном значении в русском языке возможно использование существительного **потепление**, но только в сочетании с лексемой **отношения**. *Потепление в международных отношениях*.

Анализируемые глаголы могут приобретать интегральную сему «сокращение чего-либо» в следующих производных значениях:

1. в случае реализации значения «истощить, работать до истечения возможностей»

Данное значение в английском языке зачастую характерно только для глагола **burn out**. В русском языке для передачи этого смысла используется лексема **сгореть**, а также лексема **спечься** в просторечии. *By the thirteenth round he had burnt himself out* – К тринадцатому раунду он **спекся. Сгорел за три дня**.

2. в сочетании с существительными, называющими одежду, эти глаголы репрезентируют значение «быстро изнашиваться, становится непригодным для носки»

Употребление лексемы **гореть** в разговорном стиле русского языка для характеристики такого действия национально-специфично. *На нем все горит*. В английском языке в данном случае наблюдается стилистическая лакуна.

3. при актуализации значения «прекращение эмоций» (о конфликте, чувстве и т.д.)

Лексемы обоих языков **simmer down, boil away** и **перегореть**, передающие этот смысл, хотя и содержат общую для них сему «температура», но различаются по семе «образ действия». *His excitement soon boiled away when the work actually started.* – *Его нервозность испарилась*, когда началась настоящая работа. *У нее все уже перегорело в душе*.

Близким к рассмотренному является значение «слабая интенсивность» (о чувстве, вере, надежде). ЛЕ **теплиться** в данном значении национально-специфична для русского языка и на английский переводится с помощью ЛЕ **glimmer, gleam**, не включающих в свой состав семы «температура», поэтому можно говорить о наличии лексической лакуны в английском языке. *В нем еще теплится надежда* – *he still has a glimmer of hope; he still has a faint hope*.

Данные глаголы могут употребляться также для манифестации значения «сокращать(ся), сжимать(ся), сводиться» (о тексте, смысле, главной идее).

You can boil the long story down to a few sentences and it still has the same meaning. – Этот рассказ можно сократить до нескольких предложений, и все равно все будет понятно. *The matter boils down to this* – дело сводится к следующему. Фразовый глагол **boil down** может использоваться применительно как чему-либо конкретному, так и к интеллектуальной деятельности, чем, собственно, и отличается от соотносимых русских глаголов **уваривать, выпаривать**, употребляемых лишь в ситуации, когда говорится о пище, жидкости, т.е. о чем-то конкретном.

Глаголы могут выражать и противоположное значение **«увеличиваться»** в следующих ситуациях:

1) когда речь идет о нарастающем **возбуждение, конфликте**

Trouble was boiling up in the Middle East. – На Ближнем Востоке опять **назревал / разгорался конфликт.**

2) о распространении информации

*Blaze – разглашать, обнародовать (часто *blaze abroad*). His fame was blazed abroad by the country's newspapers and television.* – Его слава гремела по стране благодаря прессе и телевидению. В данном случае в русском языке выявляется лексическая лакуна, так как в нем отсутствуют глаголы, содержащие сему «температура» и выражющие указанное значение.

В обоих языках исследуемые глаголы **распекать, roast, burn** в статусе коннотативной семемы реализуют значение **«подвергать суровой критике; порицать, осуждать»**. Данные лексемы употребляются только в разговорном стиле, в неофициальной сфере общения, а ЛЕ **roast** характерна только для американского варианта английского языка (сленга). *Начальник всех распек! These films have been roasted by most critics.* — Большинство критиков раскритиковали эти фильмы.

Весьма востребованным является значение **«страдать от последствий собственных непродуманных действий»**, обозначаемое глаголами **burn, stew** в английском языке и глаголом **обжечься** в русском, которые имеют различие в структуре сем. То *burn one's fingers / to get one's fingers burnt. George got his fingers badly burnt when his firm went out of business.* – Джордж сильно обжегся на своих собственных ошибках, когда его компания обанкротилась.

Таким образом, **переводные межъязыковые соответствия** обнаруживаются в следующих значениях: «энергично выполнять какое-нибудь дело, задачу», «испытывать раздражение, гнев», «испытывать заинтересованность, нетерпение, огромное желание что-то сделать, стыд», «истощить, работать до истечения возможностей», «подвергать суровой критике, осуждать», «страдать от последствий собственных непродуманных действий».

Переводные несоответствия в употреблении исследуемых лексем отмечены в значении «испытывать раздражение, гнев» у русских переходных глаголов, а также в случаях выявления лакун.

Лексическими лакунами в русском языке являются следующие значения: «ездить на большой скорости», «ярко сверкать» (о

предметах, отражающих огонь, свет), «начать испытывать положительные эмоции» «сокращать(ся), сжимать(ся), сводиться» (о тексте, смысле, главной идее). «распространять информацию».

Лакунарными для английского языка являются значения «выражать сильное чувство» (о глазах), «слабая интенсивность».

Грамматическая лакуна в русском языке присутствует в значении «радрежаться».

Стилистическая лакуна в английском языке обнаруживается в значении «быстро изнашиваться, становится непригодным для носки» (об одежде).

С.В. Колтакова
Воронежский ГУ

Национальная специфика лексико-семантической группы «Труд» в русском и английском языках

В последнее время особенную актуальность приобрели исследования в области выявления национальной специфики семантики единиц различных языков, в частности русского и английского. Такие исследования, помимо расширения теоретической базы данной проблемы, позволяют более полно описать языковую картину мира носителей этих двух языков. Понятие трудовой деятельности, являясь неотъемлемой частью нашей жизни, особенно ярко отражает особенности менталитета и традиций, свойственных представителям русской и английской лингвокультур, поэтому выявление языковых проявлений этих особенностей представляется весьма актуальным.

Проведенное исследование показало, что лексико-семантическая группа «Труд» в русском и английском языках демонстрирует как много общего, так и национально-специфические различия. Так, в обоих языках исследуемые ЛСГ представляют собой большие, хорошо структурируемые группы и подразделяются на 7 одноименных подгрупп: 1. Общие наименования процесса труда, 2. Наименования мест труда, 3. Наименования атрибутов труда, 4. Наименования должностей и профессий, 5. Денежное вознаграждение за труд, 6. Наименования лиц, занимающихся трудовой деятельностью, 7. Наименования видов труда.

Выделенные подгруппы далее подразделяются на мини- и микрогруппы. Наибольший интерес представляют две последние из вышеперечисленных подгрупп, поскольку они имеют наиболее разветвленную структуру и демонстрируют наибольшую номинативную плотность – показатель, отражающий количество лексических единиц, номинирующих определенную сферу действительности (Карасик В.И. Языковой круг. – М.: Гнозис, 2004, с. 111). Структура рассматриваемых подгрупп в русском и английском языках в основном совпадает, национальная специфика

проявляется на уровне перечня микрогрупп, а также в различиях в количественном составе структурных элементов. Обращает на себя внимание явление широко развитой синонимии в английском языке, особый интерес представляют стилистические синонимы.

Следует также отметить, что лексемы исследуемых лексико-семантических групп в обоих языках являются как однозначными, так и многозначными. Полисемантические единицы по своим различным компонентам значения могут одновременно входить в состав различных подгрупп и минигрупп.

Е.А. Маклакова
Воронежская ЛТА

Русская лексема *брат* в контрастивном аспекте

Данное исследование связано с относительно молодым лингвистическим направлением, берущим свое начало со второй половины XX века – контрастивной лингвистикой. Основной целью контрастивного анализа является выявление национальной специфики семантики лексических единиц языка на денотативном, коннатотивном и функциональном уровнях в виде их семного описания на фоне языка сопоставления.

Материал исследования был ограничен наименованиями лиц, входящих в состав лексического ядра русского языка, полученного, согласно данным Ю.Н. Караулова, в ходе создания словаря ассоциативных норм русского языка. Одним из таких наименований и является лексема *брат*.

Конкретизация архисемы значения этого существительного («лицо») несколькими дифференциальными семами, а именно: «мужского пола», «имеющее тех же родителей», «по отношению к другим их детям», – совместно с данными синонимических словарей дала возможность получить следующий синонимический ряд исследуемого слова в русском языке: *брат, братан, брательник, братец, братишка, браток, братушка, деверь, молочный брат, сводный брат, шурин*.

Следующим этапом работы с перечисленными выше примерами было определение их соответствий в английском языке с использованием двуязычных переводных словарей и одноязычных толковых словарей английского языка: *brother, brother-in-law, foster-brother, old boy, old chap, old fellow, old man, sibling, sib, step-brother*.

Поскольку «для контрастивного описания лексики существенным оказывается количество лексических единиц языка сопоставления, которые могут быть поставлены в соответствие исследуемой единице исходного языка» (Стернин 2004, с.25), то далее в процессе работы были определены типы межъязыковых соответствий – линейные (1:1) и векторные (1:N) – русских и английских лексем.

Линейные соответствия: деверь – brother-in-law, молочный брат – foster-brother, сводный брат – step-brother, шурина – brother-in-law.

Векторные русско-английские соответствия: **брать** – brother, sibling, sib, old boy, old chap, old fellow, old man; **брата** – brother, sib, old boy, old chap, old fellow, old man; **брательник** – brother, sib; **братец** - brother, sib, old boy, old chap, old fellow, old man; **братишка** – brother, sib; **браток** – old boy, old chap, old fellow, old man; **братушка** – brother, old boy, old chap, old fellow, old man.

Векторные англо-русские соответствия: **brother** – брат, братан, брательник, братец, братишка, братушка; **sibling** – брат или сестра; **sib** – брат или сестра, братан, брательник, братец, братишка, братушка; **brother – in-law** – деверь, свояк, шурина.

Последующие действия были связаны с семным описанием значений лексических единиц в сопоставляемых языках в виде перечня минимальных семантических компонентов – сем, их унификацией и обобщением. На основе имеющегося материала эквивалентными соответствиями, обладающими совпадающими ядерными, яркими периферийными, оценочными и эмоциональными семами в сфере лексического значения, а также функционально-стилистическими, функционально-временными, функционально-частотными, функционально-социальными и функционально-территориальными семами в сфере структурно-языкового значения, были признаны: *брать – brother; молочный брат – foster-brother; сводный брат – step-brother*.

В качестве приблизительных соответствий, когда различия наблюдаются в функциональных структурно-языковых семах и взаимный перевод возможен только в некоторых контекстах, можно отметить следующие пары: *брать(межстил.) – sibling(офиц.), брат(межстил.) – sib(разг.), братец(разг.) – brother(межстил.), браток (совр., употр.) – old boy, old chap, old fellow, old man(уст., малоупотр.), братушка(нар.-разг., уст., малоупотр.) – brother(межстил., совр., употр.)*, по функционально-стилистическим, функционально-временным и функционально-частотным компонентам; *брательник (одобр., ласкат.-фамильян., прост.) – sib (неоцен., неэмоц., разг.)* – по коннотативным и функционально-стилистическому компонентам; *братишка(одобр., ум.-ласкат.) – sib(неоцен., неэмоц.)* – по коннотативным компонентам.

Кроме того, перечисленные выше контрастивные пары на денотативном уровне имеют неполное совпадение сем по содержанию при совпадении их семантического признака: *брать (мужского пола) – sibling (мужского или женского пола), брательник (мужского пола) – sib (мужского или женского пола), братишка (мужского пола,) – sib(мужского или женского пола), деверь(брат мужа)- brother-in-law (брат мужа или жены), шурина (брать жены) - brother-in-law(брат мужа или жены);*

эндемичные семы: *братишка (малолетнего возраста) – sib, братишка (малолетнего возраста) – brother, брат (иные существа по отношению к человеку) – brother;*

или отсутствие семы в русском языке при её наличии в английском, например: *братан* – *brother* (член религиозного братства), *братьевник* – *brother* (член религиозного братства), *братец* – *brother* (член религиозного братства), *деверь* – *brother-in-law* (муж свояченицы), *шурин* – *brother-in-law* (муж свояченицы).

Все приведенные выше примеры являются свидетельствами национальной специфики семантики лексемы *брат* по денотативным, коннотативным или функционально-структурным различиям, выявленными в процессе её контрастивного анализа на фоне английских лексических единиц, и позволяют перейти в дальнейшем к дифференциальному толкованию значения лексемы *брат*, в котором по определению И.А. Стернина «содержится указание на все её переводные соответствия с перечислением семантических компонентов, которые дифференцируют единицу исходного языка от всех её переводных соответствий» (Стернин 2005, с. 90).

Подводя итог выше сказанному, отметим, что методика применения контрастивного метода к описанию языкового материала позволяет выявить разные формы проявления национальной специфики семантики слов, которые принадлежат к основному словарному фонду обоих сравниваемых языков и обозначают универсальные концепты – такие как *брат*.

Изучение и описание национальной специфики значений единиц одного языка относительно другого основывается на выявлении различий в их семантике и функциях, тем самым демонстрируя уникальность и неповторимость образа мира каждой культуры. Поиск национально-культурной специфики отдельных лексических единиц может в конечном итоге рассматриваться как средство познания чужой культуры в целом: в её предметной и деятельностной формах, – а также как средство для углубленного понимания своей родной культуры.

Результаты подобного исследования могут быть непосредственно внедрены в практику преподавания для дифференциальной семантизации лексики.

Longman Dictionary of English Language and Culture. Person Education Limited, England, 2000/

Paperback Dictionary & Thesaurus. Harper Collins Publishers, Glasgow, 2001.

The Oxford Paperback Dictionary. Oxford University Press, Oxford, 1994.

The Oxford Dictionary of New Words. Oxford University Press, Oxford, 1998.

Большой англо-русский словарь: / Под ред. И.Р. Гальперина. – М.: Рус. яз., 1979.

Большой русско-английский словарь / Под общ. рук. А.И. Смирницкого. – М.: Рус. яз. – Медиа, 2004.

Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. – СПб., 2003.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 1999.

Стернин И.А. Контрастивная лингвистика. – Воронеж, 2004.

Т.Н. Нетесова
Воронежский ГУ

Социально-психологическая и лингвистическая роль молодежного жаргона (на примере немецкого языка)

Пожалуй, ни один другой лингвистический феномен не породил так много расхождений во мнениях лингвистов, как социальные жаргоны. Расхождения повсюду: в терминологическом обозначении единиц жаргона (будь то сленгизмы, разговорно-просторечная лексика, социалектизмы или вульгаризмы); в определении их системных свойств, лингвосоциологических особенностей и т.д.

Довольно противоречивы и оценки жаргонов. В большинстве случаев среди ученых и рядовых носителей языка наблюдается негативный подход к данной группе лексики. Ученые-пуристы воспринимают жаргонизмы как «словесный мусор», как «признаки низкой культуры речи» (Филин 1973, с. 3-13) или вовсе как «уродливый нарост на теле языка, для которого характерно стремление к эпатажу, к вечной, кричащей новизне слов и выражений и к подчеркнуто издевательскому отношению как к самому языку, так и понятиям, им выраженным» (Бурдин 1968, с. 67-79).

В данной статье мы сочли необходимым встать на защиту социальных жаргонов и на примере их интереснейшей разновидности – молодежного жаргона в немецком языке – показать их многогранное функционирование в обществе и языке. Тем более что сами пуристы с неожиданностью признают: «...борясь с жаргонами, многие забывают их функциональную роль» (Косцинский 1968, с. 184-191).

Немецкий молодежный жаргон имеет почти такую же долговечную историю, как и сама молодежь. Своим зарождением на территории распространения немецкого языка жаргон обязан открытию первых европейских университетов (в Праге – в 1348 г., в Вене – в 1365 г., в Гейдельберге – в 1368 г., в Кельне – в 1388 г.). Однако активное изучение данного жаргона в немецкой лингвистике началось только в 17-м веке, когда на смену латинскому как языку науки пришел немецкий (1687г.) и постепенно начал образовываться самостоятельный студенческий лексикон. Еще в 17 веке в среде студентов начали употребляться такие слова, как *Mieze* (рус. «киска» – для обозначения красивой девушки); *Besen*

(рус. «метла») или *Schnepfe* (рус. «вальдшнеп» = «менее красивая девушка»), *Blech* (рус. «жестянка» = деньги), не утерявшие жаргонного статуса и по сей день. В лексике молодых людей широко использовались переосмысление слов литературного языка, заимствования из других языков (главным образом классических) и жаргонов, в частности из воровского арго. Например, деньги – *Blech*, *Moos* и т.д.

Возникнув как явление не только лингвистическое, но и социально-психологическое, молодежный жаргон выполняет в группе своих носителей следующие функции.

Экспрессивная. Во всех определениях жаргона выделяется эмоциональность, экстравагантность, эмфатичность и т.д., как присущие ему экспрессивные качества. Все четыре компонента коннотации (экспрессивный, эмоциональный, оценочный и стилистический) для жаргона являются обязательными.

Стилистически жаргонизмы противопоставлены литературной норме и в этом отчасти состоит смысл новизны их употребления. Их экспрессивность опирается на образность (*Schuhkarton* – «обувная коробка» или *Konservenose* – «консервная банка» вместо «автомобиль»), остроумие (*die Augen auf Nullstellung drehen* – досл. «поворнуть глаза в положение ‘ноль’» или *Radieschen von unten wachsen sehen* – «наблюдать снизу, как растут редиски» вместо «умереть»), неожиданность (*Ich glaub' mich streift'n Dampfer!* – досл. «кажется, меня задел пароход!»), как возглас удивления пытаясь словно расцветить унылую действительность. Таким образом, не последним мотивом в создании сленга является эстетический.

Депрециативная функция (Береговская 1996, с. 32-41), заключающаяся в том, что молодежный жаргон всегда критически, иронически относится ко всему, что связано с давлением госмашины, общественных, политических и других процессов.

Свои политические взгляды молодежь выражает кратко и ясно: «*Anarchie ist machbar, Herr Nachbar!*» (рус. «Анархия реальна!»). Молодежь противостоит нечеловечности, наукообразности современного общества, высмеивает тех, кто перестает быть человеком в погоне за общественными благами. «*Und Sie rauchen milde Sorte, denn das Leben ist ja hart genug*» (рус.: «А Вы курите легкий сорт, потому что жизнь и так тяжелая?»), могут они подшутить над карьеристами. Молодежь противостоит страху и бессилию общества против всевозможных сил и процессов.

Отдельный аспект данной проблемы – противопоставление молодежи старшему поколению. Жаргонная лексика не лишена привлекательности в глазах молодых как «своя», не подчиняющаяся нормам взрослых, школы и т.д., выражая пренебрежение к авторитетам, условностям, традициям – своего рода орудие самоопределения. Такую коннотативную нагрузку несет в себе отчасти огромное количество англицизмов в речи молодых немцев. Молодежь предпочитает английские дубли нейтральным немецким словам из-за небрежного, непринужденного звучания первых:

sorry, story, song. «Sorry, dass ich dir die Tussi ausgespannt habe!» (рус. «Сорри, я увел твою герлу!»).

«Сильные», «беспокойные» шокирующие слова и выражения подростков способствуют их самоотделению от прочих групп общества и одновременно объединению их в «свою» группу. В таких условиях молодежный жаргон является паролем всех членов референтной группы. А значит, здесь на первый план выступает репрезентативная функция. Как органическая и важная она рассматривается в жаргоне школьников. Данная лексическая подсистема «закрыта», чтобы овладеть ею, нужно быть в курсе образа жизни и представлений ее носителей. Например: *Penne* – «школа» (от нем. *reppen* – «спать»); *Ehrenrunde drehen* (рус. «совершить круг почета») = «остаться на второй год»; *Idiotentest* (рус. «тест на выявление идиотов») = «контрольная работа».

Молодежный жаргон – это не просто способ объединения в «свою» группу и ограничения ее от «остальных», но и своеобразный шифр, что очень роднит его с воровским арго. В этой связи описываемую лексику можно подразделить на два пласта:

- слова, обозначающие понятия и реалии, специфичные для данной группы людей, разделяющие «своих» и «чужих»;
- обозначения реалий, которые необходимо скрыть от «чужих», дабы не попасть под подозрение полиции, родителей, учителей. Это могут быть обозначения наркотиков (*Mary, Dynamit*), наркоманов (*User, Pusher, Speedy Gonzales*), полиции (*Gruenschnebel* – досл. «зеленые клювы» по их бело-зеленой униформе), родителей (*Regierung* – рус. «правительство» или *Generalstab* – рус. «генеральный штаб»).

Таким образом, в рамках молодежной группы описываемый жаргон функционирует в трех основных направлениях: самоидентификация («Я»), интеграция («Мы») и отграничение («Вы»).

Поразительно, однако, то, что бытование молодежного жаргона в языке не ограничивается только рамками молодежной группы. Так, в конце 20-го века немецком и русском языках отмечен переход огромного количества жаргонных лексем в сферу общеизвестной лексики. Чем же объяснить популярность «молодежного языка» в широких слоях общества? Ответ дает внутреннее закономерное развитие национального языка и его ядра – языка литературного. Действие закона экономии речевых усилий заставляет использовать более краткие по форме и емкие по смыслу экспрессивные лексические единицы. Благодаря своей повышенной экспрессивности и быстрой обновляемости жаргон выполняет функцию резервного источника, из которого литературный язык черпает новые, эмоциональные средства.

В настоящее время когда, экономика признала в молодежной группе важного потребителя, СМИ возложили на жаргон новую задачу – осуществлять функцию воздействия в обществе.

Часто жаргонизмы встречаются и на страницах художественных произведений как элементы речевой маски персонажа.

Вышеприведенные факты свидетельствуют о значимости молодежного жаргона не только для его носителей, но и для системы языка в целом. Это не вредный нарост на его теле, который «иссушает, загрязняет и вульгаризирует устную речь», а органическая и необходимая часть языковой системы. Она очень интересна для лингвиста как лаборатория, в которой все свойственные естественному языку процессы, не сдерживаемые давлением нормы, происходят во много раз быстрее и доступны непосредственному наблюдению.

Что касается «иссушающего» влияния молодежного жаргона, то надо заметить, что все социальные диалекты, в отличие от территориальных, никогда не бывают первым и единственным способом коммуникации для тех, кто ими пользуется. Молодежный сленг – это один из функциональных подстилей, к которому прибегают носители языка с относительно высоким образованием (его «англизированность» – веское тому доказательство) только в определенных ситуациях общения. В других ситуациях они пользуются другими стратами шкалы стилей.

Пока сленг используется молодыми, когда они непринужденно общаются между собой, никакого загрязнения не происходит. Появление же его в других сферах общения не должно вызывать никакого протеста, если это делается с тактом и эстетически мотивированно. Одним словом, исследование данного пласта лексики как нормативного проявления языка и отражения жизни его носителей имеет огромную значимость.

Береговская Э.М. Молодежный сленг: формирование и функционирование // ВЯ. – 1996. – №3. – С. 32-41.

Бурдин Л.С. Словарная помета «Slang» и ее толкование в современной англистике // Вопросы лингвистики и методики преподавания ин. языков. – М., МГУ, 1968. – С. 67-79.

Косцинский К. Существует ли проблема жаргона // Вопросы литературы. – 1968. – №5. – С. 184-191.

Филин Ф.П. О структуре современного русского литературного языка // ВЯ. – 1973. – №5. – С. 3-13.

Н.В. Прощенкова
Благовещенский ГПУ

Национальная специфика слов близкородственных языков

В условиях межкультурной коммуникации ученые различных гуманитарных дисциплин, таких как психолингвистика, когнитивная и контрастивная лингвистика, лингвокультурология, проявляют живой

интерес к такому аспекту межкультурной коммуникации как национальная специфика семантики слова.

Яркими примерами национальной специфики слов являются лакуны и безэквивалентные (эндемичные) единицы. Именно они составляют заметную долю национальной специфики любого языка. При контрастивном исследовании русского и западноевропейских языков национальная специфика семантики, что называется, лежит на поверхности, очевидна и не завуалирована. Совершенно иная ситуация обнаруживается в близкородственных языках, какими являются, например, русский и украинский. Абсолютная близость культуры, быта, религии, принадлежность к одной языковой семье затрудняют выявление национальной специфики семантики слов. Хотя, несомненно, таковая присутствует и в близкородственных языках, что и показало проведённое нами исследование.

Больше всего национальная специфика семантики при сопоставлении украинского и русского языков проявляется в следующих лексико-семантических группах

Названия исторических реалий, связанных с культурой, народными промыслами, бытом, религией:

вегеря – род танца;
 гальонка – уст. парчовая лента;
 гопак – украинский народный быстрый танец, одиночный, парный или групповой;
 дейнека – ист. воин, вооруженный дубиной;
 дереворит – гравюра на дереве;
 джура – казацкий слуга, (у военных еще оруженосец);
 дружка – (в свадебном обряде) уст. подруга невесты;
 жичка – обл. 1) красная шерстяная нитка; 2) шерстяная тесёмка;
 заполоч – цветные нитки для вышивания;
 занизування – один из способов вышивание;
 комишник – уст. разбойник с низовьев Днепра, прятавшийся в камышах;
 краков'як – род танца;
 крашанка – окрашенное пасхальное яйцо;
 козак – род танца;
 коломийка – род песни, украинский быстрый танец;
 лиштва – род вышивки;
 маковій – разг.уст. день 1(14) августа;
 макогін – большой пест для растирания мака и пр.;
 мачки – обл. венок из цветов мака;
 найми – служба по найму, работа по найму;
 низовик – запорожский казак с низовьев Днепра;
 повзунець – украинский (запорожский) народный танец, весь исполняется в присядку;
 рата – уст. срок платежа, а также часть платы (арендной и т.д.) ;
 реєстровець – реестровый казак;

розмай-коса – обр. этн. уст. брат невесты, распускающий невесте косу; світилка – девушка, совершающая обряд держания меча и свечи на свадьбе;

соб/цоб – восклицание, которым направляют волов налево; східняк – разг. 1) уроженец восточных областей Украины, 2) восточный ветер;

трута-зілля – фольк. ядовитое растение;

халупник – безземельный крестьянин (обл. халупник);

халупниця – безземельная крестьянка;

халяндра – род цыганского танца;

цабе – разг. восклицание, которым направляют волов направо;

чисниця – три нитки или одна десятая пасма;

чужосілець – обл. человек из чужого села;

шарварок – 1) ист. общинная повинность крестьян – починка дорог;

2) перен. горячая пора / напряжённая работа;

щедрівка – этн. обрядовая песня в канун Нового года.

Названия одежды:

бунда – обл. род верхней одежды;

вильоти – уст. откидные рукава;

гальонка – уст. парчовая лента;

гачі – обл. полотняные (белые суконные) штаны;

розхрист – редк. (неточно) незастёгнутая часть одежды на груди;

отворот в одежде на груди;

рубатка – обл. рубашка из грубой ткани;

карсетина/керсетина/корсетина – разг. худая корсетка;

кептар – верхняя меховая одежда без рукавов у гуцолов;

кожанок – короткий кожаный полуушубок;

кожух – одежда, овчинный тулуп, реже нагольная шуба/полушубок;

кожушанка – женский тулуп, женская шуба, женский полуушубок;

куцик/куцина – род короткой верхней одежды;

лейбик – 1) мужская короткая верхняя одежда без рукавов,

2) род верхней женской одежды,

3) часть мужского костюма, надеваемая под пиджак и т.п. ;

накожні – кожаные рукавицы (обл. голицы);

ногавиці – обл. суконные штаны;

свита/свитка – крестьянская верхняя одежда из домашнего толстого сукна ~ сермяга;

синятка/синітка – род плахты;

рантух – обл. головной убор замужней женщины Галиции;

фантина – обл. какой-либо предмет одежды;

футро – обл. одежда, обычно женская короткая шуба;

футерко – женская короткая шубка;

шальон – уст. род одежды;

шлик – 1) род головного убора, опушённый мехом (неточно ~ шапка);

2) ист. конусообразный свисающий верх шапки;

шуглон – ист. род безрукавки;

юпка – 1) женская одежда – род кофты или жакета,

2) уст. мужской полукафтан в талию.

Наименование предметов домашнего обихода:

байбара – обл. длинный пастуший кнут;

бесаги – обл. перемётная сумка;

вагани – обл. уст. деревянная миска;

глек/глечик – кувшин с узким горлышком (ещё қрынка, кринка, горлач);

глиняник 1 – 1) горшок для глины, 2) яма, откуда берут глину (обл. глинище);

гайдарка – обл. пастушья палка;

галаган – обл. медный таз, обл. поплавок на воде;

драбиняк – с.-х. разг. грядчатая телега, грядистая телега;

древинянка – большое полено;

жлукт – кадка для бучения;

залубні – обл. сани с кузовом;

калія – уст. синяя краска ~ (неточно) индиго;

капиця – ремень, соединяющий две части цепи;

килим – ковёр шерстяной ручной выработки;

кінва – большая кружка, сосуд с крышкой (~ обл. жбан) ;

клокичка – обл. деревянный колокольчик;

ковганка – обл. деревянная ступка для толчения сала;

кабиця – 1) кухонный очаг, о современной печи – обычно летняя плита; 2) спец. круглая или четырехугольная яма, в которой помещается гончарная печь и т.п.;

копаниця – разг. 1) род мотыги или заступа, 2) обл. идущее на полоз выкопанное с корнем дерево (обл. копань) ;

макітра – большой глиняный горшок для кулинарных целей;

салотвка – обл. деревянная ступка для толчения сала;

ринка – разг. глиняная миска; посудина, расширенная кверху ~ плошка, обл. рынка.

Наименование лиц по роду деятельности:

вапнляр – обл. приготавливающий/возящий известь;

возний – род судебного пристава при старых судах на Украине;

волар – обл. пастух волов, воловий пастух;

ковальчук – разг. кузнечный подмастерье;

козар – пастух коз;

козоріз – мясник, режущий коз;

лановий – сущ. дорев.1) надсмотрщик за полевыми работами; 2) полевой сторож;

столярчук – подмастерье столяра;

свитник – уст. портной, шьющий крестьянскую верхнюю одежду из домашнего толстого сукна (сермяги);

самопас – обл. тот, кто пасёт свой скот отдельно, не в общем стаде;

сватач – разг. тот, кто сватается ~ жених;

стельмах – тележный/каретный мастер;
 сповитуха – уст. повивальная бабка;
 ткачук – сын ткача, подмастерье ткача;
 чабанчук – помощник чабана/овчара;
 чауш1 – турецкий царедворец;
 шафар – ист. сборщик налогов,
 шевчук – уст. сапожный подмастерье, сапожный ученик;
 бац – старший пастух/чабан;
 шафар – ист. сборщик налогов;
 щедрівник/щедрувальник – этн. тот, кто ходит «щедрувати».

Названия кулинарных изделий, напитков:

бевка – обл. пойло/похлебка из муки;
 буцик – лепёшка, жареная в масле;
 варениця/варяниця1 – лепёшка для вареника;
 глевтяк – мякиш недопечённого хлеба, недопечённый хлеб;
 вівсяник – разг. овсяный хлеб;
 калинівка – настойка на калине/ калиновая настойка;
 колотушка – кул.разг. искусственная сметана;
 куліш – род супа, обычно густого – из пшена или др. круп (обл. кулеш);
 ламанець – разг.редк. кусок хлеба;
 маківник – маковый пряник (обл. маковник);
 мантулки – обл. лакомства, сласти;
 медівник/медяник – медовый пряник;
 пундик – вкусная пища, кондитерское изделие из теста (~лакомство, печенье);
 черешнянка – разг. кушанья из черешни;
 ябchanка – кул. яблочный мусс.

В меньшей степени национальная специфика свойственна таким группам, как:

Наименования жилых построек, строений, их частей:

варcab – оконный косяк;
 винарня – уст. винный погреб(ок);
 дровітня/дривітня – 1) дровяной сарай (обл.) дровяник; 2) колода для рубки дров;
 долівка – земляной пол;
 колиба – обл.1) пастуший шалаш, 2) зимнее жилище дроворубов-гуцулов (неточно ~ хижина);
 нижница – обл.редк. нижний этаж;
 салаган – обл.1) скотобойня с салотопней;

стая – 1) обл. жилище пастухов-гуцулов на горных пастбищах.

Наименование явлений природы, животных, растений:

бурчак – журчащий ручей/поток;
 вирій – тёплые края (обл. ирий);
 глей – 1) вишнёвый/черешневый/сливовый клей;

розмай – поэз. 1) (в образном употреблении) что-либо развивающееся / распускающееся / цветущее / расцветающее; 2) (растение, обладающее колдовской силой) волшебное/приворотное зелье;
 яриця – разг.1) яровая пшеница.

Названия участков земной поверхности, обрабатываемых территорий:
 вівсище – поле, с которого снят овёс;
 капустище – место, где росла капуста;
 садовище – обл. место, где когда-то был сад;
 сіва – обл. 1) часть нивы, засеянная одним взмахом руки;
 черешник – черешневые заросли.

Наименования лиц по родству/семейной принадлежности:
 бондарівна – разг. дочь бондара/бочара/кадочника;
 бондарчук – разг. сын бондара /бочара/кадочника;
 боднарка – разг. жена боднаря/кадочника/бочара;
 бонна – женщина, частная воспитательница маленьких детей,
 преимущественно иностранка, проживающая в этой же семье;
 братова – жена брата;
 вуй/вуйко – обл. 1) дядя, а именно, брат матери в западн. обл.; 2) перен.
 медведь;
 стрий – дядя → зап. брат отца;
 вуйна – обл тетя/тётка → зап. сестра матери;
 дядина – жена дяди → тётя, тётка;
 козаченко – сын казака;
 лимаренко – разг. сын шорника;
 лимариха/лимарка – разг. жена шорника;
 лимарівна – дочь шорника;
 лісничиха – разг.1) жена лесника, 2) жена лесничего;
 мельниківна – разг. дочь мельника;
 римаренко – разг. сын шорника;
 римарівна – разг. дочь шорника;
 римарка – разг. жена шорника;
 синова – жена сына (обл. невестка);
 синовець – обл. сын брата → племянник;
 синовиця – обл. дочь брата → племянница;
 скляриха/склярка – разг. жена стекольщика;
 сотниківна – уст. дочь сотника;
 сотниченко – уст. сын сотника;
 стрий/стрик – обл. дядя по отцу;
 титариха – уст. жена ктитора;
 титарівна – дочь ктитора;
 ткаченко – уст. сын ткача;
 ткачівна – дочь ткача;
 ткачук – сын ткача, подмастерье ткача;

токаренко – разг. сын токаря;
 токарівна – разг. дочь токаря;
 чабаниха – жена чабана, овчара
 швагер – обл. 1) брат жены → шурин, 2) муж сестры → зять,
 3) брат мужа → деверь;
 швагрова – обл. 1) сестра жены → своячница,
 2) жена брата → невестка, 3) сестра мужа → золовка;
 шинкаренко – сын кабатчика;
 шинкарівна – дочь кабатчика;
 ятрівка – обл. жена мужнина брата;
 гетьманич – ист. сын гетьмана.

Весьма перспективным представляется создание специального словаря безэквивалентной лексики русского и украинского языков, полезного как в познавательных целях, так и при переводах художественных, исторических произведений. Благо, начало положено и опыт имеется. Яркий пример тому – вышедший в Воронеже в 2006 году «Англо-русский словарь безэквивалентной лексики» А.А. Манохиной и М.А. Стерниной

Безусловно, наименования русских/украинских исторических реалий нередко трудно однозначно включать в разряд безэквивалентной лексики, поскольку по отношению к украинской/русской национальным языковым культурам, которые формировались, хотя и самостоятельно, но в тесной взаимосвязи, многие из слов-реалий старины были общими для народов и, разумеется, не всегда воспринимаются современным языковым сознанием как национально-специфические.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М., Русский язык, 1999
 СУМ в 11 т. – К.: «Наукова думка», 1970.
 Русско-украинский словарь в 3-х т. – 3-е изд. – К.: Глав. ред УСЭ, 1987.
 Украинско-русский словарь в 6-ти т. – К.: АН УССР, 1958-1964.

Л.В. Смолина
 Воронежский ГТУ

Пространственная лексика как средство указания на наблюдателя

Целью данной статьи является выявление репертуара лексических средств с пространственным значением в высказываниях, где говорящий субъект выступает в роли наблюдателя, и определение их роли в указании на наблюдателя.

Многие исследователи указывают на тот факт, что проблема субъекта высказывания как основного регулирующего начала в языке не

ограничивается ролью говорящего. В частности, А.В. Кравченко в качестве категориальной основы языка называет не говорящего, а познающего, воспринимающего окружающий мир человеческого индивида (Кравченко 1993). Рассматривая наблюдателя как одно из проявлений говорящего субъекта и настаивая на системообразующей роли восприятия в языке, А.В. Кравченко полагает, что языковой антропоцентризм и антропоморфизм особенно четко проявляются в пространственных выражениях, поскольку «пространственные отношения между предметами и явлениями действительности, воспринимаемые человеком, всегда ориентированы на субъект восприятия как точку отсчета» (Кравченко 1993, с. 50). Проблема связи между выражением пространственных отношений в языке и фактором наблюдаемости события затрагивается также в работах Ю.Д. Апресяна (Апресян 1997), Е.С. Яковлевой (Яковлева 1994), Г.А. Волохиной и З.Д. Поповой (Волохина, Попова 1994), Н.Н. Болдырева (Болдырев 2000) и др.

Пространственный опыт является самым важным этапом в познавательной деятельности человека, он накладывает отпечаток на его сознание и определяет мышление, преломленное через опыт поколений. Пространство не связано с какой-либо одной формой восприятия личности. Представление о пространстве обеспечивается связностью человеческого опыта через разные типы познания. Контакт индивида с внешним миром опосредован тем, «как мы воспринимаем пространство и каким мы его видим и ощущаем» (Кубрякова 1997, с. 27). В лингвистике давно закрепилось мнение о связи субъекта высказывания с пространственными параметрами высказывания. Так, Н.Н. Болдырев считает, что «восприятие любого события, его концептуализация и представление в языке во многом определяется пространственной характеристикой данного события, т.е. выделением объектов как определенных пространственных ориентиров. При этом значительна роль самого автора высказывания (говорящего), поскольку именно он ограничивает событие и выделяет те или иные пространственные ориентиры» (Болдырев 2000, с. 212). А.В. Кравченко, анализируя систему пространственных отношений в языке, пришел к выводу о том, что многие пространственные термины носят ярко выраженный антропоморфный характер и являются базовыми для выражения таких понятий, как «горизонтальность», «вертикаль», «вмещенность», отражающих трехмерность пространства (Кравченко 1996, с. 30).

В высказываниях со значением восприятия с имплицированной семой лица были выявлены следующие виды языковых единиц с пространственным значением:

1. предложно-именные конструкции с названиями частей тела: **над головой (над головами) / под ногами (под каблуками)**. Употребление названий частей тела в качестве «пространственных координат» несет в себе прямое указание на присутствие лица в данном событии. Например, **Под ногами** похрумкивало. (Б. Екимов) Слабую, трепетную тень

отбрасывали тоненькие акации и топольки, асфальт на тротуаре податливо вминался *под каблуками...* (И. Варламова) Ласточки, должно быть брачная пара, словно родившись из мутновато-голубого неба, появились *над головами*, сверкнули белыми грудками и умчались, растаяли, оставив о себе лишь воспоминание. (В. Тендряков)

2. лексические единицы с пространственным значением, указывающие на степень близости / удаленности объекта от наблюдателя: *издалека, вдалеке, дальше / там, тут, здесь, сюда, далекий/близкий, этот / тот* и др. Таким образом, наблюдатель выступает в качестве некоей «точки отсчета», вокруг которой организуется пространство события. Например, А за деревьями *издалека* светится, как вырезанное из бумаги, снежное поле под серым пуховым одеялом. (В. Лукашевич) Только ручей *вдалеке* шелестел нескончаемо, осторожно, одним ровным звуком, и от него было еще тише. (И. Катаев) *Здесь*, под береговым откосом, росли деревья и за голыми ветвями виднелась серая вода под серым небом. (В. Лукашевич) В доме было темно. Но слабый свет все-таки проникал *сюда*. (В.Ковалевский) Звезды в *этой* стороне неба проредились, поблекли, но выше и над головой они еще горели торжественно, лучисто. (И.Катаев)

3. лексические единицы с пространственным значением, указывающие на положение объекта в горизонтальном измерении относительно наблюдателя, причем данная группа включает в себя два вида пространственных выражений – асимметричные *позади / впереди* и симметричные *слева / справа*: Всё осталось *позади*: и белые колонны, и широкие ступени, и неправдоподобно яркие канны, и освещенная статуя девушки на фронтоне... (И. Варламова) А между тем *впереди* на новый бугор, открывающийся за предыдущим, уж взбираются светлые девичьи фигурки, и девушки на сей раз словно растут из земли... (А. Ким) С высоких овечьих пастбищ спускался туман; *справа*, отчетливые среди ясной ночи, стояли ели, и звезды над ними были чистые; *слева* еловые ветви казались призрачными бесконечными ... (В. Козин)

Слова *спереди, сзади, слева, справа* однозначно указывают на точку отсчета соответствующих измерений, в роли которой выступает человек.

4. лексические единицы, указывающие на положение объекта в вертикальном измерении относительно наблюдателя: *вверху/внизу, вверх/вниз, высоко, выше* и др.: Почти непрерывно била молния, ухал гром, *вверху* во внезапно спустившихся сумерках мотались, надсадно скрипели и стонали вершины деревьев (Н. Грибачев) Дорога спускалась *вниз*. (В. Кожевников) *Высоко* в небе висело маленькое солнце. (С. Антонов) *Вверху* плыли клочья облаков. (Л. Пасенюк)

5. предложно-именные конструкции с локализующими предлогами *в, на, за, сквозь, вокруг, рядом с* и др.: *В доме* нависла цепенящая тишина. (Н. Воронов) Грузный гром грозно распорол воздух *рядом с домом*. (Н. Воронов) Ветер посвистывал *в сенях* и ухал железом *на крыше*; подрагивали оконные рамы, *сквозь стекла* не было видно ни огонька, ни звездочки на небе. (И. Меттер) А *за окнами* синеть уже начало.

(В. Кондратьев). Подобные пространственные выражения, как правило, указывают на развертывание события в рамках естественного либо замкнутого пространства.

При рассмотрении пространства, в котором находится наблюдатель, Л.А. Манерко (Манерко 2002) предлагает условное выделение двух видов пространств: естественного и замкнутого. Первая разновидность представляет собой пространство естественной локализации, это так называемое естественное (неограниченное) пространство, характеризующееся особой перспективой и размытыми границами. Данная пространственная модель соотносится в большинстве случаев с пейзажными описаниями. Описание объекта дается с позиции наблюдателя, так как именно он является воспринимающим субъектом. В подобных видах пространства наблюдатель выступает в качестве точки отсчета; пространственные ориентиры имеют, как правило, природный (ландшафтный) характер. Например, Все те же лысоватые овсяные поля шелестели за околицами, и по ним гулял серыми волнами ветер. (К. Паустовский) Млечно-голубая Катунь в отдалении просторно шла от того края неба, утихшая на мягком лоне долины. (И. Катаев) Звезды, совсем близкие и ясные, будто вымытые, роились над темными верхушками деревьев... (И. Катаев)

В приведенных примерах естественное, открытое пространство воспринимается зрением наблюдателя, описывается панорамно. Большинство пространственных ориентиров носит природный характер (поля, небо, долина, звезды, верхушки деревьев, дорога) либо является естественными ориентирами для человека-жителя какого-либо населенного пункта (околица, окраина, улица). В описании данного вида пространства нередко присутствует движение, выраженное либо с помощью глаголов движения, либо указанием на направление взгляда. Движение всегда присутствует в каждом событии (в данном случае в событии восприятия), оно объединяет разные месторасположения объектов. При этом наблюдатель может как оставаться в одной точке (статичный наблюдатель), так и двигаться по описываемой траектории.

Второй вид пространства наблюдателя можно определить как замкнутое пространство. Оно характеризуется наличием четких границ, совпадающих с границами помещений. Это пространство субъективно, оно создается самим человеком и поэтому часто является отражением его характера, уклада жизни, мировоззрения. Человек является центральным элементом всей системы, но закрытое пространство не противопоставляется ему. Приведем несколько примеров: В комнате, до боли в глазах ярко освещенной стосвечевой лампой, пахло медикаментами. В шкафчике за стеклом блестели пузырьки и никелированные коробочки. Вдоль стены – белая широкая медицинская скамья. (В. Тендряков) Утром на потолке против окна, точно фонарь, зажглось крупное солнечное пятно, перерезанное крестообразной тенью рамы. Оно медленно поползло по стене вниз, осветило ходики, календарь, сморщилось на складках ситцевой

занавески и наконец овальным блюдом легло на кухонный стол. (С. Никитин)

Из приведенных высказываний очевидно, что описание объектов дается с позиции наблюдателя, причем пространственные ориентиры (комната, окна, стена, скамья, потолок, стол и т.д.) несут определенную информацию о жизненном пространстве наблюдателя. Следует также отметить, что в данном виде пространства кроме базовых пространственных измерений горизонтального и вертикального типа важным является понятие «вмешенности».

Подобное деление на виды пространств позволяет провести более подробный анализ информации о наблюдателе, сообщаемой пространственными выражениями, а также учитывает не только знания о пространственно-предметных отношениях, но и внутренний мир героев, их социальный и эмоциональный опыт в рамках исследования художественного произведения.

Особенностью высказываний со значением восприятия при отсутствии знаков лица является сочетание пространственных выражений с другими средствами указания на наблюдателя, в частности с лексическими единицами, относящимися к полю физического восприятия. Это, прежде всего, непосредственно лексемы со значением зрительного и слухового восприятия (*слышать, слышаться, видно*), например, Сквозь стекло видно, как навстречу, словно медлительная ленивая река, течет дорога (В. Тендряков) На улице слышался говор (Б. Екимов), а также лексика, опосредованно указывающая на ситуацию зрительного или слухового восприятия: В доме нависла цепенящая тишина (Н. Воронов) Свет молнии упал на дорогу (Н. Воронов) Смутно чернела внизу щетина нагорных лесов, холодным духом сырости, древесной гнили, кислинкой березового листа тянуло оттуда (И. Катаев) Лексемы *тишина, свет, чернеть* содержат семы, указывающие на наличие лица, субъекта, способного воспринимать посредством органов чувств определенные характеристики окружающих объектов.

Это явление З.Д. Попова объясняет тем, что глаголы зрения и звучания включают в своё содержания идею перемещения: «... перемещение взгляда и распространение звуковых волн в пространстве – эти компоненты заключены в содержании глаголов зрения и звучания» (Попова 1971). Значение пространственных форм в рассмотренных случаях должно быть признано специализированным: пространственные координаты перемещения взгляда и звука. Отсюда следует, что пространственные выражения выполняют дополнительную к лексике со значением физического восприятия функцию указания на наблюдателя.

Таким образом, анализ лексических единиц с пространственным значением в ситуации восприятия позволяет нам сделать следующие выводы. В большинстве случаев пространственные выражения употребляются в сочетании с другими средствами указания на наблюдателя (лексическими единицами, входящими в состав поля

физического восприятия), что указывает на принадлежность данных выражений к периферии средств указания на наблюдателя. Пространственные выражения уточняют и конкретизируют информацию о субъекте-наблюдателе, хотя при этом в высказываниях со значением восприятия преобладает интенция «изобразительность» по сравнению с интенцией «информационность». Информация о предметно-пространственных отношениях позволяет говорить о двух видах пространств наблюдателя – естественном и замкнутом, для каждого из которых характерны определенные виды пространственных ориентиров. Наблюдатель при этом выступает в качестве точки отсчета пространственных отношений в рамках относительной пространственной ориентации.

Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. – Вып. 35. – М.: «Русские словари», 1997. – С. 272-298.

Болдырев Н.Н. Отражение пространства деятеля и пространства наблюдателя в высказывании // Логический анализ языка. Языки пространств. – М., 2000. – 448 с.

Волохина Г.А., Попова З.Д. Русские приставочные глаголы и их значения: Уч. пособие для практ. занятий. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1994. – 152 с.

Диброва Е.И. Пространство текста в композиционном членении // Структура и семантика художественного текста: Доклады 7-ой международной конференции. – М., 1999.

Кравченко А.В. К проблеме наблюдателя как системообразующего фактора в языке // Известия АН. Сер. Литература и язык. – 1993. – т. 52. – №3. – С. 45-55.

Кравченко А.В. Язык и восприятие: Когнитивные аспекты языковой категоризации. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1996 – 160 с.

Кубрякова Е.С. Язык пространства и пространство языка (к постановке проблемы) // Известия АН. Сер. Литература и язык. – 1997. – т. 56. – №3. – С. 22-31.

Манерко Л.А. Концептуальная модель пространственного дискурса // С любовью к языку: Сб. науч. трудов. Посвящается Е.С. Кубряковой. – Москва – Воронеж: ИЯ РАН, Воронежский государственный университет, 2002. – 492 с.

Попова З.Д. Употребление падежных и предложно-падежных форм в современном русском литературном языке: Уч. пособие. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1971. – 74 с.

Ченки А. Современные когнитивные подходы к семантике: сходства и различия в теориях и целях // ВЯ. – 1996. – №2.

Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). – М.: Изд-во «Гнозис», 1994. – 344 с.

Семантическая структура идиомы

Семантическая устойчивость, выражающаяся в осложненности семантической структуры различных типов фразеологических единиц, проявляется в них по-разному. Осложненность семантической структуры фразеологизмов выражается, в частности, в различных типах переосмыслиния значения. Анализ этих типов важен для понимания связи плана выражения идиом с их функциями и взаимовлияния аспектов фразеологического значения, отражающегося в специфике употребления этих оборотов в речи.

Для идиом характерно переосмыщенное значение. Определение термина (переосмыщенное значение) представляет, однако, значительные трудности.

В сфере фразеологии проблема еще более запутана, чем в лексике, вследствие сложности семантической структуры фразеологических единиц (простое и сложное переосмысление), структурного разнообразия прототипов фразеологизмов, высокого удельного веса коннотации в структуре фразеологического значения. При анализе переосмыслиния важно учитывать характер прототипа фразеологизма, в том числе и экстралингвистические факторы, предшествующие появлению фразеологической единицы.

В идиомах семантическая устойчивость выражается в полном или частичном переосмыслинии. Семантическая устойчивость устанавливается путем наложения значения идиомы на буквальное значение ее компонентов, например, *in one fell swoop* - to do a lot of things at the same time. Ни слово *swoop*, ни слово *fell* не фигурируют в definicции. Это доказывает полное переосмыслиние оборота. При частичном переосмыслинии компонент с буквальным значением может входить в состав definicции, например, *to think on one's feet* - to think of ideas quickly, without preparing in advance.

Языковое сознание

М.Е. Новицхина
Воронежский ИПКиПРО

Ассоциативное соответствие и информативность в языковом сознании: соотношение понятий (на примере слов-комерческих названий)

В работе изучается так называемая коммерческая номинация, т.е. слова-названия магазинов, фирм, товаров и т.п. (например, магазин «Все для дома», фирма «Феникс»).

Важными характеристиками коммерческой номинации оказываются *информационность* номинации и ее *ассоциативное соответствие*. В данной работе предпринимается попытка установить соотношение между названными понятиями.

Информативность коммерческой номинации, иными словами, прозрачность номинации – это фиксирование языковым сознанием связи между признаками денотата и названием; она может быть определена в ходе экспериментальных опросов испытуемых типа «Как вы думаете, что можно приобрести в магазине с названием.....?» (т.н. метод определения субъективных ожиданий). Данные о степени информативности слова-названия дают также результаты применения метода субъективных дефиниций. Бессспорно, самой высокой степенью информативности обладает прямая номинация (например, магазин «Ткани», магазин «Молоко» и др.). Наименее информативными оказываются номинации, при которых объекты обозначаются цифрами, буквами, даже если эти обозначения отражают порядок номинатов в хронологическом, пространственном, престижном или каком-нибудь ином отношении.

Ассоциативное соответствие – это наличие ассоциаций, которые раскрывают компоненты содержания коммерческой номинации. Ассоциативное соответствие определяется в ходе ассоциативного эксперимента со словами – коммерческими названиями. В ряде случаев возникающие ассоциации определенным образом связаны с предлагаемой продукцией, в других таких связей не прослеживается, и анализируемые названия вряд ли могут считаться ассоциативно соответствующими. Таким образом, ассоциативно соответствующие названия – это названия, формирующие адекватные ассоциации в сознании носителя языка. Определенную информацию об ассоциативном соответствии дают также результаты применения метода определения зрительных образов.

Результаты проведенных экспериментов (ассоциативного эксперимента и эксперимента по определению субъективных ожиданий) в целом вполне согласуются друг с другом. Именно те коммерческие наименования, которые вызывают наибольшие затруднения в ассоциативном

эксперименте, дают наибольшее количество отказов или нечеткие, «размытые», ответы при определении субъективных ожиданий носителей языка. Однако некоторые из названий (например, «Юлия»), будучи неинформативными, тем не менее, характеризуется высокой степенью ассоциативного соответствия. Это позволяет утверждать, что понятия ассоциативного соответствия и информативности являются коррелирующими, но не тождественными.

Ж.И. Фридман
Воронежский ГУ

К вопросу о видах значения слова (на примере анализа значений слова «труд»)

В научной литературе до сих пор нет четкого мнения о том, сколько видов значения слова существует. Многие психолингвисты выделяют три вида значений:

1. Языковое значение (вербальное, знаковое, символическое) – формируется на «чувственной базе языка как системы специфических квазиобъектов (знаков)». Здесь значение спроектировано на слово или другой знак, «приписано ему». Это позволяет не только отделить само значение от конкретной ситуации, но и совершать с ним операции как с «внешней» данностью;

2. Предметное значение – существует на чувственной базе перцептивного образа. В отличии от языкового, предметное значение предполагает обязательное присутствие реального предмета в действительности или воображаемой форме.

3. Ролевое значение – существует на чувственной базе компонентов самой действительности (например, социальные нормы и социальные роли) (Психолингвистические проблемы семантики 1983, с. 11).

И.А. Стернин считает, что целесообразно говорить о двух типах лексического значения слова (Стернин 2005). Первое значение, называемое в лингвистике системным, фиксируется в словарях и формулируется лексикографами в соответствии с принципом редукционизма, то есть минимизации признаков, включаемых в значение. Исследователь предлагает назвать такое значение лексикографическим, поскольку оно сформулировано (смоделировано) специально для представления слова в словарях.

Лексикографы априори исходят из того, что именно в данном семантическом объеме понимают и употребляют это слово большинство носителей языка. Однако психолингвистические эксперименты со словом доказывают, что это далеко не так. Лексикографическое значение в большинстве случаев оказывается недостаточным для описания реального функционирования слова в речи, оно всегда оказывается меньше по

объему реального значения, существующего в сознании носителей языка. Многие признаки реально функционирующего значения слова не отражены в словарных толкованиях. Поэтому следует говорить о существовании еще психологически реального значения слова.

Под психологически реальным значением слова мы понимаем «упорядоченное единство всех семантических компонентов, которые реально связаны с данной звуковой оболочкой в сознании носителей языка. Это тот объем семантических компонентов, который актуализирует изолированно взятое слово в сознании носителей языка, в единстве всех образующих его семантических признаков – более и менее ярких, ядерных и периферийных. Психологически реальное значение структурировано по полевому принципу, а образующие его компоненты образуют иерархию по яркости» (Стернин 2005, с. 5).

В данной статье исследуется психологически реальное значение слова «труд». Исследование проводилось в несколько этапов. На первом этапе был проведен свободный ассоциативный эксперимент с исследуемым словом. Результаты этого эксперимента послужили основой для моделирования значения слова в языковом сознании (подробнее методику исследования см.: Фридман 2005а, 2005 б).

ТРУД

(820 ии; 8 отказов)

Значение слова в толковых словарях:

1. Целесообразная деятельность человека, направленная на создание с помощью орудий производства материальных и духовных ценностей (*Необходимо поднять производительность труда*).
2. Работа, занятие (*Ему до сих пор не заплатили за труд*).
3. Усилие, направленное к достижению чего-нибудь (*Матери стоило большого труда уговорить ребенка выпить лекарство*).
4. Результат деятельности, работы, произведение (*Это труд всей моей жизни*).
5. Привитие умений и навыков в какой-нибудь профессиональной, хозяйственной деятельности как предмет школьного преподавания (*Ученик получил «двойку» по труду*).

Психологически реальное значение:

1. (747 ии) **Работа**

(Он занимается умственным трудом)

Работа 293, работа над собой, ремесло, спорт 1; целью является получение денег 44, удовольствия 9, обретение силы 5, самовыражение 4, создание благополучия 3, выработка адреналина, движение, получение вознаграждения, выживание 2, достижение чего-либо, достижение успеха, обретение независимости, отдача 1; выражается в форме физической 36, интеллектуальной 13, творческой 2, экономической 1 работы; субъектом

выступает обезьяна, пахарь, рабочий, человек 3, лошадь, люди, юрист 2, бабушка, бизнесмен (кейс), Золушка, комбайнер, крестьянка, муж, муравей, работник, рабы, шахтер 1; осуществляется с помощью лопаты 34, молота, серпа и молота, рук 3, косы, мотыги, ножниц 1; необходимыми качествами для ее осуществления являются трудолюбие 4, упорство 3, ответственность, уверенность 2, работоспособность, серьезность, собранность, сосредоточенность, старание 1; ее осуществлению мешает лень 11; требует времена, напряжения 5; дает возможность заработать на хлеб 3; осуществляется в рабочее время 1; противоположным понятием выступает безработица 2, безделье 1; оценивается негативно 82, позитивно 76; вызывает гордость,уважение 2; вызывает образ мая 29, Ленина, лозунга «Мир, труд, май» 2, демонстрации, К. Маркса, композиции Мухиной «Рабочий и колхозница», красного знамени, мира 1.

2. (30 ии) Целесообразная деятельность человека

(Общественное разделение труда было очень важным шагом вперед)

3. (10 ии) Усилие, направленное к достижению чего-либо

(Пожалуйста, возьми на себя труд выполнить то, о чем тебя попросили)

4. (6 ии) Имя собственное

(Ты читал мою статью в последнем выпуске «Труда»?)

5. (6 ии) Предмет школьного образования

(Завтра у нас первым уроком стоит труд)

6. (4 ии) Произведение искусства

(Она все-таки дописала свой труд и осенью опубликовала его)

7. (2 ии) Результат деятельности

(Я хочу вам показать мой ночной труд)

Полевая стратификация семантиды
Ядро

Работа - 91%

(Он занимается умственным трудом)

Ближняя периферия

отсутствует

Дальняя периферия

Целесообразная деятельность человека – 3,7%

(Общественное разделение труда было очень важным шагом вперед)

Крайняя периферия

Усилие, направленное к достижению чего-либо – 1,2%

(Пожалуйста, возьми на себя труд выполнить то, о чем тебя попросили)

Имя собственное – 0,7%

(Ты читал мою статью в последнем выпуске «Труда»?)

Предмет школьного образования – 0,7%

(Завтра у нас первым уроком стоит труд)

Произведение искусства – 0,5%

(Она все-таки дописала свой труд и осенью опубликовала его)

Результат деятельности – 0,2%

(Я хочу вам показать мой ночной труд)

Обращает на себя внимание примерно равная яркость пяти сем, составляющих крайнюю периферию слова, что делает эти значения примерно равнозначными в структуре семантемы.

Полевая стратификация семем

(747 ии) Работа

(Он занимается умственным трудом)

Ядро: работа 39,2%;

Ближняя периферия: оценивается негативно 11%, позитивно 10,2%; целью является получение денег 5,9%; выражается в форме физической 4,8% работы; осуществляется с помощью лопаты 4,5%; вызывает образ мая 3,9%;

Дальняя периферия: выражается в форме интеллектуальной 1,7%, творческой 0,3% работы; ее осуществлению мешает лень 1,5%; целью является получение удовольствия 1,2%, обретение силы 0,7%, самовыражение 0,5%, создание благополучия 0,4%, выработка адреналина, движение, получение вознаграждения, выживание 0,3%; требует времена, напряжения 0,7%; необходимыми качествами для ее осуществления являются трудолюбие 0,5%, упорство 0,4%, ответственность, уверенность 0,3%; субъектом выступает обезьяна, пахарь, рабочий, человек 0,4%, лошадь, люди, юрист 0,3%; осуществляется с помощью молота, серпа и молота, рук 0,4%; дает возможность заработать на хлеб 0,4%; противоположным понятием выступает безработица 0,3%; вызывает гордость, уважение 0,3%; вызывает образ Ленина, лозунга «Мир, труд, май» 0,3%;

Крайняя периферия: работа над собой, ремесло, спорт; целью является достижение чего-либо, достижение успеха, обретение независимости, отдача; выражается в форме экономической работы; субъектом выступает бабушка, бизнесмен (кейс), Золушка, комбайнер, крестьянка, муж, муравей, работник, рабы, шахтер; осуществляется с помощью косы, мотыги, ножниц; необходимыми качествами для ее осуществления являются работоспособность, серьезность, собранность, сосредоточенность, старание; осуществляется в рабочее время; противоположным понятием выступает безделье; вызывает образ демонстрации, К. Маркса, композиции Мухиной «Рабочий и колхозница», красного знамени, мира 0,1%.

Полевая стратификация остальных семем невозможна из-за малочисленности семного состава.

Проведенное исследование показало, что лексикографическое и психологически реальное значения слова не всегда совпадают. Так, толковые словари выделяют 5 значений слова «труд», а в языковом сознании обнаружено 7 значений. Такая сема, как «имя собственное» не отмечена в толковых словарях, но существует в психологически реальном значении. В то же время, толковые словари не разделяют семемы «результат деятельности» и «произведение», а для языкового сознания каждая из этих семем является самостоятельной.

Обращает на себя внимание и иерархия значений. В толковых словарях в качестве первого отмечается значение «целесообразная деятельность человека, направленная на создание с помощью орудий производства материальных и духовных ценностей», на втором месте стоит значение «работа, занятие». В языковом сознании иерархия значений представлена по-другому: наиболее частотным является сема «работа», а значение «целесообразная деятельность человека» занимает второе место по яркости.

Следует отметить и тот факт, что ближняя периферия в семантике слова «труд» отсутствует, а крайняя представлена пятью семами.

Психолингвистические проблемы семантики / Отв. ред. А.А. Леонтьев, А.М. Шахнарович. – М.: Наука, 1983. – 285 с.

Стернин И.А. Концепт и значение: какому виду сознания они принадлежат? // Язык и национальное сознание. Вып.7. / Науч. ред. И.А. Стернин. – Воронеж: Изд-во «Истоки», 2005. – С. 4-10.

Фридман Ж.И. Методика выявления психологически реального значения слова (на примере слов «семья» и «наказание») // Человек в информационном пространстве: Материалы международной научно-практической конференции (Ярославль, 20-22 ноября 2004 г.) Вып. 4. – Воронеж- Ярославль: «Истоки», 2005а. – С. 97-100.

Фридман Ж.И. Методы исследования психологически реального значения слова (на примере социально-психологической лексики) // Язык и национальное сознание. Вып. 7. – Воронеж: «Истоки», 2005б. – С. 23-27.

Л.В. Адонина
г. Севастополь

Ассоциативные поля в русском языковом сознании: гендерный аспект

Интерес к ассоциативному эксперименту как средству доступа к образам языкового сознания и ментальных структур языковой личности существует в лингвистике давно. Выявление и описание традиционно сложившихся моделей ассоциативного поведения с точки зрения специфики реализации

и существования этих моделей является, по мнению современных ученых, основанием для понимания природы когнитивной структуры языка человека.

Для изучения ассоциативных полей в гендерном аспекте нами использованы результаты свободного ассоциативного эксперимента, проведенного в городе Анжеро-Судженске Кемеровской области в 1997-2005 гг. В качестве слов-стимулов взяты 15 слов, входящих в ядро ассоциативного сознания человека (Уфимцева) и 15 слов, относящихся к периферии языкового сознания. Всего опрошено более 3 тысяч человек разных возрастных и социальных групп. Получено около 30000 слов-реакций.

Результаты, полученные при сопоставлении мужских и женских ассоциативных полей показали, что мужчины и женщины владеют одним языком, который имеет собственные варианты проявления, связанные с гендерной окрашенностью. АП показывают наличие одинаковых жизненных установок, единых национальных ценностей у мужчин и женщин, независящих от социальных изменений в жизни страны и общества. Однако существующие тысячелетия отношения между мужчинами и женщинами, социальные требования, предъявляемые обществом к каждому из них, не могли не отразиться на их взглядах на мир, на формировании мужской и женской ассоциативной картины мира.

Сравнение АП показывает, что в женском поле при равном количестве реакций количество экспонентов выше, чем в мужском. Женские реакции более разнообразны. Расчет коэффициента ранговой корреляции Спирмена (+0,618), подтверждает положительную корреляцию (более 60%) и однородность мужского и женского ассоциативных полей. Исключением являются лишь те случаи, когда определенные показатели являются для мужчин более значимыми.

Так, мужское АП на слово-стимул *техника* имеет более разветвленную структуру, чем женское, что является вполне закономерным: ни одной женщине не пришли в голову реакции *фрезильно-точильный станок, скребковый аппарат, 93-й бензин, пора масло менять, либо ключ на 10*. Непредвиденными были и разнообразные мужские реакции на слово-стимул *косметика: пилинг, лифтинг, жожоба, протеины, Мэри Кей, тоник, основа для макияжа, отдушка и т.д.*, к косметике также были отнесены *пилка для ногтей, колготки с лайкрой, пирсинг и стринги*. Особое внимание было уделено автокосметике и косметике для мужчин.

Квантитативная организация мужского и женского ассоциативных полей показала компактность и концентрированность мужского поля (66% – ядерные реакции, 34% – периферийные), женское является более размытым и объемным (44% – ядерная зона, 56% – периферийная). Различия в ассоциировании чаще наблюдаются на периферии АП. Словостимулы, относящиеся к ядру языкового сознания русских, дают меньшее разнообразие АП, чем слова, относящиеся к периферии. Сходство мужских и женских реакций на слово-стимул определяется идентичной ранговой

глубиной ассоциативных полей, однако большая часть массива ядерных реакций являются несопоставимыми по значимости.

Вероятностно-количественные показатели свидетельствуют о разной психологической яркости слов-ассоциатов, входящих в ядерную зону ассоциативных полей. Например, реакция *уют* на слово *дом* присутствует в ядерной зоне АП мужчин и женщин, но для мужчин эта отличительная особенность собственного дома в два раза важнее, чем для женщин.

Сравнение реакций ядерной зоны мужских и женских ассоциативных полей на слово-стимул «Я» показывает, что самоидентификация мужчин и женщин имеет сходства и отличия, обусловленные половой принадлежностью реципиентов. Единым для мужчин и женщин является осознание собственной человеческой природы и собственной индивидуальности. Различия связаны с определением и осознанием собственного предназначения в жизни и первостепенных ролей, связанных с половой принадлежностью, закрепленных в общественном и индивидуальным сознанием. Так, для женщины важна половая самоидентификация – женщина и выполнение главных ролей в семье и доме – мать, жена, хозяйка, для мужчины – признание себя человеком, личностью, другом и этническая идентификация – русский.

Основание предположить существование гендерных отличий в ассоциировании мужчин и женщин дает и распределение ЛСГ в ассоциативных полях: женское АП имеет более разнообразный лексический состав. Распределение ЛСГ в ассоциативных полях дает основание предположить существование гендерных отличий в ассоциировании мужчин и женщин – женское АП имеет более разнообразный лексический состав. Соотношение частеречного состава ассоциативных полей слова-стимула МЫ в процентном соотношении показывает существующие отличия: в мужском АП количество существительных – 65,58% и прилагательных 10,4% выше, чем в женском (55,57% и 2,3% соответственно), в то время как количество причастий 1,56% и наречий 10,66% существенно ниже (в женском – 4,27% и 19,41%). Наблюдаемые отличия в использовании мужчинами и женщинами глаголов, числительных, частиц и междометий не представляются существенными.

Особых отличий нами не выявлено и в стратегии реагирования. Исследование типов ассоциативных связей слова – стимула и слов – реакций показало, что в мужском и женском АП преобладают грамматические (1-е место) и семантические реакции (2-е место). АП имеет высокую степень грамматикализации, что приближает его к тексту, следовательно, делая репрезентативным с точки зрения познавательного опыта языковой личности, который выражается в тексте с помощью грамматических связей. На третьем месте по численности в АП находятся прагматические (эмоционально-оценочные) реакции, на четвертом – собственно тезаурусные реакции.

Часто гендерные отличия присутствуют в группе прецедентных реакций. Мужчины чаще используют в качестве реакций готовые

словосочетания, легче оперируют прецедентными текстами художественной литературы, национальным и интернациональным ономастиконом, крылатыми словами и выражениями, что подтверждает наше наблюдение о хранении информации в мужском сознании в виде готовых стандартных речевых оборотов и штампов.

Мужчины в своих реакциях чаще используют генерализованные высказывания, имеющие культурную традицию. Например, на слово-стимул женщина: пол – это *судьба, друг человека, курица – не птица, агентство ОБДС* (одна баба другой сказала), я *свою Наталью узнаю по талии – где пошире талия, там моя Наталья, бабьим умом сильна* и т.д.

В целом же различия в ассоциировании мужчин и женщин не являются кардинальными. Большее разнообразие дает сравнение АП разных возрастных и социальных групп. Например, ассоциативные поля мужчин и женщин, имеющих среднее образование, резко отличаются от АП с высшим образованием как по наличию реакций – инвектив, так и более категоричных, резких оценок. Так 33% реакций женщин первой группы на слово-стимул *мужчина* составила реакция *козел*, 18% – *алкаш*. Представительницы второй группы не позволили себе таких резких выпадов в сторону мужчин, выразив общее недовольство мужским населением более лояльно: пьющий – 4,3%, безответственный – 2,6%, ненадежный – 1,9%.

Подобная ситуация наблюдалась при анализе ассоциативного поля женщина, когда различия в ассоциировании дал возрастной показатель реципиентов-мужчин. Представители сильной половины человечества чаще давали нелицеприятные характеристики противоположному полу в возрасте 17-19 лет – лягушка, соска, шалава, шлюха и т.д. Доля подобных реакций достаточно высока – 7,8%. В остальных возрастных группах доля подобных мужских ассоциаций колеблется от 0,8% до 1,9%.

Проведенные исследования показывают, что свободный ассоциативный эксперимент представляет собой новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности и образов сознания человека в гендерном аспекте. Результаты, полученные при сопоставлении мужских и женских ассоциативных полей подтверждают существование сходств и отличий «мужской» и «женской» картин мира, но не подтверждают существование в языке гендерлекта. Мужчины и женщины владеют одним языком, который имеет собственные варианты проявления, связанные с гендерной окрашенностью.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М., 1987.

Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж, 2002.

Уфимцева Н.В. Доминанты образа мира современных русских // XVII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации «Языковое сознание и образ мира». – М., 1997. – С. 157-158.

Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии. – Воронеж, 2002.

М.С. Досимова
Астраханский ГУ

Концепт «ЖЕНЩИНА» в русских паремиях

Пословицы и поговорки тысячелетиями накапливаются и передаются из поколения в поколение, заключая в себе опыт, мысли людей, их отношение к каким-либо предметам или явлениям и т.д. Паремии отражают историю, мировоззрение, менталитет, быт, культуру того или иного народа.

В данной статье в центре нашего внимания пословицы и поговорки русского народа, характеризующие концепт «ЖЕНЩИНА», источником материала послужили сборники «Пословицы русского народа» В. Даля и «Русские пословицы и поговорки» под ред. В.П. Аникина. Анализ этих пословиц и поговорок позволяет выявить отношение носителей русского языка к женщине.

Представленный паремиологический материал позволяет условно выделить несколько групп, которые отражают положение и роль женщины:

- женщина как лицо женского пола;
- женщина-жена;
- женщина-мать.

Женщина как лицо женского пола

В следующих пословицах содержатся различные мнения о женщине, здесь учитывается возрастной фактор, семейное положение, а также черты характера и поведение, присущие женщинам. Это отражено в следующих признаках:

«женина-красавица». Красна девка в хороводе, что маков цвет в огороде.

«женская красота и молодость невечные». Бабий век – сорок лет. Девичья краса до возрасту, молодичья до веку. Какова ни будь красна девка, а придет пора – выцветет.

«женина молодая и привлекательная только до замужества. Семейные заботы губят женскую красоту». Девка красна до замужества. Красуйся, краса, пока вдоль спины коса: под повойник попадет, – краса пропадет. (Повойник (повой, повоец) – старинный русский будничный головной убор замужних женщин).

«женина слезливая, плаксивая, эмоциональная, не умеет сдерживать чувства». Баба слезами беде помогает. Женский обычай – слезами беде помогать. Без плачу у бабы дело не спорится. Бабы слезы, чем больше унимать, тем хуже.

«женицина капризная, прихотливая». На женские прихоти (причуды) не напасешься. Женских прихотей не перечтешь.

«женицина непостоянная, изменчивая, непредсказуемая». У бабы семь пятниц на неделе. У бабы семьдесят две увертки в день. Перекати-поле – бабий ум. Баба с печи летит – семьдесят семь дум передумает. Бабий ум – бабье коромысло: и криво, и зарубисто, и на оба конца. Девичьи думы изменчивы. Женские умы – что татарские сумы (переметны). Меж бабьим да и нет не проденешь иголки.

«женицине свойственно догадки строить». Бабушка еще надвое сказала: либо дождь, либо снег, либо будет, либо нет. Женские немохи (болести) догадки лечат. Девка ничего не знает, а все разумеет.

«женицина упрямая, своюнравная». Бела, румяна, да нравом упрямая. На женский нрав не угодишь. На бабий норов нет угадчика. Еще тот и не родился, кто бы бабий норов узнал. Жена мужа не бьет, а под свой нрав ведет.

«женицина сварливая, вспыльчивая, истеричная, крикливая, скандалная». Рассердилась баба на мужика, и все горшки побила. Баба, что глиняный горшок: вынь из печи, он пуще шипит. Бабий язык, куда ни завались, достанет. Бабий кадык не заткнешь ни пирогом, ни рукавицей. Лучше раздразнить собаку, нежели бабу.

«женицина – баба базарная. Женские сборы отличаются суетой, хаотичностью, неразберихой, кутерьмой, шумом и гамом». Бабы сборы – гусиный век. Где баба, там рынок; где две, там базар. Курица гогочет, а петух молчит. Где две бабы, там суем (сейм, сходка), а где три, там содом. (Содом и Гоморра, в библейской мифологии два города, жители которых погрязли в распутстве. Перен. – беспорядок, хаос, разврат.)

«женицины не ладят друг с другом, и ужиться не могут». Семь топоров вместе лежат, а две прялки врознь. Две косы и рядом, и в кучке, а две прялки – никак.

«женицина – болтушка, говорливая и словоохотливая. У нее всегда есть, что ответить». Женщина без разговора – что двор без забора. С бабой не сковориши. Бабу не переговориши. За бабой покидай последнее словцо. Волос долог, а язык длинней. Однако ее болтливость может доставить неприятности мужу. – С болтливой женой хлопот не оберешься.

«женицина хитрая, пронырливая, лукавая, коварная». Баба и черта перехитрит. Нет в лесу столько поворток, сколько у бабы уверток.

«женицина лицемерная, льстивая». Женская лесть без зубов, а с костьми склонет. Жена льстит – лихо мыслит. Жена ублажает – лихое замышляет.

«женицина лживая, притворная, обманчивая». Бабья вранья и на свинье не объедешь. Кто бабе поверит, трех дней не проживет.

«женицина глупая, недалекая, тупая». Бабе хоть кол на голове теши. Волос долог, да ум короток. Добрая кума живет и без ума.

Таким образом, в русских паремиях отражается как восхищение женщиной, ее красотой, так и неблагосклонное отношение к ее поведению и манерам, неординарности женского ума.

Женщина-жена

Немаловажное значение в русских паремиях уделяется женщине в роли жены, супруги. И здесь, несомненно, рассматриваются взаимоотношения между мужчиной и женщиной, между мужем и женой. Как правило, женщина-жена характеризуется с мужской точки зрения, т.е. в большинстве пословиц и поговорок отражается мужской взгляд на женщину, жену, на то, какая она и какой ей следует быть, какое она имеет значение. Хотя необходимо заметить, что в русской паремиологии содержатся примеры, в которых описаны представления женщин об этой роли. Эти требования к женщине-жене заключены в нижеперечисленных признаках:

«*добрая, хорошая жена. Она радость и гордость мужа. Взять добрую жену значит быть счастливым в браке*». Добрую жену взять – ни скуки, ни горя не знать. С доброй женой горе – полгоря, а радость вдвойне. Добрая жена да жирные щи – другого добра не ищи.

«*женщина – хозяйка. Все домашние дела на ней. Она и кормит, и одевает, и о семейном бюджете заботится. С нею и уют в доме, и семейное благополучие от нее зависит*». Хозяйкой дом стоит. Бабка с кашкой, да дед с ложкой. Баба прядет – не по две рубахи носит, а мужик не прядет, да не наг ходит. Муж возом не навозит, что жена горшком носит. Не та хозяйка, которая красно говорит, а та, которая щи хорошо варит. Хозяйка лежит – и все лежит; хозяйка на ногах – и все на ногах. Хозяюшкой ведется – изба, веником метется.

Аналогичный признак «*женская доля – дом и домашние дела*» представлен в таких пословицах и поговорках: Бабе дорога – от печи до порога. Доброй жене домоседство не мука. Кошка да баба всегда в избе, а мужик да собака всегда на дворе.

«*женщина должна быть умной, должна уметь принимать верные решения. Умная жена все сбережет*». Красавица без ума – что кошелек без денег. Женский ум лучше всяких дум. Без мужа, что без головы, без жены, что без ума. Умная жена, как нищему сумма. На красивую жену глядеть хорошо, а с умной жить хорошо.

«*женщина должна быть послушной женой. Она должна уважать и почитать мужа, быть ему доброй, хорошей женой*». Жена мужа почитай, как крест на голове. Муж жене отец, жена мужу венец. Жена мужу пластирь, муж жене пастырь.

«*жене нельзя волю давать, ее надо держать в ежовых рукавицах. Своевольная, вольнолюбивая жена непредсказуема и безрассудна. Она может быть изменницей*». Жене спускать, так в чужих домах ее искать. Жена без грозы – хуже козы. Кто жене волю дает, тот сам себя обкрадывает. Воля и добрую жену портит.

«*женщина не может управлять мужем*». Не петь куре петухом, не владеть бабе мужиком.

«жена должна быть здоровой». Больная жена мужу не мила. На что корова, была бы жена здорова. Худо мужу тому, у которого жена больная в дому.

В некоторых пословицах и поговорках проявляются признаки, описывающие значение супружеских отношений:

«жена – вторая половина, неотъемлемая часть». Муж без жены – что гусь без воды.

«без женщины мужчина склонен совершать безрассудные поступки». Муж без жены – что конь без узды.

Однако, отмечается, что «жена и семья – большая ответственность для мужчины, потому к вступлению в брак необходимо отнестись с полной серьезностью, обдуманно». Жена не гусли: поиграв, на стенку не повесишь. Жена не коза, травой кормить не будешь. Жена не рукавица – за пояс не заткнешь, с белой ручки не стряхнешь.

В следующей пословице выражена мысль, что «своя жена всегда плохая для мужа»: Чужая жена – лебедушка, а своя – полынь горькая.

Однако в другой пословице отмечается, что «плохое мнение о жене складывается у плохого мужа». У плохого мужа жена всегда дура.

Совершенно противоположные друг другу суждения о жене и муже высказываются в следующих паремиях: Каков Ананья, такова у него и Маланья. / Какова жена, таков и муж.

Предвзятое отношение складывается к «красивой жене». Она представлена как женщина, необделенная мужским вниманием, и потому, вероятно, склонная к изменам. – Жена красавица – безочному (слепому) радость. Глупому мужу красная жена дороже красного яйца.

Ряд паремий отражает негативное отношение к женщине:

«женщина всегда во всем виновата. Она причина всех бед и несчастий». У мужа (перед мужем) жена всегда виновата. От нашего ребра нам не ждать добра. Баба бредит, а черт ей верит. Баба да бес – один у них вес. Куда черт не поспеет, туда бабу пошлет.

Уничтожительное отношение к женщине («женщина – не человек») репрезентируется в следующих пословицах и поговорках: Курица не птица, а баба не человек. Курице не быть петухом, а бабе мужиком. Я думал, идут двое, ан мужик с бабой.

В свою очередь женщина считает, что в супружеских отношениях для нее существенным должны стать «покорность и привязанность к мужу». Куда мил дружок, туда и мой сапожок.

«Женщина-жена готова пожертвовать самым дорогим ради мужа». Ради милого и себя не жаль. Для милого дружка и сережка из ушка.

Во многих пословицах выражается идея о том, что «молодым девушкам следует выходить замуж и обзаводиться семьей». Скрасит девку венец да молодец. Как ни заплетай косу, девка, а не миновать расплетать. Расти коса до пят – женихи торопят.

Кроме того, сравниваются замужние и незамужние женщины: «*молодые девушки хотят выйти замуж тогда, как замужние женщины знают о тяжести семейной жизни*». Бабы каются, а девки замуж собираются.

«*замужние женщины обременены домашними заботами*». Не рада баба повою, рада б покою.

«*незамужние девушки хороши, а замужние женщины плохи*». Бабой больше, так девкой меньше. Все девушки хороши – а отколь берутся злые жены?

Женщина-мать

В нижеследующих пословицах и поговорках женщина представлена как мать, и в этих паремиях обнаруживаются следующие признаки, свойственные женщины-матери:

«*мать – единственная, даже отца можно заменить, а мать никто не заменит*». Отцов много, а мать одна. Нет такого дружка, как родная матушка.

«*мать – самый родной и близкий человек*». Без отца – полсироты, а без матери и вся сирота. Жена для совета, теща для привета, а нет милей родной матери. Слепой щенок и тот к матери ползет. Мамонька родимая – свеча неугасимая, мамонька неродная – похлебочка холодная. Мачеха добра, да не мать родна. *Даже самая добродушная мачеха никогда не станет настолько близким человеком, как родная мать.*

«*любящая, для нее ее ребенок – самый лучший*». Материны глаза слепы. Мать хвалит дитя, а свинья – поросенка. Хороша дочка Аннушка, когда хвалит мать да бабушка. Мед сладок, а ребенок еще слаше. Мать любит дитя, а кошка – котя.

«*для матери дети – самое главное, самое дорогое в жизни. Мать – надежная защита для своих детей. Она готова оберегать и охранять своих детей*». Мать праведна – ограда каменна.

«*заботливая, ласковая*». Материнская забота в огне не горит и в воде не тонет. Материнская ласка конца не знает. При солнце тепло, а при матери добро. Сердце матери лучше солнца греет.

«*ребенку необходимы материнская ласка и тепло, без матери он испытывает душевные страдания и боль*». Без матушки родной и цветы не цветно цветут. Как рой без матки, так и дитя без мамки. Пчелки без матки – пропавшие детки. У кого есть матка, у того голова гладка. У матери дети – под присмотром, ухоженные. Мать занимается их развитием и воспитанием.

«*мать всегда холит и лелеет детей, а дети иногда не уделяют ей должного внимания*». Мать кормит детей – сохнет, а они по ней и не охнут.

«*мать всегда волнуется о детях. Страдания детей для нее мучительны*». Дитя плачет, а у матери сердце болит.

«*дети похожи на мать*». Какова матка, таково и ягнятко. Какова мать, такова и дочь.

«дети привязаны к матери и всюду следуют за ней». Куда матушка, туда и дитятко. Куда матка, туда и пчелки.

«материнская любовь обладает невероятной силой». Материнская молитва со дна моря вынимает.

«мать своим детям плохого не пожелает, ее порицания и критика не ранят». Матерни побои не болят. Мать и бия не бьет. Родная мать и высоко замахивается, да не больно бьет. Мать и высоко подымет, да не больно опустит руку.

«конфликт с матерью не долог, потому что мать зла на своих детей не держит, и обиды быстро прощаются». Материнский гнев, что весенний снег: и много выпадет, да скоро растает.

«материнская скорбь не знает утешения». Молода жена плачет до росы утренней, сестрица до золота кольца, мать до веку. Мать плачет не над горсткой, а над пригоршней. Мать плачет, что река льется; жена плачет, что ручей течет; невеста плачет, как роса падет: взойдет солнце, росу высушит.

В русских пословицах и поговорках к женщине-матери неприменимы характеристики, рассмотренные в предыдущих двух группах. Женщина-мать представлена как особая категория, которой не свойственны отрицательные признаки.

Паремии свидетельствуют, что отношение к женщине неоднозначно, многие пословицы и поговорки противоречат друг другу: они представляют женщину с позитивных позиций или, наоборот, передают снисходительное и даже резко негативное отношение, что указывает на сложность и многогранность структуры данного концепта.

Даль В.И. Пословицы русского народа: Сборник. В 2-х т. Т. 1. – М., 1984.

Русские пословицы и поговорки / Под ред. В. Аникина. – М., 1988.

Советский энциклопедический словарь. – М., 1989.

Э.А. Дуссалиева
Астраханский ГУ

Номинация концепта МУЖЧИНА в русских паремиях

С давних пор наше общество состоит из различных социальных, национальных и т.п. миров, определяемых особенностью деятельности, общественных связей и т.д. Каждый из миров обладает собственными речевыми сигналами, известными определенному кругу носителей языка. Наиболее ярко эти сигналы выражены в словах-концептах, пословицах, поговорках, крылатых словах и выражениях. Как известно, любой язык не только объективирует понимание мира народом, но и «консервирует»

ментальную и практическую деятельность этого народа. Следовательно, анализ концептов дает возможность проникнуть в механизм процесса сознания и интерпретации мира человеком. Анализ же паремий и афоризмов, в которые входит оценка определяемого концепта, по словам А.В. Рудаковой, дает исследователю информацию о содержании интерпретационного поля концепта (Рудакова 2004). Большое значение в данном случае имеют стереотипы, закрепленные за определенным концептом в каждом отдельном языке.

В этой статье мы рассмотрим номинативное поле концепта МУЖЧИНА на базе русских пословиц и поговорок, которые мы выбрали из сборника «Русские пословицы и поговорки» под редакцией Аникина В., а также из сборника «Пословицы Русского народа», составленного В.И. Далем.

Наиболее часто в русских пословицах и поговорках МУЖЧИНА называется **мужиком**.

Баба прядёт – не по две рубахи носит, а мужик не прядёт – да не нагходит.

Гром не грянет – мужик не перекреститься.

Кабы мужик на печи лежал, корабли бы за море не плыли.

А маленького и слабого мужика русская традиция называет **мужичком**, что и зафиксировано в паремиях.

Ври, ври, мужичок, может быть, и правда.

Ладил мужичок челночок, а свёл на уховёртку.

Мужичок неказист, да в плечах харчист.

Мужичок-то гол, да в руках кол: есть надежда, что будет и одежда.

Причем этот самый мужик или мужичок может быть:

- бедным (**бедняк**) или богатым (**барин, господин**).

Мужик гол, как сокол.

На бедняка и кадило чадит.

Лучше быть честным бедняком, чем богатым подлецом.

За богатым мужиком не нагоняешься с голиком.

Кабы барыня не уськала, так бы и барин не лаял.

- умным (**умник, хитрец, мудрец**) или глупым (**дурак, дурень, болван, глупец**)

Дома пан, а в людях болван.

Любовь и умника в дураки ставит.

С хитрецом водиться – в оба глаза глядеть.

Лучше дурак с кротостью, чем умный с гордостью.

Смешно дураку, что рот на боку.

И дурень кашу сварит, была бы крупица да водица.

- трудолюбивым или бездельником (**лентяй, лодырь**).

Не топор кормит мужика, а июльская работа.

Мужичок век пахал, а выпахал горб.

Кто в понедельник бездельник, тот и во вторник не работник.

Лодырь да бездельник празднуют и в понедельник.

Солнышко садится – лентяй веселиться; солнышко всходит – лентяй с ума сходит.

У бездельника охота до того, чтоб обмануть кого.

- храбрым (храбрец) или трусливым (трус).

На словах – орёл, а на деле – мокрая курица.

На словах тих, а на деле лих.

Одного храбреца и тысяча трусов не заменит.

Один воин тысячу водит.

Кроме того, широко в русских пословицах и поговорках представлена возрастная иерархия мужчины, процесс его взросления: от **юноши** к **парню, молодому человеку (молодцу, добру молодцу)**, от молодого человека к мужчине, от мужчины к **старику (деду)**.

Юноша молод – не стерпивал холода.

Конь добрый – да не езжэн; хороши парень – да не учён.

Всякому молодцу ремесло к лицу.

Видать сову по полёту, добра молодца по кудрям.

Бабка с кашкою, а дед с ложскою.

Первый парень на деревне, а деревня в два двора.

Очень часто в русских пословицах и поговорках мужчина наделяется определенным именем, большинство из которых редко встречаются в современной жизни (**Елизар, Аксён, Еремей, Филат, Федот, Кузьма и т.д.**)

Глупому Авдею наколотили шею.

Голодному Федоту и репа в охоту.

Ефрем любит хрен, а Федька – редьку.

Всякий Яков про себя вякай.

Среди имён собственных чаще всего употребляется имя **Иван**, ставшее практически нарицательным для русских мужчин.

Все Иваны, да все и большие.

Иван был в орде, а Марья вести рассказывает.

Иван в дуду играет, а Марья с голоду помирает.

Иван не болван: не всяк на нём исправлял шапки.

Также можно проследить и отношение женщины к мужчине. Она называет его **милым, милым дружком, сердечным другом** и т.д.

Милый далеко – сердцу не легко.

Милый дружок - на месяц, а муж - на всю жизнь.

Ради милого дружка и серёжка из ушка.

С милым другом и горе пополам разгорюешь.

Сердечный друг не родится вдруг.

Большое значение в русских пословицах и поговорках отводится мужчине как **семьянину**.

Чуж чуженин, а стал семьянин.

Во все времена мужчина для женщины – это, прежде всего, **жених**, а потом и **муж**. Большинство пословиц, содержащих концепт мужчины в значение муж, демонстрируют разницу между мужем и женой, их

отношение к жизни, разную роль в семье, их эмоциональный и социальный статус. Подчеркивается, что каждый молодой человек – это жених, а зрелый мужчина – обязательно, муж (**муженёк**). Важно отметить, что в старину на Руси не проводилось жесткое разделение между мужем и мужчиной: одно другое предполагало.

Спелому колосу – серп удалой, девице красной – жених молодой.

Тки, дочь, не суючи – жених идёт по улице.

Муж любит жену здоровую, а жених невесту – богатую.

Жена верховодит, так муж по соседям бродит.

За добрым мужем как за городом, за худым мужем и огородбища нет.

С милым мужем и зимой не стужа.

Муженёк хоть всего с кулачок, да за мужниной головой не сижу сиротой.

За мужчиной-мужем следует мужчина-отец (**батька, батюшка**).

У нашего батьки не как у мужика: пряники ломай, да со щами хлебай, а сядешь есть – и хлеба в честь.

Сон милее отца и матери.

Уродился ни в мать, ни в отца – а в проезжего молодца.

Батька в пир, матка в пир, а я, озорник, какой домовник!

Нет дружска против родного батюшки, нет подружки против матушки.

Значениями муж и отец не ограничивается определение концепта мужчина как семьянина. В продолжение семейной темы мы находим следующие «родственные» определения: **сват, брат, дядька, зять, сын**.

У нашего свата нет ни друга, ни брата.

Сын мой, а ум у него свой.

У кого есть дядька, у того цел и дитятко.

По дочери и зять помилеет, по снохе и сын опостылеет.

По родству – сват, по крови – брат, а по делу – хват.

И брат на брата доносит.

Очень прочно мужчина в русских паремиях связан с понятием **хозяин** и четко противопоставлен понятию **хозяйка**.

Хозяин весел – и гости радостны.

Хозяин в дому – что медведь в бору.

Что поставят, то и кушай, а хозяина дома слушай.

От хозяина чтоб пахло ветром, от хозяйки – дымом.

Свободолюбивый, вольный, смелый мужчина на Руси ассоциировался с **казаком**.

Купленный – холоп, а не купленный – вольный казак.

Терпи, казак, - атаманом будешь.

У наших казаков обычай таков: где просторно, там и спать ложись.

Русские паремии также сохранили такую большую проблему русского мужика, как пьянство. Пьющий мужик называется **пьяницей** или реже **зюзей**.

Послушай дело, Кузя! А Кузя пьян, как зюзя.

Пьяница так сведёт домок, что не нужен и замок.

Утя без воды – пьяница без вина.

Хмель не плачет, что пьяницу бьют.

Проанализировав русские паремии, мы можем отметить с одной стороны большое количество номинаций концепта МУЖЧИНА, что говорит о важности этой универсалии. А с другой стороны, в пословицах в основном зафиксирован только один образ: образ мужика сельского, незнатного, малограмотного. Образ же господина или барина употребляется только в сопоставлении с простым мужиком.

Также в русских пословицах мы наблюдаем преобладающую роль мужчины как *семьянина, господина, хозяина*, которую он имел в прежние времена и которая с годами всё более и более нивелируется.

Итак, пословицы и поговорки сохранили для нас образ мужчины (**мужик, мужичок, муж, муженёк, жених, отец, батька, бедняк, дурень, болван, лентяй, пьяница, добрый молодец, хозяин, казак и барин**), который к нашему удивлению мало с тех пор изменился.

Важно отметить, что некоторые изменения всё же произошли: исчезли такие понятия как **молодец** и **добрый молодец**, понятие **барин** подменилось более современными выражениями (господин, владелец и т.д.). Очень сузилось понятие **казак**. Если раньше оно характеризовало в большей степени образ жизни и мыслей, то в современном понимании это, прежде всего, этническая группа. На место **Елизара, Аксена, Кузьмы** пришли другие имена, да и имя **Иван** потеряло своё нарицательное значение. Во всём же остальном, мужья, женихи, отцы, а также лодыри, болваны, хитрецы и пьяницы никуда не исчезли, а следовательно осталась и объективация их в русском языке.

Даль В.И. Пословицы Русского народа: Сборник в 2-х т. Т. I. – М., 1984.

Русские пословицы и поговорки./ Под ред. В. Аникина. – М., 1988.

Рудакова А.В. Когнитология и когнитивная лингвистика / А.В. Рудакова. – Воронеж: «Истоки», 2004. – С. 66.

С.А. Тихомиров
г. Саранск

Роль гиперболы в выражении градуальной семантики в современном русском языке

Категория градуальности как оценочное средство обнаруживает субъективное ценностное отношение производителя текста к миру, отраженное в языке и художественной речи, в своеобразной эколингвистической картине мира. В формировании экологичной картины мира, произведенной при помощи этого лингво-психологического

средства, принимают участие прагматические и семантические доминанты творчества того или иного автора, которые, как правило, субъективно окрашены.

Градуальность представляет собой функционально-семантическую категорию (Колесникова 1996, с. 127), имеющую двусторонний характер – единство формы и содержания. Основными средствами выражения КГ являются в русском языке основные части речи со значением изменяемого признака (имена прилагательные, наречия, имена существительные, глаголы). В качестве специальных средств выражения выступают слова-спецификаторы: частицы, некоторые союзы, модальные слова. Категория градуальности со своей определенной структурой (ядро + перифирия) относится к системе языка и представляет собой тип языковых парадигматических подсистем, специфика которых заключается в принадлежности их компонентов к разным уровням языка. Каждая составная часть КГ может выступать как «микрополе» со своим ядром и перифирией.

Поскольку отношения градации осознаются как свойства большинства явлений и предметов действительности, постольку в языке существует огромное количество слов, эксплицитно или имплицитно (потенциально) содержащих семантический признак «степень». По нашим наблюдениям, в градуальные отношения вступают многие гиперболы, что дает право предположить, что градуальность выступает одним из основных факторов возникновения и сосуществования образной семантики преувеличения. Понятие градации соотносится с понятиями иерархии, оценки, меры, системы координат. Все, что поддается какому-либо измерению, создает свою шкалу градации и обслуживается специальными языковыми средствами. В том числе и данными аспектами определяется актуальность настоящей статьи.

В основе гиперболы лежит **художественное преувеличение**. В разговорной речи чаще используются имеющиеся в языке средства или модели гиперболизации, а в художественном произведении автор стремится к неповторимости создаваемой им гиперболы. Решающий фактор в создании гиперболы – **соотнесение высказывания с ситуацией и оценка ситуации говорящим – на стыке этого соотнесения и «рождается» гипербола, реализующая градуальную семантику**. Однако важно различать гиперболу и усиление, при котором сообщаемый факт оценивается лишь эмоционально (*Такая вьюга, просто ужас!*); при использовании гиперболы этому факту дается некоторая «количественная мера» (*Такая вьюга, просто с ног валит!*). Как правило, гиперболические высказывания концентрируются в области оценок человека и человеческой деятельности.

Установлено, что, основными структурными компонентами гиперболы являются 1) признак, который преувеличивается, 2) реальная мера, то есть большая/малая количественная характеристика этого признака и 3) его гиперболическая мера. Модель гиперболы представляет собою идеальное

образование и находит материальное воплощение в различных языковых формах, содержательная сторона которых обязательно включает либо высокую интенсивность меры, либо нереальность. Языковое выражение гиперболизируемого признака и его реальной меры может отсутствовать, тогда эти компоненты восстанавливаются из контекста. В основе гиперболизации лежит механизм контрастного сопоставления, определяющий характер соотношения компонентов: гиперболическая мера намного больше реальной меры признака предмета, явления, действия.

Можно определенно утверждать, что единой точки зрения на гиперболу нет. Противоречивость взглядов на сущность явления гиперболизации проявляется в отсутствии единого термина для его обозначения, что объясняется сложностью этого явления. Вместе с тем всеми исследователями отмечается отличие гиперболы от простого преувеличения, заключающееся в намеренности и нереальности, несоответствии передаваемой ею информации действительности. Переносный смысл, заключенный в гиперbole, состоит, в отличие от других тропов, не в том, что под сообщаемым следует подразумевать какие-то другие явления, а в том, что не соответствующее реальности преувеличение не является буквальным. Важной особенностью гиперболы является то, что в ее основе лежит сопоставление количественных характеристик какого-либо признака предмета, явления, действия. Гипербола может быть выражена на разных уровнях: слова, словосочетания, предложения, представляется дискуссионным или требует уточнения, а именно: гипербола может быть выражена на уровне слова, так как гиперболический характер языковых средств выявляется в контексте, а гиперболическая градация (градация с семантикой преувеличения) – в степени выраженности меры признака, явления, действия.

Среди лингвистов нет единого мнения по вопросу о том, как квалифицировать преуменьшение признака предмета, явления, действия. Ряд исследователей считает преуменьшение признака особым стилистическим приемом, хотя и признают структурную однозначность его с гиперболой. Наше понимание этого вопроса основывается на том, что преуменьшение предмета – это не что иное, как преувеличенное представление его малых размеров, следовательно, есть основания считать преуменьшение признака предмета, явления, действия разновидностью гиперболы.

Нормой будем считать среднюю, обычную меру признака предмета, явления, действия. Напомним, что в гиперbole, в отличие от простого преувеличения обычной, средней меры признака, преувеличивается большая/малая мера актуального для субъекта признака предмета, явления или действия.

Итак, рассмотрев характерные особенности гиперболы, а именно: намеренность, нереальность, количественный характер, преувеличение большой/малой меры признака предмета, явления, действия, выраженность на уровне словосочетания, предложения, эмфатический характер, – и

основываясь на них, предлагаем рабочее определение данного понятия. **Гипербола – это стилистический прием, основанный на особом, не соответствующем действительности, характере количественного преувеличения большой/малой меры признака предмета, явления, действия на уровне словосочетания, предложения, усиливающий эмоциональную выразительность высказывания.**

В лингвистике отмечено, что функционирование гиперболы в художественном произведении основано на эмоционально-оценочном опыте читателя, но индивидуальное в оценке признака не играет существенной роли. Гипербола служит для передачи общего в переживаниях многих людей, сам выбор гиперболизируемого признака осмыслен, продуман автором в отношении его способности вызвать единый поток разнообразных впечатлений, общих для большинства читателей.

Тогда как сущность семантического признака противоположности в парадигматике заключается в поиске понятия (слова), максимально противопоставленного в системе данному понятию (слову) путем отрицания последнего. Поэтому, например, прилагательное *некрасивый* выражает противоположность смягченно, а крайним понятием выступает слово *безобразный* (гипербола – *до ужаса безобразен/величайшее безобразие/во всем мире не видел он такого безобразия*; гипербола+ирония – *безобразен как моя жизнь*). Гиперболу как средство выражения градуальной семантики (ГСВГС) наблюдаем в примерах: *чай-пламя – огненный чай – горячий чай (нейтр. знач.) – ледяной чай – чай, обжигающий холодом*. Синтагматические отношения заметно влияют на семантику и состав ГСВГС в структуре градуального ряда. Так, для того же слова *горячий*, выступающего определением к *воде, воздуху, ветру*, крайним словом-антонимом будет слово *ледяной*, а для ЛСВ *горячий* в сочетании *горячий характер* антонимом будет слово *спокойный*. Градуальные оппозиции, структурируясь в ГСВГС могут также включать слова из смежных тематических групп, экспрессивные синонимы и синонимы, выражающие интенсификацию, но опорными словами рядов выступают основные нейтральные слова, например, *хороший – плохой* (ср. с экспрессивными членами ряда: *великолепный, божественный, неземной, совершенно восхитительный, самый замечательный, экстраклассный (о поступке), никудышный человек, животное (о человеке), нечеловечески отвратительный, по-геростратовски подлый, сверхпоганый* и др.). Лексика, относящаяся к ГСВГС, образует градуальные поля, которые мы классифицировали по нескольким основаниям: 1) по частеречной принадлежности: признаковые, процессуальные, предметные; 2) по ярусам языка: лексические, словообразовательные, синтаксические; 3) по особенностям расположения единиц в неядерной зоне поля: собственно градуальные и смешанного типа (концентрические).

Градуальные отношения относятся к числу языковых универсалий, и охватывают собой определенную часть важнейшей лексики языка. Подтверждением этому служит анализ словарей русского языка и текстов

художественной литературы, в которых гиперградуальная лексика широко представлена формами существительных, прилагательных, наречий и глаголов. Для выражения гиперградуальности служат как собственно лексические, так и разнообразные деривационные, морфологические и синтаксические средства, которые образуют в русском языке лексические гиперградуальные поля и функционально-семантическое поле гиперградуальности. Семантический признак «сверхстепень» у градуальной лексики может быть основным, факультативным и потенциальным. В качестве основных семантических признаков гиперградуальные понятия могут быть представлены у абстрактных имен существительных, а также у качественных прилагательных, наречий и числительных. Для конкретных существительных и для глагольных лексем значение гипер/сверхградации обычно является дополнительным, часто имплицитным, реализующимся контекстуально.

Синкетизм чувственных модусов (иногда преимущественно контекстуальный) и контрастность, реализовавшиеся как языковой феномен, находят отражение в художественной, в произведениях, например, М.Е. Салтыкова-Щедрина (Салтыков-Щедрин 1954, с. 4-9): *страдал потребностью общества, подробности жизнестроительства, искренняя ненависть, минуты откровенных излияний, держать себя грозно, округление головлевского имения и т. д.* Подобный иронический синкетизм находим в некоторых ругательствах в произведении М.Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы» (Салтыков-Щедрин 1954, с. 7): *ветряная мельница* (тактильный и зрительный модусы), *бесструнная балалайка* (зрительный и акустический модусы). Ирония основывается здесь на контрастности восприятия чувственных модусов и на их основе находит свое выражение в ироническом слове. Ономасиология текста основывается здесь на критическом восприятии чувственных модусов производителя текста, на его желании подчеркнуть и/или преобразовать парадоксальность, ненормальность, аморальность фактов, с которыми автор столкнулся в жизненной действительности. Иллюстрацию этого тезиса находим и в текстах Саши Черного (Александра Гликберга): *Как приятно строить мостик из бездарных слов и воплей/И научно морщить брови, и мистически сопеть.../И с куриным самомнением сожалеть о тех «незрячих»./Кто, закрыв лицо руками, целомудренно молчит* («Бирюльки»). Основной принцип создания **иронии** – активизация сенсорных (на уровне сознания – оценочных) модусов восприятия субъекта, «десифрующего» лингво-поэтический текст. Ограниченнное число признаков, воспринимаемых органами чувств, служит в идиостиле поэта основой значительного числа **коннотаций** (см. исследования Маркеловой Т.В., Рыбальченко О.И.): *пресные псалмы, черный румянец, тухлый Гучков, холодный пафос, звонкие фокусы-покусы* и т.д. Ироническая многозначность возникает в речи, также, благодаря различным видам специфичности: физиологической, социальной, исторической, географической и т.п.) самой описываемой ситуации:

Кривой К. после долгого разговора с кривым О. сказал: «Я очень люблю беседовать с ним с глазу на глаз». Именно необычность ситуации (встречи двух кривых) вскрывает ироничные возможности выражения «беседовать с глазу на глаз» и вызывает комический эффект. Весьма употребительными в речи для создания иронической многозначности оказались иносказания, в частности, басни с их смысловой двуплановостью (описываются животные и предметы, но имеются в виду люди): каждый план индуцирует свое понимание того или иного слова: *Бутылку осудили за пьянство, а она оказалась невинной*. Контекст в целом (ситуация суда) диктует одно слово (невинная = не виноватая), а категориальные свойства описываемой вещи (бутылки) – другое (невинная = не из-под вина). Широкое распространение получили два способа создания иронической контрастности и комической двузначности. Один способ заключается в несоответствии между текстом высказывания и заголовком к нему: заголовок заманивает на проторенный путь, который оказывается ложным: *Старость отступает. Возвращаясь домой, пенсионер И.И. Иванов столкнулся в подъезде с хулиганом. И.И. Иванову пришлось отступить*.

Еще более популярен в речи другой, синтетический способ, объединяющий возможности словесного и изобразительного (зрительный модус восприятия) юмора. Ирония здесь возникает благодаря несоответствию рисунка и подписи к нему. Иллюстрацией могут послужить карикатуры: образ жизни одного молодого человека, который: *ночи просиживал за классиками* (на рисунке: Ночь. Луна. За памятником А.С. Пушкина герой и его собутыльники «сдвигают стаканы»); *дня не сидел без дела* (на рисунке: герой, застенчиво потупившись, стоит перед столом следователя, поглаживающего папку с надписью «Дело №»); *и вообще далеко пошел* (на рисунке: герой под конвоем отправляется в места не столь отдаленные).

Интересна **транстекстовая ироническая контрастность**, возникающая при перефразировании широко известных выражений. Контрастность возникает из сопоставления этого текста с текстом исходным, разительно отличающимся по смыслу. Сюда относятся речевые переделки пословиц и поговорок, а также переделки широко известных стихов, песен и т.п.: *С мылом – рай в шалаше* (с мылом – рай в шалаше); *Что посмеешь, то и пожмешь* (что посеешь, то и пожнешь). Грамматические способы создания иронического контраста следующие: добавление зависимых слов – дополнений, определений, обстоятельств: *Срываи лавры! Но не с чужой головы* (С. Лец); соединение с обыгрываемым словом семантической разнородной сочинительной цепочки: часть сочиненных членов актуализирует в слове одно значение, а другая часть – другое: *Н провел пресс-конференцию... И журналистов*; употребление сравнительного оборота: *Мужчина – как клубок: когда женщина выпускает его из рук, он распускается, а когда забирает его в руки, он сматывается*; добавление вводных слов: *Воду /стираешь/ с мокрого тельца/полотенцем, /как зверь, мохнатым./Чтобы суще пяткам - /пол/ стелется,/извиняясь за*

выражение, / пробковым матом (В.В. Маяковский «Рассказ лите́йщика Ивана Козырева»). **Ирония** в данных примерах отражает смешение чувственного восприятия мира субъекта на психолингвистическом уровне. Лингвистический феномен данной разновидности **иронии** (Колесникова С.М., Тихомиров С.А.) основан на «скрещивании» ощущений (психологический уровень), синтезе идей (философско-мировоззренческий уровень) и взаимопроникновении лексико-семантических значений (лингвистический уровень). Именно разноуровневые процессы, на наш взгляд, являются стимулом оригинального языкового иронического творчества.

Оценка – это *terminus a quo*, исходный пункт лингвистического феномена градации. Оценка реалии, ее субъективное истолкование в контексте **значимое-незначимое** предшествует лингвистическому феномену градации. Оценка есть ментальный базис градации, а языковая градация – следствие субъективно-ментальной оценки. Сущностная сторона оценки обретает в тексте свое формальное воплощение в виде **градуальной языковой конструкции**, строящейся субъектом-производителем текста с прагматическими целями: воздействия на слушателя, передачи информации, создания образности для более эффективного воздействия речи. С лингвистической точки зрения феномен **градуальной оценки** функционирует согласно классическому семантическому треугольнику Огдена-Ричардса: реалия (объект) – понятие (мысль о нем) – слово (языковой объект) (см. Платон, «Кратил»: ве́щь-идея-слово).

Принцип взаимодействия объекта, понятия и знака (макрографосемы и ее формального выражения – градуальной конструкции) является в данном случае основным при производстве автором текста оценочно-субъективной языковой структуры. Градуальная структура в данном случае представляет собой определенным образом отобранный, организованный и структурированный языковой материал (текст/часть текста, представленный иногда в виде ТТГК – транстекстовой градуальной конструкции), функции которых заключаются в эффективно-эмоциональном воздействии на аудиторию (читателя) с целью нахождения мыслительных точек соприкосновения, служащей для убеждения объекта градуальной структуры (аудитории) (Колесникова 2002, с. 139-142).

Наиболее глубинная и, вместе с тем, философская сущность феномена градуального значения заключается в субъективной передаче им информации на понятийном и лингвистическом уровне о тех объектах (реалиях) окружающего мира, которые субъект высказывания «кодирует» посредством группы знаков, известной, по крайней мере, двум лицам (сторонам) акта коммуникации. Трансляция «кодированной» через знаки-символы информации априорно предполагает более-менее свободное владение субъектом и объектом акта коммуникации смысловым «десифратором» какой-либо передаваемой информации. Таким «десифратором» и выступает на лингвистическом уровне система значений, являющаяся до определенной степени условной, релятивной

(Тихомиров 2001, с. 72-75). Смысл градуальной конструкции становится понятным участникам акта коммуникации посредством процесса кодирования, а затем и декодирования этой информации ее носителями либо воспринимающими сторонами. Этот процесс выглядит следующим образом: О-П-С, где О – объект (предмет окружающего мира), П – понятие (представление о предмете в мышлении носителя языка), С – слово как таковое (в данном случае – градуальная конструкция). Таким образом, градуальное значение изначально формируется на уровне мышления, приобретая особый смысл, выражющийся через своеобразную «внутреннюю речь», а затем приобретает лингвистическое значение, выражющееся посредством речи в общезначимом смысле этого слова. В этом смысле градация представляет собой своеобразную субъективную субстанцию, имеющую собственное бытие, которое выражается в функционировании слова как носителя значения и номинирующей единицы на уровне речи и языка, равно, как мышление – на понятийном уровне. Причем, слово, обладающее градуальным значением, чаще всего выступает в тексте не столько как номинирующая единица, сколько как единица оценки, субъективно окрашенная либо иронией, либо психолингвистической игрой преуменьшения-преувеличения, либо синкетической совокупностью смыслов, доходящей иногда до парадокса. Многие стили-стически окрашенные тексты, в которых функционируют вышеперечисленные стилистические приемы, связаны на уровне мышления не столько с четко очерченными понятиями формальной логики, сколько с личными, субъективными, эмоционально окрашенными представлениями и базируются во многом на сгустках впечатлений, эмоциях и чувствах. Градосемы, оформляясь в градуальную структуру текста, «выплескивают» в текст эмоциональную оценку субъектом той или иной объективной реалии. Градуальное значение слова потому до сих пор является для исследователей загадочной категорией, что сама сущность значения как лингвистического феномена не прояснена до конца и поныне. Анализ такого явления как градуальное значение осложняется еще и тем, что этот феномен не всегда производится автором и функционирует в тексте по формально-логическим закономерностям. Скорее, он зиждется на металогике. Причем, в виде градуальной конструкции может выступать не только одно слово, словосочетание, предложение, стилистически окрашенные градацией (возрастанием-убыванием качеств, признаков, степени оценки), но и текст (например, транстекстовая градуальная конструкция – ТТГК), соответствующий такому стилю: *Он смотрел на картину, болтавшуюся на стене кричащего цвета. Огромный океан казался крохотной лужицей. Его рев, вся его сущность слышалась как умирающий шепот, тусклый закат протухшего дня, столь много обещавшего, сколь мало сделавшего.* В виде градуальной конструкции – ТТГК – в данном примере выступает небольшой текст, построенный при помощи транстекстовой градации с применением синкетической метафоры, игры парадокса, гиперболы, литоты. Данная градуальная

конструкция, осложненная синкетическими метафорами, позволяет оперировать целым комплексом чувств, психологических модусов познания одной и той же реалии. Восприятие реалии благодаря феномену оценочной градации «расширяется», начинает работать металогика, метасознание. Неоцененную роль в этом процессе играет наличие в градуальной конструкции синкетических метафор, синтезирующих психологические модусы производителя текста и его потребителей. Подобное расширение реальности, открытие в ней новых граней, представляется нам очень важным и с когнитивной, и с мировоззренческой точек зрения. Градуальное значение немыслимо как без его мыслительно-логической характеристики, так и без собственно языкового (узуального) значения. Конкретизация гиперградуальных отношений в языковых формах в любой национальной языковой картине мира непосредственно связана с психофизическими свойствами человеческого восприятия и мышления в общем и с лингвокультурными особенностями национального менталитета, в частности. Этим объясняется наличие разветвленных гиперградуальных отношений в лексике той тематической группы, которая представляет важные для носителей языка признаки объектов окружающей действительности. Градуируются не только измеряемые гиперпризнаки, обозначающие физические координаты (время и пространство), а также физические качества (скорость, размер, силу, свет, цвет, температуру и др.), но и признаки, субъективно воспринимаемые путем сравнения, – эмоции и качества. Релятивизм в определении степени гиперградации в наивной картине мира связан с субъективным характером и неустойчивостью эталона градуируемого признака.

Возможности гиперградуальной лексики (например, реализующих ГСВГС антонимов, синонимов, гипонимов) передавать содержание коннотативной оценки в текстовых полях широко используется в поэтике художественного текста. Контекстуальные ГСВГС возможно считать наиболее сильным эстетическим средством, так как образность употребления таких лексических единиц создается путем актуализации их вторичных семантических функций.

Колесникова С.М. Категория градуальности в современном русском языке. – Саранск, 1996. – 134 с.

Колесникова С.М., Тихомиров С.А. Роль синкетической метафоры и гиперболы в выражении градуальной оценки // Филологический вестник: Межвуз. сб. науч. трудов. Выпуск 3. – Саранск, 2002.

Салтыков-Щедрин М.Е. Господа Головлевы. – М., 1954.

Тихомиров С.А., Черкасова Т.Б. Философско-логический аспект контекстуального функционирования значения слова (на примере слова «виртуальный») // Филологический вестник: Межвуз. сб. науч. трудов. Выпуск 2. – Саранск, 2001.

Семантика «управленческих» глаголов

Под «управленческими» глаголами понимается следующий ряд неточных синонимов: *управлять 1, руководить 1, командовать 2, править¹ 1, заведовать, администрировать, верховодить, повелевать 1, заправлять 4, помыкать, заворачивать 2*. В данной работе предпринято описание семантики этих глаголов на основе теоретических принципов Московской семантической школы. Фактический материал исследования был взят из Национального корпуса русского языка.

1. Экспериментальное толкование синонимического ряда (в сентенциальной форме): *Х руководит <управляет...> У-м* = «Х имеет возможность в определенной степени каузировать действия У-ка. Пользуясь имеющейся возможностью, Х каузирует У делать то, что нужно Х-у».

2. Данный ряд синонимов сближается с группой глаголов пассивного обладания властью – *возглавлять, начальствовать, царствовать* и др. Эти глаголы указывают на статус субъекта, на потенциальную возможность использования им своей власти над объектом.

3. Значения членов исследуемого ряда в их прототипическом употреблении (иные случаи особо оговариваются) различаются по некоторым смысловым признакам. **3.1.** Отношение субъекта к правовому полю. Субъект глаголов *править, командовать, заведовать* обычно действует на законных основаниях, а *распоряжаться* можно лишь преступая закон. **3.2.** Степень подчиненности У-ка Х-у. Для *распоряжаться* она – наивысшая (объект при нем уподобляется вещи), а для *заведовать* – минимальная. **3.3.** Тип объекта: для большинства синонимов – это совокупность людей в широком смысле слова. Однако *повелевать* можно и животными. **3.4.** Возможность совпадения объекта и субъекта. На это способны актанты глаголов *управлять, руководить, повелевать*. **3.5.** Оценка действия со стороны говорящего. Имеет место в значении лексем *верховодить, заправлять, командовать* (в «гражданском» контексте), *заворачивать*. Употребляя эти глаголы, говорящий дает описываемой ситуации негативную оценку. Однако каждый синоним привносит в высказывание свою специфическую смысловую нагрузку.

Кроме того, рассматриваемые синонимы различаются стилистической маркированностью / немаркированностью и наличием / отсутствием прозрачной внутренней формы.

4. Наиболее общими синонимами ряда являются *руководить* и *управлять*. Значения этих глаголов очень близки. Различие между ними можно проиллюстрировать следующим положением: центр тяжести семантики *управлять* тяготеет к значению лексемы *править*, а у

руководить – к заведовать. Отсюда: управлять миром, человечеством, империей и руководить кафедрой и т.д., но не наоборот.

5. Все синонимы данного ряда имеют только форму несов. вида. Общим для них является также состав валентностей (субъект и объект) и стандартный способ их выражения (Им.п. - для субъекта и Твор. П. - для объекта).

6. Многочисленность исследуемой группы синонимов указывают на важность фрагмента наивной картины мира, отраженного в ней, для русской языковой модели мира в целом.

В.В. Мусорина, Ж.В. Грачёва
Воронежский ГУ

Семантическая трансформация орнитонимов в общекультурном контексте

Небо как пространство Высоты и стихия Воздуха манило человека. Оно стало знаком свободы (и физической, и духовной) и бессмертия (*там* обитает Бог и *туда* улетают души людей). Абсолютную приобщённость к миру неба человек может ощутить, лишь переходя некую метафизическую черту. Поэтому птицы, как существа изначально «удостоенные» неба, притягивали, поэтизировались – они воплощали вечную тоску по высокому.

Птицы стали непременной составляющей всех существовавших в истории человечества культур, обязательным элементом религиозно-мифологической системы, атрибутом ритуалов, особым классификатором божественной сущности (верха, неба, его духа, солнца, грома и т.д.). Широко распространены представления о птицах как о первопредках, поэтому они фигурируют в качестве тотемов племён (в Африке известно племя с тотемическим названием «попугай»). Птицы могли воплощать как богов-демиургов, так и превращённых героев.

Типология орнитонимов связана не только с реально существовавшими видами, но и фантастическими (Анзуда в Месопотамии, Гаруда у индейцев, Ворон Воронович, жар-птица в русской традиции), среди них – существа гибридной природы (сирена, сирин, алконост, гарпии, царевна-лебедь и др.), обладающие признаками птицы (Мифологическая энциклопедия. Животные в мифологии: Птицы. <http://mythology.narod.ru/myth-animals/bird.html>). Крыльями могут наделяться существа с обликом человека (ангелы, херувимы, дева-обида), коня (пегас), ящера (дракон), льва (сфинкс).

По представлению древних, на мировом древе (или Древе жизни) место Птицы на его вершине. Обычно это царственная птица – чаще всего орёл (иногда номинированный как гром-птица, в частности в сибирских шаманских традициях), реже – обобщённый образ большой, «главной»

Птицы, порой с фантастическими чертами. Птица как знак космологической модели может либо обозначать *верх* и противопоставляться животным *низа* (прежде всего змее), либо символизировать Солнце и Луну (в этом случае две птицы располагаются справа и слева от вертикали ствола дерева).

Распространённым как в древних (Египет, Двуречье, Греция, Китай, Средняя Азия), так и во многих современных культурных традициях является представление о душе-птице. Такое семантическое отождествление перекликается с осмыслением птицы и как вестника смерти (Снесарев 1969, с. 171).

Птицы в мифологии наделялись преимущественно позитивными коннотациями. Исключение – стимфалийские птицы с острыми железными перьями в античной мифологии, олицетворявшие демонов лихорадки, а также птицеобразные гарпии, которые находили преступников и передавали их для наказания эринниям; и хотя они действовали в рамках морали, но обладали ужасающим видом. В иных случаях близкие к небу существа часто служили олицетворением человеческого желания освободиться от земной тяжести и подняться в высшие сферы.

В индуизме птица означала разумность: «Мысль – самая быстрая птица» («Ригведа»); «Тот, кто понимает, имеет крылья» («Панчавимса Брахманан»). У буддистов птица символ Будды; может также означать благое предзнаменование. У кельтов семантика номинации «птица» амбивалентна: она является либо признаком божества и счастливого «того света», либо – колдовской силы и недоброжелательности. У египтян птица с человечьей головой символизирует способность души покинуть тело по собственной воле. У китайцев большинство птиц, в частности журавль, павлин, петух, солярных и относятся к области янь, символизируя долголетие и хорошую судьбу. У христиан птицы – крылатые души, вестники Бога (младенец Христос часто изображается держащим в руках птицу). В исламе птицы – это души верующих, живущих на Древе Жизни. Души неверных вселяются в птиц, питающихся падалью.

Семантической трансформации в культуре разных народов подвергаются не только лексема «птица», но и видовые номинации орнитонимов. Обратимся к анализу некоторых из них.

Ворона – «символ ловкости, хитрости, коварства, всеядности, воровства, распространения молвы» (Мифологическая энциклопедия. Животные в мифологии: Птицы. <http://myfhology.narod.ru/myth-animals/bird.html>).

В. Даль акцентирует внимание на коннотативном значении номинации – «нерасторопный, вялый человек, разиня, рохля, зевака» (Даль 1981, I, с. 244). В качестве иллюстрации исследователь приводит пословицы и поговорки: *Ворон считать, то есть ротозеить*; *Наряд соколий, а походка воронья*; *Вороне соколом не бывать*; *Как ни бодрись ворона, а ей до сокола далеко*; *От ворон отстала, а к павам не пристала*; *Где вороне ни летать, а всё навоз клевать* и другие пословицы и поговорки. В приведённых выше примерах часто актуализируется противопоставление «ворона /

сокол»: ворона – воплощение низменных качеств человека (сплетничества, болтливости, бездумности, глупости), а сокол – смелости, мужественности, силы, стремления к независимости. Противопоставление «ворона / сокол» осуществляется ещё и по внешним признакам: лексема «ворона» наделяется семами «неповоротливость», «медлительность», «несобранность», а «сокол» – «целеустремлённость», «подвижность», «смелость».

Необходимо отметить, как семантика лексем, номинирующих ворону, варьируется в разных культурах. Так, в Японии ворона – вестник и спутник богов, символ сыновнего почтения; в Греции – долголетия, в Индии – вестник смерти, во Франции и Италии – птица, приносящая несчастье; у ирокезов – даритель зерна. В некоторых культурных традициях ворона – превращённая женщина (в греческой мифологии дочь фокидского царя Коронида). В Индии карканье вороны ассоциируется с громом, блеск глаз – с молнией (Мифологическая энциклопедия. Животные в мифологии: Птицы. <http://myfhology.narod.ru/myth-animals/bird.html>).

Как отмечает А.А. Потебня, у чехов, а вероятно и других славян, ворона приносит на белый свет души детей, кормит их кашею, пока они, до рождения, живут у неё, и ухаживает за ними после появления на свет; а потом берёт к себе, когда они умирают (Потебня 2000, с. 165).

Кроме того, образ мёртвой вороны олицетворяет, по немецким преданиям, побеждённую зиму (Потебня 2000, с. 165).

Таким образом, лексема «ворона» вмещает в себя больше отрицательных коннотаций (коварство, вероломство, хитрость; вестница смерти, несчастья и т.д.), но наряду с негативными, обнаруживаются и положительные коннотации (долголетие, сыновнее почтение, «даритель» детей, зерна и т.д.).

Аист «символизирует в ряде традиций изобилие, плодородие, долголетие, материнские чувства (и одновременно сыновнее почтение), предвещает благую судьбу, рождение детей» (Мифологическая энциклопедия. Животные в мифологии: Птицы. <http://myfhology.narod.ru/myth-animals/bird.html>).

Дж. Фоли в «Энциклопедии знаков и символов» пишет: «Аист символизирует новую жизнь, приход весны, удачу, отеческую или сыновнюю привязанность... В христианстве – чистоту, целомудрие, благородство, бдительность» (Фоли 1996, с. 300). Кроме того, Фоли утверждает, что, согласно шведской легенде, аист назван так из-за крика «*styrca! styrca!*» – «крепись! крепись!», которым подбадривал Христа (Фоли 1996, с. 300).

В Северной Европе существует поверье, что новорожденных матерям приносит аист; оно рождено представлением о том, что души младенцев находятся в местности, где много болот, прудов и трясин (Фоли 1996, с. 300).

Итак, номинация «аист» семантизируется как символ рождения детей, материнского чувства, долголетия, домашнего уюта, плодородия,

изобилия, чистоты и целомудрия, новой жизни и благой судьбы. Отрицательных коннотаций номинация не несёт.

Павлин, согласно «Энциклопедии символов» К. Королёва, нередко становится олицетворением бесконечного разнообразия бытия и знаком весёлого расположения духа, с которым Бог создавал землю. В индийской мифологии, когда Кришна и Радха – две ипостаси бога Вишну – танцуют и забавляются, на них смотрят павлины, словно говорят: как бы тяжела ни была жизнь, надо находить радости в ней и верить, что её многообразие таит в себе положительное начало. При индийском дворе павлин всегда сопровождал изображение Кришны и Радхи и был символом образцовой жизни в любви и красоте. Отсюда, с Востока, пришло в Европу изображение павлина (либо просто павлиньего пера) в шляпе рыцаря в качестве символа высоких нравственных помыслов.

Некоторое противоречие можно усмотреть в том, что индийский бог войны скакет на павлине, однако на самом деле несоответствия нет: имя бога войны связывали с турнирами, подобными рыцарским состязаниям в Европе. При этом кровавая схватка между представителями насмерть враждовавших родов могла завершиться обручением юноши и девушки из обоих кланов и праздником, который длился неделями.

Даже гностики выбрали павлина для выражения своих мистико-философских откровений (Королёв 2003, с. 401).

В.В. Похлёбкин отмечает, что «павлин – эмблема бессмертия. Нетленность павлина послужила уже в глубокой древности причиной того, что он стал эмблемой бессмертия; уже греки, узнав … о свойствах этой птицы, изображали павлинов, усевшихся на колесницы богов, не только как достойное богов украшение, но и как эмблему бессмертия. Не удивительно, что, соединяя в себе столь выдающиеся качества, как красота, бесстрашие в борьбе со змеями (олицетворением зла) и нетленность, павлин стал в глазах людей священной величественной птицей» (Похлёбкин 2001, с. 314).

В России павлин как «барская птица» был наделён чертами, которые ненавистны крепостному в барине, – надменностью, самодовольством, праздной роскошью. В.В. Похлёбкин убеждён, что «только в России и – нигде больше в мире – павлина, его образ и его эмблему стали трактовать и позднее объяснять с этих тенденциозных позиций» (Похлёбкин 2001, с. 316). Подтверждением правоты В.В. Похлёбкина находим в русских пословицах и поговорках, например, *Барин павлином ходит*, то есть гордо, важно (Даль 1981, III, с. 5).

По греко-римскому мифу, павлин – птица супруги Зевса Геры. По утверждению Дж. Фоли, «когда Гермес сразил стоглавого Аргуса, Гера оживила его в виде павлина, поместив глаза на хвосте. В христианстве эти глаза иногда символизируют «всевидящую» церковь. Поскольку эта птица обновляет оперение, она стала символом бессмертия, а также Воскрешения, так как существовало поверие, что её плоть не гниёт, даже пролежав в земле три дня. Из-за обыкновения распускать хвост павлин

обозначает также тщеславие и гордость. В некоторых странах павлин считается предвестником неприятностей; его перья называют «глазами дьявола» и «предупреждают» о присутствии предателя» (Фоли 1996, с. 298).

Интересную трактовку образа-символа «павлин» находим в алхимических текстах: он символизирует приобщение алхимика «к внутреннему опыту астрального мира, который первоначально появляется как палитра вечно изменчивых красок. Этот опыт часто символически изображается в виде павлиньего хвоста и роскошных цветовых переливов» (Символика птиц в алхимии: <http://www.resist.gotic.ru/text/ptizy.html>).

Итак, номинация «павлин» актуализирует следующие «положительные» коннотации: бессмертие, нетленность, Воскрешение; весёлый дух, радость, космологическое начало, приобщение к внутреннему опыту мира, всевидящий глаз церкви. С другой стороны, выявляются и отрицательные коннотации: предвестник неприятностей, символ самодовольства, праздной жизни, роскоши, глаз дьявола.

Сова — «символ мудрости, а также мрака и смерти. Являясь атрибутом богини Афины, сова символизирует мудрость, познание» (Символы: смысл жизни или легенды?

<http://www.odessapassage.com/arhiv/2005/jul2005/relaks116/index.php3>).

Сова также «символ Тиля Уленшпигеля — шутника и весельчака, который, как рассказывают средневековые народные книги, бродил по миру, уличая и высмеивая глупость, невежество и суеверие» (Королёв 2003, с. 405).

Сову связывали со смертью и оккультными силами. Ее считали птицей смерти в Древнем Египте, Индии, Центральной и Северной Америке, Китае и Японии. Как ночное существо, сова — символ грусти, ностальгии и одиночества. Кроме того, она олицетворяет опустошение и несчастье, темноту, ночь, дождь. Во многих культурных традициях совы символизируют угрозу, пророчат беду. В народном мифологическом сознании закрепилось представление о том, что в сов могут обращаться ведьмы, колдуны, злые духи.

«В египетской системе иероглифов сова символизирует смерть, ночь, холод и пассивность. Она принадлежит царству ночного солнца, спустившегося за горизонт и пересекающего озеро или море тьмы» (Символы: смысл жизни или легенды?

<http://www.odessapassage.com/arhiv/2005/jul2005/relaks116/index.php3>).

По мнению К.Королёва, в преданиях сова, как эквивалент летучей мыши, является символом таинственного ночного собрания: «Сова известна как ведьмина птица, она присутствует на шабашах ведьм, ведьмы как украшения носят совиные перья в волосах. Соры летают дикими стаями... Бабка дьявола принимает облик совы» (Королёв 2003, с. 405). К.Королёв также замечает, что перо совы носят люди, «которые шастают по ночам и хотят избавиться от страха перед тьмой. Некогда сова была, очевидно, символом способности не испытывать страха и свободно перемещаться

даже в темноте, то есть была посвящена в тайны, обычно скрытые для смертных. Но со временем, в поздней античности и в средние века, суеверие придало сове демонические силы» (Королёв 2003, с. 406).

У индейцев Северной Америки «перья совы в головном уборе выполняли функции защиты», так как сова «символизировала мудрость и пророчество, считалось, что она может прийти на помощь» (Символы: смысл жизни или легенды?

<http://www.odessapassage.com/arhiv/2005/jul2005/relaks116/index.php3>).

В Древней Мексике богиня дождя изображалась в виде священной совы. У ацтеков и майя сова символизировала некое демоническое ночное существо, злые предзнаменования и являлась атрибутом бога подземного мира, вестником смерти или проводником душ в потустороннем мире.

В христианстве сова связывалась с силами тьмы, запустением, уединением, скорбью, дурными вестями. Крик совы считался «песней смерти». Как существо загадочное, ведущее ночной образ жизни, сова стала символом нечисти и колдовства. Кроме того, она олицетворяла одиночество и фигурировала в сценах, изображающих молящихся отшельников.

Славяне считали сову нечистой птицей и наделяли ее демоническими свойствами. По поверьям, появление совы возле дома предвещало смерть или пожар. В брачной символике она выступает как символ вдовы или старой девы. Символ совы использовался и в качестве оберега. Сове также приписывается роль хранительницы подземных богатств, кладов, разрыв-травы, помогающей отмыкать любые замки (Символы: смысл жизни или легенды?

<http://www.odessapassage.com/arhiv/2005/jul2005/relaks116/index.php3>).

Итак, номинация «совы» в большинстве культурных традиций обретает отрицательные коннотации, символизируя мрак (и все его проявления) и смерть. Такая тенденция объясняется тем, что сова – ночная птица, а ночь и все её атрибуты издревле вызывали у человека страх, недоверие, тревогу (уже на бессознательном уровне). При этом (в основном в европейских странах) за лексемой «совы» закрепилась семема «мудрость».

Голубь – один из древнейших символов и эмблем человечества, значение которого предопределено историческими условиями, при которых произошло знакомство этноса с этой птицей.

В древнеазиатском значении это была «богиня-голубь» – символ любви и брака, поскольку склонность голубей к «одомашниванию», их необыкновенная способность плодиться были уже в глубокой древности подмечены людьми, и это послужило причиной того, что и в Азии, и в Африке у местных народов голубь рано стал эмблемой плотской любви, затем брака и семейного очага» (Похлебкин 2001, с. 121). Так, в словаре В. Даля находим: *Плодятся и множатся, что голуби* (Даль 1981, I, с. 371).

Голубь – «традиционный христианский символ Святого Духа... Голубь повсеместно известен как символ мира и чистоты... Когда голубь с листом оливкового дерева появился в Ноевом ковчеге, это было знаком Господа о

прощении. Существует легенда, в которой утверждается, что дьявол и ведьмы могут превращаться в любое существо, кроме голубя или овцы» (Фоли 1996, с. 295).

В ряде традиций голубь выступает как «символ души умершего, небесный вестник. Древнейшие изображения голубя восходят к 6–5-му тыс. до н.э.» (находки в Арпачае, Северной Месопотамии). ... У древних евреев голубь – образ искупления... в Китае с голубем связывают идею долголетия, бесстрастного исполнения сыновнего долга» (Мифологическая энциклопедия. Животные в мифологии: Птицы. <http://myfhology.narod.ru/myth-animals/bird.html>).

Орёл – «это король животного мира (после льва); самый распространённый символ из всей фауны, символизирует божественность, храбрость, веру, победу, величие и власть. Орёл соотносится с греческим Зевсом и римским Юпитером, был символом победы, служил эмблемой римских императоров и полководцев (Фоли 1996, с. 296).

Переносное значение номинации «орёл» – «храбрый, сильный, мужественный человек, выдающийся, превосходящий в чём-либо других» (Толковый словарь русского языка в 17 т., с. 1017). Как пишет В.И. Даль, это «самая большая хищная птица (кроме грифа); царь птиц, представитель силы, зоркости, прозорливости, благородства: *Он делом глядит, орлом летает – молодцом; Всем птицам птица орёл; Летит орёл, во рту огонь, поконец хвоста человечья смерть (ружьё)*» (Даль 1981, Т. II, с. 690-691).

Однако мнения исследователей не всегда совпадают. Так, Дезидерий Эразм, датский учёный (1466? – 1536), слова которого приводятся Дж. Фоли в работе «Энциклопедия знаков и символов», пишет: «Из всех птиц какой-то мудрый человек выбрал орла для обозначения королевской власти, птицу, не обладающую ни красотой, ни голосом, не пригодную в пищу, но прожорливую, ненасытную, ненавидящую всё, бедствие для всех, обладающую удивительным искусством приносить вред, только из прихоти делать это» (Фоли 1996, с. 296).

Орёл в христианстве «является символом Святого Иоанна, поскольку в полёте орёл смотрит на “солнце славы”; это также символ Вознесения; со змеёй в клюве обозначает триумф Христа над сатаной. Также это символ Воскресения: по легенде, орёл каждые десять лет поднимается к солнцу, потом падает вниз, окунается три раза в море, поэтому баптисты используют его изображение для того, чтобы обозначить новую жизнь. На церковном аналое, на который кладут Библию, изображают орла с простёртыми в стороны крыльями, что символизирует божественное вдохновение и духовную силу» (Фоли 1996, с. 296).

Всеми индейскими племенами орёл «воспринимается как космический символ и почитается как воплощение света и неба» (Королёв 2003, с. 398).

Вырывание сердца у пленников – известный вид жертвоприношения ацтеков – по сути своей было жертвой, посвящённой солнцу – «Орлу».

Орлами называют себя также воины. Умереть на поле сражения или даже на жертвеннике врага было для них честью. Ведь смелые становятся

полубогами и участвуют в небесных празднествах (см.: Королёв 2003, с. 398).

Лебедь – «символ возрождения, чистоты, целомудрия, гордого одиночества, благородства, мудрости, пророческих способностей, поэзии и мужества, совершенства. Существуют представления о способности души странствовать по небу в образе лебедя. Сочетая в себе две стихии — воздуха и воды, лебедь является птицей жизни, и в то же время может олицетворять смерть. В связи с этим интересно противопоставление в мифах и сказках белого и черного лебедей (жизнь — смерть, добро — зло)» (Символы: смысл жизни или легенды? <http://www.odessapassage.com/arhiv/2005/jul2005/relaks116/index.php3>).

В Древней Индии считалось, что существует пара лебедей, которые есть Хам и Са, живущие в сознании Великого и питающиеся лишь медом цветущего лотоса знания. Птица Хамса, или Калаханса, — «Лебедь в Пространстве и Времени», символ Брамы, символическая птица, роняющая в Хаос яйцо, которое превращается во Вселенную.

В Древнем Китае лебедь — солнечная птица, янь.

В греко-римской традиции образ лебедя связан с Зевсом, Афродитой, Аполлоном, Орфеем.

В христианстве белый лебедь — это чистота, милосердие и символ девы Марии. Его предсмертная песня символизирует страдания мучеников и христианское смирение.

У кельтов лебединые божества имеют солнечную природу и являются благодетелями людей; они обладают способностью излечивать; символизируют щедрость, любовь и чистоту.

В славянской мифологии лебедь относится к почитаемым, «святым» птицам. На севере Руси лебедь «ставился» выше других птиц, о чем свидетельствует и сказочный сюжет о выборе царя птиц, которым становится белый лебедь (а не орел, как в других традициях) (см.: Символы: смысл жизни или легенды? <http://www.odessapassage.com...>).

Как считают буряты, якуты, зыряне, угорские остыки, румыны, украинцы и некоторые другие народы, убить лебедя — навлечь страшное несчастье. Девица-лебедь, у которой герой украл одежду из перьев, становится праматерью рода (у румын, славян, бурят). Лебедь — вожак стаи птиц, несущих душу шамана (эвенки)» (Общеевропейская стратегия сохранения благообразия: <http://sci.ana.ru/biodiv/ch:ids/pd25.htm>.).

Красота лебедя породила множество легенд про дев-лебедей. Они владеют тайной напитка бессмертия: сказочная Белая Лебедь — обладательница живой воды и молодильных яблок. Предание об основании Киева из «Повести временных лет» рассказывает о трех братьях Кие, Щеке, Хориве и сестре их Лыбеди, поселившихся на крутых горах над Днепром. Старший брат дал имя городу, двое других — горам Щекавице и Хоревице, а сестра — реке, и по сей день впадающей в Днепр (Символы: смысл жизни или легенды? <http://www.odessapassage.com/arhiv/2005/jul2005/relaks116/index.php3>).

В. Даль выделяет переносное значение номинации: «лебедь – ласкательное прозвище, особенно молодой пригожей женщины» (Даль 1981, т. I, с. 410). В качестве примеров автор использует ряд традиционных русских народных пословиц и поговорок: *Чужая жена лебёдышка, своя жена полынь горькая!*; *Сколько утка не бодрись, а лебедем (а гусем) не быть* (Даль, там же).

Интересно, что в алхимии белый лебедь символизирует стадию «первого сознательного соприкосновения с тонким миром... Лебедь – птица, которую редко можно увидеть в полёте, чаще – плывущей по озеру или реке, изящно скользящей по водной глади, а говоря символически – по поверхности души, тонкой оболочке между собственно душой и физическим миром» (Символика птиц в алхимии: <http://www.resist.gotic.ru/text/ptizy.html>).

Следует отметить, что номинация «лебедь» несёт в себе не только «положительные», но и «отрицательные» коннотации. Так, в «Энциклопедии знаков и символов» Джона Фоли находим: «Лебедь... также символ лицемерия, поскольку его белоснежное оперение скрывает чёрное тело... Популярный на вывесках «пабов», «лебедь с двумя шеями» служит также символом подкупа, развращённости и продажности» (Фоли 1996, с. 301).

Из вышесказанного заключаем, что в целом образ-символ «лебедь» несёт в себе положительную трактовку, являясь в большинстве традиций символом чистоты, совершенства, невинности и т.д.

Журавль «означает преданность и бдительность: согласно легенде, журавли собираются в круг для защиты своего короля, при этом одной ногой они стоят на земле, а другой сжимают камень: если журавль засыпает, камень падает и будит его» (Фоли 1996, с. 295).

В некоторых традициях журавль «выступает как вестник плодородия, приносящий дождь. В буддизме символизирует зиму. В китайской мифологической традиции журавли переносят по воздуху ангелов, сопровождают умерших, иногда с ними связана идея долголетия; в китайском искусстве журавль как одно из воплощений долголетия ассоциируется с кипарисом и сосной, в японском – с хризантемой и сосной. Согласно распространённым в Индонезии поверьям, журавль рождается из скалы, омываемой морскими волнами. В христианстве символ доброй жизни, верности, аскетизма» (Мифологическая энциклопедия. Животные в мифологии: Птицы: <http://myfhology.narod.ru/myth-animals/bird.html>). Журавли стали символом тоски по родному дому. В словаре В. Даля акцентирована ассоциативная связь журавля с теплом, весной, закреплённая в пословицах и поговорках: *И журавль тепла ищет, Журавль прилетел и теплынь принёс* (Даль 1981, I, с. 547).

Итак, образ-символ «журавль» имеет в основном «положительные» коннотации, являясь в большинстве своём символом доброй жизни,

верности, тоски по родному дому, долголетия, семьи, домашнего уюта, плодородия, изобилия.

Проведённый анализ некоторых номинаций птиц (родового и видовых) даёт основание констатировать, что в их семантике есть и общие «пространства», и неповторимые в разных культурных сферах, что подчёркивает единство ассоциативного мышления человечества и уникальность ментальности каждого этноса.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. – М., 1981.

Королёв К. Энциклопедия символов, знаков, эмблем. – М., 2003.

МакЛейн А. Символика птиц в алхимии:
<http://www.resist.gotic.ru/text/ptizy.html>.

Мифологическая энциклопедия. Животные в мифологии: Птицы:
<http://myfhology.narod.ru/myth-animals/bird.html>.

Общеевропейская стратегия сохранения благообразия:
<http://sci.ana.ru/biodiv/ch:ids/pd25.htm>.

«Пассаж»: Символы: смысл жизни или легенды?
<http://www.odessapassage.com/arhiv/2005/jul2005/relaks116/index.php3>.

Потебня А.А. Символ и миф в народной культуре. – М., 2000.

Похлёбкин В.В. Словарь международной символики и эмблематики. – М., 2001.

Словарь русского языка / Под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Изд-во «Русский язык», 1984. – Т. 1-4.

Словарь современного русского литературного языка: В 17-ти томах / Под ред. В.В. Виноградова и др. – М.Л.: Изд-во АН СССР, 1948–1965. – Т. 1-17.

Снесарев Г. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. – М., 1969.

М.Я. Розенфельд
 Воронежский ГУ

Методы выявления образа в структуре значения слова

Интенсивное развитие исследований в области изучения структуры лексического значения, начавшееся с открытием компонентного анализа в лексикологии, привело лингвистов к представлению о структурной организации лексического значения слова, о множественности типов компонентов, входящих в значение слова. Сторонники интегрального подхода к лексическому значению предлагают выделять в структуре значения слова помимо традиционных денотативного и коннотативного образный компонент. Понятие *образ* в лингвистике традиционно

связывают с образностью переносных значений и употреблений. Интегральный подход к значению слова рассматривает образность в более широком плане. Образный компонент значения – это «закреплённый за знаком обобщённый чувственно-наглядный образ обозначаемого предмета» (Стернин 1979, с. 129).

Так как исследование образного компонента значения слова началось сравнительно недавно, некоторые вопросы в этой области остаются нерешёнными. Нечётко очерчен круг слов, в структуру значения которых входят чувственные образы, требует более детальной разработки методика выявления и описания образа в структуре значения слова. *Цель нашего исследования* – определить, при помощи каких методов может быть выявлен образный компонент значения слова.

Информация о чувственных образах, связанных с тем или иным словом, содержится в словарной дефиниции. «Как бы ни старались некоторые исследователи провести водораздел между лингвистическим и экстралингвистическим, мир слов неотделим от мира вещей, и всякий толковый словарь является инвентарём не только слов, но и объектов знаний, составляющих достояние людей, говорящих на этом языке» (Гак 1971, с. 56). Следует отметить, что описание образа не является прерогативой толковых словарей, ибо словарная статья направлена прежде всего на описание понятийного компонента значения. Она отражает на метаязыке общепринятое значение слова, однако присутствие в словарной статье описания конкретного чувственного образа, связанного с тем или иным словом, может быть расценено как аргумент в пользу включения образного компонента в структуру значения данного слова.

Словарная дефиниция отражает образный компонент значения различными способами.

- «1) Она может перечислять внешние признаки предмета,
- 2) может отсылать к признакам другого предмета, т.е. указывать на подобие признаков,
- 3) вербальная дефиниция может указывать вес предмета,
- 4) на вкус предмета,
- 5) на звучание референта,
- 6) на характерный запах референта» (Стернин 1979, с. 142).

Образ – *чувственная* форма психического явления, объект исследования психологии. Сугубо лингвистические методы выявления образа в значении слова представляются неполными. Кроме того, как указывают В.В. Левицкий и И.А. Стернин, и лексикология, в принципе, нуждается в применении психолингвистических методов наравне с традиционными лингвистическими, ибо изучает лексическое значение, которое существенно отличается от реляционного и деревационного (объектов изучения фонологии и морфологии). «Там, где вступает в свои права идеальное, содержательное, а не материальное, формальное, поиски объективных методов познания становятся особенно трудными. Последние десятилетия в развитии языкоznания характеризуются усиленной

разработкой и применением психолингвистических методов для описания лексико-семантической системы» (Левицкий, Стернин 1989, с.4).

Образ в структуре значения слова может быть выявлен в ходе ассоциативного эксперимента. «Ассоциация – возникающая в опыте индивида закономерная связь между двумя содержаниями сознания, которая выражается в том, что появление в сознании одного из содержаний влечёт за собой появление другого» (Психологический словарь 1999, с. 26). Сегодня в психологии (и психолингвистике) выделяется несколько типов ассоциативного эксперимента:

«1. Свободный ассоциативный эксперимент – испытуемый в ответ на предъявляемое экспериментатором слово-стимул отвечает как можно быстрее первым пришедшем на ум словом.

2. Направленный ассоциативный эксперимент – отличие от свободного ассоциативного эксперимента состоит в том, что испытуемому предлагают отвечать не любым словом, а из ограниченной области» (Большой психологический словарь 2005, с. 672).

Обе экспериментальные методики могут быть востребованы при выявлении образного компонента значения слова, однако они преследуют различные цели.

Свободный ассоциативный эксперимент обычно даёт большое количество ассоциаций, но не все из них являются образными. Однако именно при помощи данной методики можно выявить слова, кодирующиеся в сознании испытуемых чувственными образами. Если в перечне реакций на слово-стимул есть ассоциаты, фиксирующие чувственные образы, по всей вероятности, в структуре значения такого слова присутствует образный компонент. Для детального исследования образа в структуре значения слова целесообразно провести направленный ассоциативный эксперимент. Испытуемым следует предложить описать всё, что они видят, слышат, чувствуют, когда экспериментатор произносит то или иное слово. Таким образом, свободный ассоциативный эксперимент (как и анализ словарных дефиниций) нацелен на выявление лексики с образным компонентом значения.

Направленный ассоциативный эксперимент позволяет актуализировать образы, связанные в сознании испытуемых с такими словами, определить степень яркости чувственных представлений, их специфику.

Рассмотрим, какая информация об образном компоненте значения слова может быть получена в ходе анализа словарной дефиниции и результатов ассоциативных экспериментов. В качестве материала исследования нами выбрано конкретное существительное *глаз* – одно из наиболее частотных в русском языке (по данным частотного словаря под редакцией Л.Н. Засориной).

*Анализ словарной дефиниции***Глаз**

1. Орган зрения, а также само зрение. *Чёрные, карие, серые, голубые глаза.*

2. Присмотр, надзор. *За ним глаз да глаз.*

3. Дурной взгляд, сглаз. *Бояться сглазу.*

4. С точки зрения кого-нибудь, в чём-нибудь понимании. *Россия глазами иностранца* (Ожегов, Шведова 1999, с. 131).

1) *Толкования, указывающие на внешние признаки предмета:* в примерах, сопутствующих толкованию первого значения содержится информация о чувственном образе: «чёрные, карие, серые, голубые глаза».

2) *Толкования, отсылающие к признакам другого предмета:* отсутствуют.

3) *Толкования, указывающие на вкус предмета:* отсутствуют.

4) *Толкования указывающие на вес предмета:* отсутствуют.

5) *Толкования, указывающие на тактильные ощущения:* отсутствуют.

6) *Толкования, указывающие на звучание референта:* отсутствуют.

7) *Толкования, указывающие на характерный запах референта:* отсутствуют.

В словарной дефиниции конкретного существительного *глаз* присутствует информация о зрительных образах. Она содержится в примерах, сопутствующих толкованию первого значения слова.

Результаты свободного ассоциативного эксперимента

Глаз: алмаз 58; голубой 23; зелёный 17; зоркий, око 16; острый 15; карий, очки 12; нос 11; синий 10; красивый 9; да глаз, зрение, меткий 8; большой 7; орлиный, ухо, чёрный 6; больной, верный, взгляд, видеть, за глаз, зрачок 5; выколоть, долой, намётанный, орла, стеклянный, человека, яблоко 4; бровь, веко, выбит, глас, красота, очи, слепой, смотреть, смотрит 3; ватерпас, всевидящий, выбрать, выколю, вытек, два, дурной, душа, закрыт, злой, как алмаз, красный, кривой, круглый, левый, намётан, один, орган, открыт, положить, пыль, свет, серый, синяк, тигра, умный 2; ophthalmos, аккомодация, бархатный, болит, большой и моргает, в небе, в раскос, вездесущий, видит, видит всё, вижу, внутренний мир, вон, врага, врач, выбили, выколотый, вырву, Глазов, говорящий, голубые, Гребенщиков, дайте мне, дать в глаз, домой, дурак, завязанный, заплыл, засорился, злобный, зеркало, зрелище, зрячий, карие, класс, косметика, косой, которым видят, красивые, лаз, лиловый, линза, лицо, ловелас, любопытный, мерцает, моргает, навыкать, на глаз, не алмаз, не видит, небо, недобрый, недремлющее, нет, огни, окно, оно, орган зрения, открылся, открытый, Павлика, паз, палочка, перчатки, пирамида, плакат, подбит, подбитый, подглядывать, покраснел, полуприкрытый, правый, прекрасное, прищуренный, птицы, пузо, раскосый, раскосые, рассказ, ресница, ресницы, ресничка, рефлекс, рыба, сглазить, сердце, сетчатка, символ, смотров, сова, совесть, сокол, соколиный, солнце, страх, твой,

точный, трагедия, трупа, тьма, Фёдоров и офтальмология, хирурга, хитрый, хорошее зрение, цвет, циклон, человек, человеком, человеческий, чешется, широко, ярко горящий, ясный 1; 505. Отказы – 6 (Русский ассоциативный словарь 1994, с. 34).

Обсуждение результатов свободного ассоциативного эксперимента

В ходе свободного ассоциативного эксперимента получено 505 реакций.

Ассоциации, которые могут быть квалифицированы как образные: 280 – 55,5% (голубой 23; карий 12; очки 12; ухо 6; пыль 2; синяк 2; большой и моргает 1 и т.д.).

Судя по данным свободного ассоциативного эксперимента, в структуре значения конкретного существительного *глаз* присутствует образный компонент.

Для более детального выявления и описания образного компонента значения данного слова нами был проведён направленный ассоциативный эксперимент. Участники эксперимента – студенты младших курсов Воронежского государственного университета (100 человек). В ходе эксперимента испытуемым была предложена инструкция: «Опишите всё, что вы себе представляете в связи со словом *глаз*».

Результаты направленного ассоциативного эксперимента

Глаз: длинные ресницы 20; человеческий глаз 10; большой глаз; выразительный взгляд 8; зелёный глаз; голубой глаз; чёрные ресницы 7; чёрный зрачок 5; очки; блестящие глаза; циклоп; веки 4; слёзы; карие глаза; широко раскрытые глаза 3; круглый глаз; бровь; чёрный круг внутри цветного; овальный глаз; кошка смотрит на мышь; окулист; наша планета – вид из Космоса 2; женский глаз; левый глаз; накрашенный глаз; красный глаз; три глаза; процесс восприятия чего-либо; весёлый взгляд; глубокий взгляд; книга; рисунок: глаза синей ручкой; свет вокруг земли; фингал; инвалид без глаза; окно; я крашу глаза; я смотрюсь в зеркало; красивая природа; лицо мужчины; ведьма; озеро с прозрачной водой – вокруг деревья 1; 100. Отказы – 0.

Обсуждение результатов направленного ассоциативного эксперимента

В ходе направленного ассоциативного эксперимента получено 136 реакций.

Ассоциативные реакции можно разбить на классификационные группы. По перцептивному основанию образы подразделяются на зрительные, слуховые, осязательные, обонятельные, вкусовые, болевые, температурные. По доминирующему содержательному признаку – на статические и

динамические. По степени ситуативности – на ситуативные и внеситуативные.

Зрительные образы: 136 – 100% (длинные ресницы 20; человеческий глаз 10; большой глаз 8 и т. д.).

Слуховые образы: отсутствуют – 0% .

Осязательные образы: отсутствуют – 0%.

Вкусовые образы: отсутствуют – 0%.

Обонятельные образы: отсутствуют – 0%.

Болевые образы: отсутствуют – 0%.

Температурные образы: отсутствуют – 0%.

1. *Статические образы*: 108 – 79% (книга 1; рисунок глаза синей ручкой 1 и др.).

Динамические образы: 28 – 21% (я крашу глаза 1; я смотрюсь в зеркало 1 и др.).

2. *Ситуативные образы*: отсутствуют – 0%.

Внеситуативные образы: 136 – 100%.

Можно квалифицировать как динамический образ «глаз широко раскрыт 3». Хотя картинка статична, испытуемый в данном случае описывает результат действия (на что указывает страдательное причастие). В статичном образе присутствует «свёрнутая» динамика. Присутствие процессуальных образов среди ассоциаций предметного существительного, вероятно, обусловлено самой природой чувственного восприятия. Любой образ по сути своей динамичен, процессуален.

Интересен ассоциат «озеро с прозрачной водой – вокруг дерева 1». В чувственном представлении реализуется метафора «глаз, как озеро». Ученые, изучающие природу метафоры, – среди них Дж. Миллер, Дж. Лакофф, М. Джонсон – указывают, что большинство языковых метафор рождается из чувственных образов. Вероятно, данная метафора имеет чувственную основу. В эксперименте мы наблюдаем визуализацию уже самой метафоры.

Большая часть образных ассоциаций, возникших у испытуемых в связи с конкретным существительным *глаз*, соотносится с первым денотативным значением слова – «1. Орган зрения, а также само зрение» (Ожегов, Шведова 1999, с. 131).

Зрительный образ «ведьма 1», видимо, связан не с первым денотативным значением слова. Он соотносится со значением «3. Дурной взгляд, сглаз». (Ожегов, Шведова 1999, с.131). С образом в сознании испытуемых может связываться не только прямое значение предметного существительного, но и переносное. Можно предположить, что чувственный образ присутствует не только в смысловой структуре конкретных существительных, но и абстрактных.

В перечне образных ассоциаций на конкретное существительное *глаз* преобладают зрительные статические внеситуативные образы.

Таким образом, образный компонент значения слова может быть выявлен при анализе словарных дефиниций лексемы, а также в ходе

свободного ассоциативного эксперимента и направленного ассоциативного эксперимента. Словарные толкования и данные свободного ассоциативного эксперимента лишь косвенно свидетельствуют о наличии образа в структуре значения слова. Более подробно описать образный компонент значения позволяют результаты направленного ассоциативного эксперимента.

Надо отметить, что психолингвистический эксперимент, нацеленный на выявление образных ассоциаций слова, изначально сопряжен с некоторыми трудностями. В ходе подобных экспериментов все участники поставлены перед извечной психологической проблемой объективизации субъективного: образ по своей сути субъективен. Для адекватного описания уникальных чувственных образов испытуемым может просто не хватать слов. Возможно, приблизит к решению этой проблемы применение иных экспериментальных методик. Можно, например, предложить испытуемым нарисовать то, что они видят в связи с тем или иным словом. Однако применение данной методики влечет за собой ряд новых проблем. Участники эксперимента могут не уметь рисовать, не иметь под рукой необходимого цветового набора красок. Схематичное изображение не всегда соответствует реальному зрительному образу, хотя некоторые объекты действительности, очевидно, запечатлены в сознании в виде картинок-схем. Эти вопросы еще требуют разрешения.

Большой психологический словарь / [под ред. Б.Г. Мещерякова, С.П. Зинченко]. – С-П.: Прайм-ЕвроЗнак, 2005. – 672 с.

Гак В.Г. От толкового словаря к энциклопедии языка / В.Г. Гак // Изв. АН СССР. Сер. Лит. и яз. – 1971. – Т. 30. – Вып. 6.

Левицкий В.В. Экспериментальные методы в семасиологии / В.В. Левицкий, И.А. Стернин. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1989. – 191 с.

Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – 4-е изд., дополненное. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.

Психологический словарь / [под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко]. – М.: Педагогика – Пресс, 1999. – 440 с.

Русский ассоциативный словарь. Кн. 1 / [под ред. Ю.Н. Караулова, Ю.А. Сорокина, Е.Ф. Тарасова, И.В. Уфимцевой и др.]. – М., 1994. – 223 с.

Стернин И.А. Проблемы анализа структуры значения слова / И.А. Стернин. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1979. – 157 с.

Лексико-семантическое поле «учитель» в современном английском языке

Предпринятое нами исследование имеет своей целью попытку внести определенный вклад в исследование концепта «учитель» в современном английском языке.

А.В. Рудакова в своей монографии «Когнитология и когнитивная лингвистика» перечисляет следующие методы и приемы исследования содержания и структуры концептов:

- 1) определение ключевого слова, представляющего концепт в языке;
- 2) построение и анализ семанты ключевого слова, вербализирующего концепт в языке;
- 3) анализ лексической сочетаемости ключевого слова;
- 4) экспериментальные методики;
- 5) анализ синонимов ключевого слова;
- 6) построение лексико-семантического и лексико-фразеологического полей ключевого слова;
- 7) построение деривационного поля ключевой лексемы;
- 8) построение лексико-грамматического поля ключевого слова;
- 9) анализ паремий и афоризмов, объективирующих концепт в языке;
- 10) анализ художественных текстов;
- 11) анализ устного, разговорного словоупотребления;
- 12) контрастивный анализ эквивалентных по прямому значению лексем разных языков (Рудакова 2002, с. 62-67).

Ключевое слово наиболее часто представляет концепт в речи, осуществляет базовую вербализацию концепта. Полагаем, что в нашем случае таким словом является лексема «teacher».

Далее была построена и проанализирована семанта ключевого слова. Для этого необходимо выявить все семемы, которые оно способно обозначить через изучение словарных толкований этой лексемы по возможно большому числу словарей.

Анализ семанты «teacher» может быть представлен следующим образом.

В современных толковых словарях английского языка даются следующие толкования слова *teacher*:

Teacher is a person who teaches something, especially a profession, instructor. [Webster's New World Dictionary]

Teacher – someone whose job is to teach [Macmillan English Dictionary].

Как видно из данных толкований, определение слову дается через однокоренной глагол. Согласно правилам словообразования, существующим в английском языке, слово *teacher* является производным от глагола

to teach и образовано с помощью суффикса *-er*, который имеет значение: лицо, совершающее определенное действие. Таким образом, более полное толкование слову *teacher* можно дать только через определение соответствующего глагола.

To teach

1) *to help students to learn something in a school, college, university etc by giving lessons. 1a) to help someone to learn a skill by showing them how to do it; 1b) Am E to work as a teacher in a school, college etc.*

2) *to change the way someone behaves or the way someone thinks or feels about something [Macmillan English Dictionary].*

Следовательно, в английском языке под словом *учитель* понимается лицо, которое помогает учащимся в определенном учебном заведении, например, овладеть каким-то навыком или лицо, способное изменить чье-либо поведение или образ мыслей и чувств.

Следующим этапом нашей работы было пополнение синонимического ряда ключевого слова с помощью словарей синонимов и через анализ художественных и научно-публицистических текстов. Анализ синонимов ключевого слова, вербализирующего концепт в языке, дает возможность выявить дифференциальные признаки данного концепта, появляющиеся при сопоставлении лексем, принадлежащих к синонимическому ряду.

В результате анализа англо-английских одноязычных толковых словарей, а также словарей синонимов и словарей тезаурусного типа было выявлено определенное количество лексических единиц. Однако не все из этих лексических единиц были найдены при анализе текста современной английской художественной и научно-публицистической литературы. Так, общее количество лексических единиц группы - 42. Из них при анализе текстов было найдено только 22 единицы. Среди проанализированных нами 124 примеров словоупотреблений лексических единиц данной группы были встречены следующие слова, представленные ниже в порядке убывания частотности:

Teacher – 30

Headmaster/headmistress – 20

Schoolmaster – 16

Tutor – 10

Professor – 7

Don – 5

Governess – 4

Lecturer – 3

Supervisor – 3

Staff member -3

Educationalist – 2

Director of Studies - 2

Bulldog -1

Dean -1

Instructor – 1

Sir – 1

Clerk of the board – 1

Visiting speaker – 1.

Анализ словарей позволил выявить следующие лексические единицы, также относящиеся к лексико-семантическому полю «учитель»: *fellow, baby-sitter, pedagogue, coach, academician, adviser, missionary, expositor, examiner, propagandist, disciplinarian, mentor, swami, trainer, rabbi, educator, preceptor, counselor, reader, schoolmarm, academic, maestro, invigilator, proctor*.

Следующим этапом нашего исследования было структурирование полученной нами лексической группировки. Для этой цели полученный итоговый список исследуемых единиц был разделен на смысловые группы, определено ядро и периферия исследуемой группировки.

Ядро поля составляют лексемы с высокой частотностью, наиболее общие по значению, используемые в прямом значении, стилистически нейтральные, без эмоционально-экспрессивных и темпоральных ограничений и в минимальной степени зависящие от контекста. В ядре выделяется центр. Частотность лексем, входящих в центр ядра, намного превышает частотность других единиц.

Основными признаками лексем, относящихся к ближней периферии, являются меньшая по сравнению с ядром частотность, стилистическая нейтральность, отсутствие ограничений в употреблении, минимальная зависимость от контекста.

Дальняя периферия включает в себя языковые единицы с невысокой частотностью, как однозначные, так и многозначные. В эту группу, в отличие от предыдущих групп, входят преимущественно лексемы со стилистическими и эмоционально-экспрессивными ограничениями.

Единицы крайней периферии характеризуются низкой частотностью. Большинство слов имеют яркие стилистические и эмоционально-экспрессивные семы. К крайней периферии относятся устаревшие слова, поскольку они малоупотребительны или же употребляются не в основном значении. К данной группе слов относятся также лексемы, которые в основном значении входят в другую лексико-семантическую группировку, а данное значение является периферийным в их смысловой структуре.

Исходя из вышесказанного, ядром лексико-семантического поля «учитель» в английском языке являются следующие лексические единицы: *teacher, master/mistress (headmaster/headmistress, Latin Master, house master), tutor*.

Данные лексические единицы имеют наиболее общее значение, стилистически нейтральное и не зависящее от контекста.

В ближнюю периферию входят слова: *professor, lecturer, educationalist, instructor, coach, supervisor*. Данные слова имеют в своем составе те же самые семы, что и ключевое слово. Однако, они также имеют ряд дифференциальных сем, отличающих значение данной лексической единицы от значений других единиц ряда.

Так, *professor* – это преподаватель наивысшей категории на факультете в университете (Br E) или преподаватель университета или колледжа (Am E).

“Each student is examined personally in written English by the **professor** which meant that I had two hundred papers to correct”

Instructor – младший преподаватель высшего учебного заведения (проводит учебные занятия, а также занимается исследовательской работой), эту роль часто выполняют аспиранты.

“He taught 12 hours a week. These with frequent quizzes produced a heavy pile of paper which the **instructor** laboured to stay abreast of... Not that he used every minute earning his salary, but being new at the business he needed time to himself.”

К дальней и крайней периферии относятся следующие лексические единицы: *don, staff member, director of studies, dean, clerk of the board, visiting speaker, fellow, baby-sitter, pedagogue, academician, adviser, missionary, expositor, examiner, propagandist, disciplinarian, mentor, swami, trainer, rabbi, educator, preceptor, counselor, reader, schoolmarm, academic, maestro, invigilator, proctor*.

В одних случаях некоторые из этих слов имеют в своем денотативном компоненте сему «обучающее лицо», но эта сема является слабой. По степени яркости различают яркие и слабые семы (Стернин 2004, с. 50). Яркие семы осознаются носителями языка как центральные для данного значения, они первыми приходят на ум, когда носитель языка формулирует значение слова. Слабые семы уступают ярким семам по степени выраженности в языке. Можно также сказать, что данные слова по своему основному значению входят в другую лексико-семантическую группировку, а данное значение является периферийным в их смысловой структуре.

Такими словами являются, например: *dean, pedagogue, missionary, fellow, examiner, reader* и другие. Так, в слове *reader* яркой семой является сема «лицо, читающее что-либо», а сема «преподаватель в университете» является слабой. В слове *examiner* яркой является сема «лицо, проверяющее знания». Именно в силу этой причины данные слова не могут быть отнесены к ближней периферии лексической группировки.

Некоторые другие слова из дальней периферии имеют ярко выраженный коннотативный компонент, т.е. передают определенную оценку или эмоцию.

Так, слово *schoolmarm* обозначает «1) старомодная, пунктуальная, любящая читать наставления женщина 2) школьная учительница» и рассматривается как разговорное и презрительное (Томахин 1989).

В большинстве случаев оценка функционирует в согласовании с эмоцией (согласованная коннотация). Например, *Bulldog* – помощник инспектора, сопровождающий его во время обхода университета (неодобр, пренебреж.).

Однако, встречаются и случаи несогласованной коннотации, например, *Sir* – форма обращения и обозначения учителя-мужчины в школе (неоцен., уважит.).

Ряд слов дальней и крайней периферии имеют функциональный макрокомпонент в своем структурно-языковом значении, т.е. слова дают информацию об особенностях их функционирования в речи. При этом может подчеркиваться стилистическая принадлежность слова (книжная, межстилевая, разговорная, сниженная лексика), территориальная принадлежность (общераспространенная, региональная лексика), темпоральная принадлежность слова (современная, устаревшая лексика).

Приведем примеры таких лексических единиц.

Pedagogue – учитель, который использует строгие и старомодные методы (книж.), учитель (уст.)

Don – член совета колледжа, преподаватель (Oxbridge), преподаватель (Winchester College).

Кроме того, к крайней периферии поля могут быть отнесены слова, заимствованные из других языков, но имеющих центральное значение изучаемой лексической группировки в качестве слабой семы. Например, такие слова как *guru*, *swami*, *maestro*.

Guru – человек, уважаемый людьми и способный дать совет в определенной области (в осн. в журналистской терминологии), религиозный и духовный лидер, особенно в индуизме.

Maestro – музыкант, особенно в оркестре, который очень уважаем и почитаем, очень умелый человек.

Swami – религиозный учитель у индусов.

Семантическое описание единиц поля

Полагаем, что в лексических единицах лексико-семантического поля «учитель» в английском языке реализуются следующие семантические признаки:

- 1) место работы
- 2) характер работы.

Общим семантическим признаком всех лексических единиц данной группы является «лицо, задействованное в процессе передачи знаний и опыта». Остановимся на каждой из данных микрогрупп, выделенных на основе реализуемых в них семантических признаках.

Место работы. В основе лексической структуры слов данной микрогруппы лежит общий семантический признак – «лицо, работающее в учебном заведении». Помимо общего семантического признака, лексические единицы данной микрогруппы имеют определенные семные конкретизаторы:

- лица, работающие в начальной и средней школе;
- лица, работающие в высшем учебном заведении;
- лица, работающие вне учебного заведения (дома или на курсах).

В соответствии с семным конкретизатором «лица, работающие в начальной и средней школе» можно сгруппировать следующие лексические единицы: *teacher, master/mistress (Latin maser, school master), headmaster/headmistress, examiner, Sir, disciplinarian, schoolmarm*. Проиллюстрируем это примерами из текста.

“As our school is so big we have very many **teachers**: a **Head Mistress**, a **Deputy Head** and about forty **teachers**.”

“Many other comprehensives divide pupils by years with a special **year mistress** who remains with her pupils as they go up the school.”

“However, Mr. Lees, **the Latin Master**, confirmed the report.”

“An outstanding feature of English education is that the **Headmaster** and the staff of each school are responsible for devising their own syllabuses.”

“**The Headmaster** is assisted by a staff of 40 **teachers**”

“**The Headmaster** has two **Deputy Heads**. **The First Deputy** carries a heavy load of mixed responsibilities, including discipline and the in-service training of **teachers**. **The Second Deputy** is mainly responsible for timetabling and staff problems.”

В соответствии с семным конкретизатором «лица, работающие в высшем учебном заведении» группируются следующие слова: *tutor, don, professor, lecturer, visiting speaker, instructor, fellow, director of studies, supervisor, dean, reader, academic, bulldog*.

Вот какое толкование названий лиц, работающих в высшем учебном заведении в Великобритании и в США дается в словаре английского языка Макмиллана:

«В Британском университете или колледже высшего образования начинающий работу является **a lecturer**, затем становится **a senior lecturer**, затем **a reader** и, в конечном итоге, **a professor**. В Британском английском слово **professor** обозначает университетского преподавателя высокого ранга, обычно того, кто отвечает за других преподавателей по своему предмету. В США **professor** – это просто преподаватель в университете или колледже. Существует следующая система. Сначала преподаватель называется **an assistant professor**, затем становится **an associate professor** и, в конце концов, **a full professor**.»

Лингвострановедческий словарь «Великобритания» дает следующую информацию по поводу интересующих нас лексических единиц:

«**Tutor** – 1) руководитель группы студентов, наставник, обыкновенно младший научный работник = *fellow*, в некоторых университетах лектор = *lecturer*.

2) учитель на курсах для взрослых

3) репетитор = *private tutor*.

Don – 1) преподаватель, член совета колледжа.

Dean – декан факультета (в университете).

Supervisor – методист, руководитель (направляет работу студентов во время практики или младшего научного сотрудника).

Fellow – 1) член совета колледжа; 2) младший научный работник колледжа или университета (занимается исследованием в какой-либо области, преподает или совмещает научную деятельность с педагогической.»

Г.Д. Томахин в «Лингвострановедческом словаре США» пишет следующее:

«**Instructor** – младший преподаватель высшего учебного заведения (проводит практические занятия, эту роль часто выполняют аспиранты)».

В.В. Кабакчи в «Англо-английском словаре русской культурной терминологии» (Кабакчи 1997) разделяет значения слов *academic* и *academician*, делая ссылку на Oxford Encyclopedic English Dictionary (OED):

«**Academician** – член Академии, академик.

Academic – учитель в университете или высшем учебном заведении – a teacher or scholar in a university or institute of higher education (OED)».

Проводя аналогию с русским языком, можно сделать вывод о том, что в данном случае мы имеем дело с понятием формального изоморфизма, т.е. совпадением формы слова, не подкрепленного совпадением значения; такие слова также известны под названием «ложных друзей переводчика» - при совпадении звучания и написания слова создается иллюзия, что слова также имеют одинаковое значение. Русскому слову *академик* соответствует английское слово *academician*, а не слово *academic*. Среди найденных нами лексических единиц английского языка были встречены и другие случаи формального изоморфизма. Например, слово *pedagogue* обозначает «учитель, который использует строгие или старомодные методы (форм.) или учитель (уст.)». При этом в русском языке соответствующее по звучанию и написанию слово *педагог* имеет несколько другое значение, более широкое и лишенное функционально-времпоральной и функционально-стилистической сем. «*Педагог* – 1) специалист по педагогике 2) специалист, занимающийся преподавательской и воспитательной работой».

Слово *mentor* обозначает «лицо, обладающее богатым опытом и помогающее тем, кто имеет меньше опыта в какой-либо сфере, особенно в профессиональной деятельности». В русском языке слово *ментор* имеет функционально-стилистические и функционально-времпоральные особенности, т.к. является формальным и устаревшим и обозначает «наставник, воспитатель, слишком настойчивый в своих поучениях»

Следующая группа слов не входит в вышеперечисленные микрогруппы, так как лица, обозначенные данными лексическими единицами либо не работают в каком-либо учебном заведении вообще (*governess, baby-sitter, missionary, propagandist, mentor, swami, rabbi, maestro, counselor*), либо осуществляют обучающую деятельность дома или на курсах (*tutor/private tutor, instructor, coach*).

На основе семантического признака **характер работы** отобранные нами лексические единицы можно разделить на следующие микрогруппы:

- 1) лица, осуществляющие непосредственно обучающую деятельность;
- 2) лица, осуществляющие воспитательную (корректирующую) деятельность;
- 3) лица, осуществляющие управленческую деятельность;
- 4) лица, осуществляющие научно-исследовательскую деятельность.

Микрогруппа «лица, осуществляющие непосредственно обучающую деятельность» наиболее многочисленна, в нее входят следующие лексические единицы: *teacher, tutor, don, professor, academic, lecturer, visiting speaker, reader, master/mistress, director of studies, supervisor, instructor, mentor, fellow, coach, trainer, schoolmarm, educator* (Am.E.). Остановимся подробнее на тех лексических единицах, чье значение еще не было объяснено в нашей работе.

Directors of studies – это преподаватели, руководящие составлением индивидуальных планов занятий для каждого студента и наблюдающие за их выполнением.

Supervisors – руководители практических занятий студенческих семинаров.

Следующий пример из текста книги “A Book of Britain” наглядно показывает значение вышеназванных слов.

“Last there are the **Directors of Studies** and their assistants, **the Supervisors**. They arrange times for lessons, called “supervisions”, and suggest books to read and classes or lectures to attend”

Следующей по многочисленности является микрогруппа «лица, осуществляющие воспитательную (корректирующую) деятельность»: *governess, baby-sitter, pedagogue, missionary, propagandist, disciplinarian, swami, rabbi, preceptor, protector, Bulldog*.

Governess – женщина, чьей работой является присматривать за детьми своего работодателя и обучать их в их доме, особенно было распространено в прошлом.

Baby-sitter – лицо, чьей работой является прийти домой и присмотреть за детьми работодателя в то время, когда родители ребенка отсутствуют (в американском варианте это же значение выражается словом *childminder*).

Missionary – лицо, которое было послано в другую страну религиозной организацией, чтобы обучать людей в этой стране определенной религии.

Propagandist – лицо, пытающееся влиять на мнения и точки зрения людей, особенно используя недостоверную информацию.

Disciplinarian – лицо, которое полагает, что люди должны соблюдать правила и наказывает тех, кто не подчиняется правилам.

Preceptor – лицо, требующее соблюдения определенных правил, инструкций, норм, регулирующих правильное поведение (формальн.)

Protector – административное лицо в университете, в чьи обязанности входит надзор за поведением студентов и наложение дисциплинарных взысканий.

“Discipline out of College is the responsibility of two **Dons** appointed by the University, called **Protectors**”

Bulldog – помощник инспектора, сопровождающий его во время обхода университета (разг.)

“Each evening a **Protector** with two assistants, called **Bulldogs**, in full morning dress and top hats, wanders about the town, keeping an eye on the students’ behaviour”

В микрогруппу «лица, осуществляющие управленческую деятельность» входят следующие лексические единицы: *educationalist, educator (Br.E.), dean, headmaster/headmistress, Second Master, House Master*.

Educationalist – эксперт в области образования. Слово *educator* преимущественно используется в американском варианте и, помимо названного значения, имеет более широкое значение «лицо, обучающее или связанное с управлением школой».

Dean – декан факультета в университете, ректор, директор колледжа высшего образования.

“Then here is **the Dean** who is in charge of the discipline among the 300 students inside college”

Headmaster/headmistress – директор частной средней или общеобразовательной школы.

Second Master, assistant headmaster, Deputy Headmaster – помощники директора, завучи.

“Sure enough, as soon as second school began, I was summoned to **the Headmaster’s office**. Besides the old man there was **the Deputy Headmaster, the senior House Master, the gym Master**”.

Микрогруппа «лица, осуществляющие научно-исследовательскую деятельность» включает в себя следующие единицы: *professor, fellow, academician*.

Кабакчи В.В. Англо-английский словарь русской культурной терминоло-гии. – СПб, 1997.

Рудакова А.В. Когнитология и когнитивная лингвистика. – Воронеж, 2002.

Стернин И.А. Контрастивная лингвистика. – Воронеж, 2004.

Томахин Г.Д. Лингвострановедческий словарь. США. – М., 1989.

Т.Н. Панкова
Воронежский ГУ

Метафорические значения лексем *дерево, ствол, стебель* в английском языке

Несомненно, что важную роль в становлении лексической системы любого языка играет метафора: она является источником новых значений слов, которые могут выполнять ряд различных функций. Следовательно,

можно говорить о том, что существует как нечто общее, так и различное в способе и частоте образования многозначных единиц и обусловленности их спецификой системы конкретного языка.

Данная статья посвящена проблеме выявления национальной специфики вторичной и образной номинации в английском языке. Объектом предлагаемой работы были выбраны лексические единицы дерево, ствол, стебель. Цель исследования заключается в изучении направлений метафорических переносов данных лексических единиц.

Следует отметить, что метафоризируются слова, называющие как дерево, так и его части.

Лексическая единица *tree*, как и её соотносимый русский эквивалент, имеет прямое значение “дерево, древо”, переносное значение этой лексемы – “родословная”, то есть *family tree*. Таким образом, данную метафору можно назвать межъязыковой, поскольку она существует и в русском, и в английском языках.

Анализ выражения *the tree of knowledge* – “древо познания” и его вариантов формы *the tree of knowledge of good and evil* – “древо познания добра и зла”, позволяет прийти к выводу, что это тоже межъязыковая метафора, имеющая библейскую этимологию.

Если говорить о двух следующих значениях *tree*, *Tyburn tree* – “виселица” и *tree* – “стойка, подпорка”, то представляется возможным предположить, что метафорический перенос в обоих случаях осуществляется по признакам «форма» и «функция», поскольку ствол дерева имеет цилиндрическую форму и служит его основой, выполняя опорную функцию. Следует отметить, что данные значения не являются широко распространёнными в языковой практике: *tree*, *Tyburn tree* используется в сленге, *tree* в значении «стойка, подпорка» малоупотребительно. В данном случае направлением метафорического переноса является растение – артефакт.

Выражение *be at the top of the tree* = *get to the top of the tree* = *be at the top of the ladder* – быть на вершине дерева, быть на вершине лестницы – имеет значение “стоять во главе, занимать видное или ведущее положение (особенно в какой-либо профессии), занимать видное общественное положение”. Например: *I'd be your patron Tom. I'd take you under my protection. Let me see the man who should give the cold shoulder to anybody I chose to protect and patronize, if I were at the top of the tree, Tom.* (Ch. Dickens, “Martin Chuzzlewit”, ch. XII). Я буду вашим покровителем, Том. Я возьму вас под свою защиту. Пусть-ка кто-нибудь попробует обойтись пренебрежительно с тем, кого я возьму под свою защиту и покровительство, если мне удастся выдвинуться.

He is such an ass; and yet he's had wit enough to get to the top of the tree, and to keep himself there. (A. Trollope, «The Last Chronicle of Barset», ch. XXXV). Он такой осёл, и всё же у него хватило ума взобраться на самую высокую ступеньку общественной лестницы и удержаться там.

Можно предположить, что в данном случае метафорический перенос осуществляется по признаку «положение в пространстве» (наверху), из природной сферы в социальную сферу.

Американское выражение *up a tree* = *up a gum tree* = *up a gum-tree* имеет значение «попавший в ловушку, в тяжелое или безвыходное положение».

Другое американское выражение *go up a tree* имеет два переносных значения «быть вздёрнутым, повешенным» и «быть в очень затруднительном или безвыходном положении», то есть второе значение данного выражения совпадает со значением выражения *up a gum tree*. Думается, что возникновение данного значения связано с тем, что нахождение наверху дерева может обуславливаться ситуацией, в которой трудно или невозможно с него спуститься. Не случайно прямым значением лексемы *gum* является «резина» или «клей». Следовательно, отсутствует какая-либо опора, возможно, не за что зацепиться, так как резина – гладкая, поэтому спуститься не представляется возможным. Например: *I had her in my power – up a tree, as the Americans say* (W. Thackeray, “Major Cahagan”, ch. V). Она была в моей власти, я её «загнал на дерево», как говорят американцы.

He was deplored the dreadful predicament in which he found himself, in a house full of old women, jabbering French and Italian, and talking poetry to him. «Regularly up a tree, by Jingo!» exclaimed the modest boy... (W. Thackeray, «Vanity Fair», ch. XXXIV). Он сетовал по поводу ужасного положения, в котором оказался, – в доме, полном старух, болтающих по-французски и по-итальянски и декламирующих ему стихи.

Вот вломался-то, честное слово! – воскликнул скромный юноша...

And we are really up a gum tree to find a way out (Th. Dreiser, «America Is Worth Saving», ch. XVI). И мы находимся в исключительно тяжёлых условиях, стремясь найти выход из создавшегося положения.

Лексема *to tree* – одеревенить, сделать деревянным – имеет два переносных значения: «поставить в безвыходное положение» и «растягивать, расправлять обувь на колодке». В первом случае метафорический перенос осуществляется по признакам «твёрдость структуры», «отсутствие гибкости, подвижности», поскольку утрата подвижности имеет своим следствием невозможность изменить положение тела. Это может быть соотнесено с невозможностью изменить ситуацию, а соответственно, вообще что-либо изменить. Во втором случае перенос происходит, вероятно, по признаку «форма», поскольку обувь принимает форму этого «дерева», то есть колодки.

Лексическая единица *stem* имеет прямое значение «ствол, стебель». Переносное же значение этой лексемы – «черенок, рукоятка какого-либо инструмента». Думается, что это произошло потому, что в данном случае «ствол» является исходной частью, основой, от которой отходят определённые части, изначально – основа для веток. Метафорический перенос осуществляется по признакам «основная, исходная часть» и «форма».

Данная единица может также иметь значение «препятствие, нечто затрудняющее процесс». Появление этого значения может быть обусловлено тем, что на лесной дороге упавшие или специально сваленные деревья мешали движению и, как следствие, возникло значение «препятствие».

Следующим значением лексемы *stem* является «ножка (бокала)». В данном случае представляется оправданным объединение двух признаков метафорического переноса: «основная, исходная часть» и «форма».

Говоря о двух других значениях лексемы *stem* – «головка часов» и «гроздь (бананов)», мы можем предположить, что и первом, и во втором случае обозначаемый предмет выполняет одну функцию: является тем, на чём что-либо держится, то есть выступает в качестве основы. Следовательно, метафорический перенос осуществляется по признаку «функция».

Анализируя два следующих значения лексической единицы *stem* – «род, племя» и «основа (как грамматическое понятие)», представляется целесообразным говорить о том, что в этом случае перенос происходит по признаку «основная, исходная часть».

Что касается трёх последних значений данной лексемы «нос судна», «стержень, вал, короткая соединительная деталь» и «вертикальный штрих буквы (как полиграфическое понятие)», то тут представляется возможным осуществление метафорического переноса по признаку «форма».

Таким образом, полисемичность рассмотренных английских лексических единиц свидетельствует о их релевантности в языковом сознании носителей языка, а анализ признаков, по которым осуществляется метафорический перенос, указывает на то, что наиболее востребованными из них являются: форма, функция, структура. Возможны также метафоры, основанные на ассоциациях с определёнными ситуациями исторического или бытового характера.

Е.О. Атланова
Краснодарское ВВАУЛ

Слово «мачо» в русском языковом сознании

В ряду многочисленных иноязычных заимствований в русском языке, особый интерес вызывает слово «МАЧО». Слово интересно тем, что является одним из немногих слов, заимствованных из испанского языка, так как традиционно большинство заимствований приходит из английского. Также оно не вписывается в общую систему сфер заимствования: это не политический термин, не экономический, не обозначение нового явления в спорте, информационных технологиях, это не наименование человека по роду деятельности и не техническое

новшество, а слово, обозначающее определенную модель сексуального поведения.

Активное использование слова в газетах, рекламе, речи, Интернете, телевизионных передачах делает его популярным, востребованным в разных сферах жизни (спорте, политике и др.): «... они в тайне завидуют своей соотечественнице Мартине Хингис, которая пусть и не так долго, около года, но была официальной герл-френд испанского мачо. (...) Сам же мачо на поле, разумеется, ни о каких глупостях не думал и старался в полной мере подтвердить статус фаворита этого турнира». «Из Грызлова хотят сделать мачо. (...) Видимо, "медведи" сочли советы о том, как стать "мачо", отнюдь не лишними при ведении избирательной кампании».

Слово используется в названиях современных песен: «Мачо» Земфиры А. Малинина, Лолиты, группы «Воровайки». В современной беллетристике слово активно используется в титуляции книг: Илья Стогоff «Мачо не плачут», Татьяна Полякова «Эксклюзивный мачо», Е. Костюченко «Сафари для русских мачо», Давыдов С.В. «Компьютер для мачо», на экраны вышел телевизионный сериал «Семь мачо».

Столь разнообразное всестороннее использование номинации в речи, СМИ, книгоиздательской деятельности – показатель того, что слово вызывает интерес, повышенное внимание говорящих, и подчеркивает его важную роль при коммуникации.

Какое же значение имеет данное слово в языке заимствования?

«Macho – Животное мужского пола // мул // растение, которое опыляет другое своей пыльцой // часть крючка, которая цепляется за петлю (по исп.: за самку) // часть любого изделия, входящая в другую// figur. Глупый человек, дурак» (ARISTOS 1980).

«Macho – мужского пола (фиг. крепкий или здоровый // мужское соцветие, имеющее только пестики // вещь, входящая в другую // глупый человек» (LAROUSSE 1981).

«Macho – самец // мул // растение мужской особи // крючок на одежде // винт, болт // дурак, глупец // столб. стойка, опора // прил. глупый //крепкий, сильный» (Н.Загоровская, Н. Курчаткина и др. 1988).

Стоит отметить, что слово «МАЧО» не получило лексикографическую фиксацию ни в «Толковом словаре иностранных слов» (Л.П. Крысин 1995), ни в «Современном словаре иностранных слов» (Л.М. Баш, А.В. Боброва и др.; 2005).

Рассмотрим значение слова, закрепленное в «Сексологической энциклопедии»: «МАЧО (исп. macho – особь мужского пола), в переносном смысле это "крепкий, сильный"; существует выражение vino macho – "крепкое вино". Нам же более знаком другой смысл слова "мачо" – "настоящий мужчина", квинтэссенция мужественности. Повседневный образ мачо – это причудливая смесь латиноамериканских реалий с легендами и предрассудками. Первым делом он воспринимается как быстрый и ловкий покоритель женских сердец. (...) В то же время настоящего мачо отличает искреннее и безобидное восхищение

женщинами вообще. «...» Говорят, что мачо упрям и вспыльчив, но в то же время доверчив и простодушен. Он не отличается обязательностью и пунктуальностью. «...» Небрежно-наплевательское отношение ко всяkim расписаниям и графикам у истинного мачо неожиданно органично сочетается с верностью данному слову, понятие личной чести у него обострено до предела. Говорит он редко, но пылко, а вообще по жизни немногословен, точнее молчалив».

Мы привели несколько словарных определений данного слова, чтобы соотнести значение, закрепленное в словарях, с психологически реальным значением в сознании носителей русского языка.

Для исследования значения слова «мачо» в языковом сознании носителей русского языка мы провели ряд экспериментов: 1) направленный ассоциативный эксперимент; 2) свободный ассоциативный эксперимент; 3) перцептивный эксперимент; 4) эксперимент на подбор симиляров.

Свободный ассоциативный эксперимент. Информантам предлагалось слово-стимул МАЧО, на которое требовалось дать любое слово-реакцию, которое первым приходило в голову. В эксперименте приняли участие 75 человек. Получена 41 реакция.

К ядру ассоциативного поля стимула «МАЧО» был отнесен следующий ассоциат: мужчина 24; к ближней периферии – самец 6, испанец 4, бабник 4, Испания 2, Мексика 2, пижон 2; к дальней периферии – атлет, безбашенный, богач, Бразилия, Бред Пит, дамский угодник, Дон Жуан, загорелый, знайный парень, кожаная одежда, крутой мужчина западного образца, крутой парень, латиноамериканец, ловелас, мексиканец, отрицательный герой, «перец», песня Лолиты про мачо, плейбой, половой гигант, секс-символ, альфонс, сексуальный, сердцеед, сигара, сильный, сомбреро, супермужчина, танцор, тип, южный поедатель сердец, отказ от дачи ассоциации 1.

Анализируя полученные реакции, мы выделяем характеристики мачо по половому признаку (самец, плейбой, дамский угодник, секс-символ, бабник, альфонс); по национальному и географическому признаку (испанец, латиноамериканец, мексиканец; Бразилия, Мексика, Испания); характеристика физических данных (атлет, сильный); атрибуты мачо (сигара, сомбреро, кожаная одежда).

Направленный ассоциативный эксперимент. Информантам сообщалось слово-стимул, и ставилась задача ответить на вопрос (какой?). Мы опросили 60 человек. Выявлено преобладание положительных характеристик данного образа. Для женщины образ подобного мужчины притягателен, этим и объясняется наличие лишь одной негативной оценочной характеристики (тупой и ограниченный) при пятнадцати положительных (сексуальный, богатый, стильный, притягательный, смуглый, красивый, горячий, сильный и др.). У мужчин из полученных 27 характеристик выявлено 5 негативных (вечно пьяный, тупой, несерьезный, бабник, бьющий жену). Мужчины, характеризуя стимул

МАЧО, не соотносят данный образ с самим собой, они описывают качества некого абстрактного стереотипа. Поэтому на основании полученных ассоциаций вырисовывается в целом положительный образ.

Известно, что если какое-то явление, новое понятие популярно в обществе, оно обрастает большим количеством синонимов (закон Шпербера). В результате эксперимента к слову «мачо» было подобрано 47 симиляров (было опрошено 100 человек), что является свидетельством интереса к слову.

Проанализировав симиляры, мы отмечаем следующие гендерные особенности восприятия данного слова. Один и тот же симиляр (например: мачо – самец, бабник) в сознании мужчины и женщины имеет разную экспрессивную оценку: положительную для мужчины, отрицательную для женщины. В отличие от свободного ассоциативного эксперимента, когда женщины предлагают подобрать симиляр или слово-заменитель, она ищет подобие, а не некий абстрактный образ, т.е. «примеряет» данный тип мужчины на себя. Наличие у испытуемых определенного опыта взаимоотношений с противоположным полом, объясняет наличие слов с негативной экспрессивной окраской у женщин-информантов в возрасте от 26 до 56 лет: мачо - кобель 1%, самец 4%, ловелас 6%, бабник 6%, альфонс 1%, роковой мужчина 1%. У молодых женщин от 18 до 25 лет, наоборот, присутствует положительная оценка: *шикарный мужчина, классный парень,екси, богатый, супермен, сногсшибательный мужчина*. Мы можем объяснить это тем, что в языковом сознании при помощи рекламы и киноиндустрии формируется определенный стереотип «крутого», сексуального парня, который притягателен и желанен для девушек. Яркий образец мачо – герой Антонио Бандераса в фильме режиссера Родригеса «Desperado». Можно предположить, что юные леди еще не сталкивались с мужчиной подобного типа, либо общение не приносило разочарования, отсюда и столь положительные характеристики мачо. Одна информантка привела яркий симиляр к слову «мачо» – охотник за женщинами.

Мы полагаем, что при подборе симиляра к слову *мачо* мужчины на подсознательном уровне отождествляли себя с данным образом. Мужчины большое внимание уделили внешнему облику мачо: такие симиляры как *красавец, красавчик, красивый мужчина* дали 10% опрошенных, хотя оценка по внешнему облику, по характеристике красивый – некрасивый, довольно редка для мужчин при оценке представителей своего пола. Симиляры – *наш парень, отец* – явственно подчеркивают сближение, в некотором смысле отождествление, информанта с подобным образом: он [мачо] *наш парень, такой как мы*.

Эксперимент на подбор симиляров, в данном случае – практика, реализация собственных желаний и устремлений. Для женщины мачо – сексуальный и модный мужчина, бабник, альфонс, обаятельный самец, супергерой, супермужчина, «настоящий» мужчина, ловелас, ковбой, охотник за женщинами, это некий мужчина, но только не спутник жизни.

Для мужчины это ассоциирование самого себя с красивым, любвеобильным мужчиной, суперменом, самцом, красавцем, «крутым парнем».

Определение по географическому и национальному признаку: *мексиканец, латиноамериканец, итальянской внешности, мужчина из американского фильма*, – было свойственно и мужчинам, и женщинам.

Перцептивный эксперимент. Информантам предлагалась следующая инструкция: «Слова могут вызывать у людей различные образы (зрительные, слуховые, вкусовые). Пожалуйста, опишите образ, который у Вас вызывает слово МАЧО. Если такого образа нет – поставьте прочерк». Было опрошено 40 человек. На основании полученных данных, мы смоделировали три образа.

1) Описание внешнего облика мужчины-мачо: красивый высокий мужчина; голубоглазый брюнет; смуглый; загорелый; мускулистый; с волосатой грудью; выющиеся волосы до плеч; бородка; стильно одет; белый костюм; мокасины; пьет мартини с апельсиновым соком.

2) Мачо-мужчина (положительный образ): мужчина – красавец; атлет; «крутой»; сильный; здоровый; мужественный; энергичный; безупречный; сексуальный; мечта любой женщины; нравится женщинам; уверенный в себе; надежный; страстный; спортивный; молодой; умный; интеллигентный; магнитичный; мужик, пользующийся популярностью у женщин.

От женщин получены положительные характеристики МАЧО: надежный, умный, интеллигентный. Данный образ идеализируется в женском сознании, и, в отличие от эксперимента на подбор симиляров, не соотносится с личностным опытом опрашиваемой. По поведению мачо никак не может быть надежным, весь смысл его жизни – в сексуальных похождениях. Никогда не считался мачо умным (сравните: мачо – глупый человек, дурак (ARISTOS 1980); глупый человек (LAROUSSE 1981); дурак, глупец (Н. Загоровская, Н. Курчаткина и др.; 1988).

3) Мачо-самец (негативный образ): – латиноамериканский кобель; смысл жизни в сексуальной победе; деспотичный супруг; жиголо, живущий за счет женщины; не умный; подлец; хмурый взгляд; не постоянен в отношениях с женщиной; легко вступающий в связи с женщинами; тупоголовый качок; непостоянный; дерзкий; самодовольный; сексуальный бабник; отрицательный герой; тупой; ограниченный; нахальный.

Полученные результаты позволяют говорить о явлении энантиосемии, то есть совмещении в одном слове двух противоположных значений.

Для сравнения, приведем образы, культивируемые в современной поп-культуре. В песнях создается несколько иной типаж. У певицы Земфиры в песне «Мачо» – образ «пьяного мачо, который лечит и плачет», в одноименной песне Лолиты возникает образ склеротичного, заводного и озорного старичка, который «звонит дважды в час, и каждый раз у нас как в первый раз».

Полученные экспериментальные данные позволили выявить национальную и географическую характеристику МАЧО. Он мексиканец, испанец, итальянец, латиноамериканец, ковбой, бразилец. Место его проживания – Бразилия, Мексика, Испания, Италия, Куба. Но современные средства массовой информации «селят» МАЧО по всему земному шару. «Муж Наташи Королевой Сергей Глушко – первопроходец среди отечественных мачо». «Недолго думая, Света решила превратить Магди в настоящего «африканского мачо». (...) Появление в образе африканского «мачо» на кировских улицах может быть неправильно трактовано вятскими жителями». «Он (рекламный ролик) напоминает о том, что главные ценности, такие как любовь и совершение славных подвигов ради нее, живы во все времена, и с нами рядом красивые греческие легенды, добрые русские сказки и страстные, не оставляющие равнодушными сюжеты про индийских мачо и их возлюбленных».6 «Китайцы оторопели – их главный секс-символ спит за деньги с японским мачо, нанося удар по национальному самолюбию». «Вот о таком вот японском «мачо» пойдет речь в этом кинофильме («Кровь и кости»). «Нарцисс стал русским мачо».

Проведенные психолингвистические эксперименты позволяют сделать следующие выводы.

Слово МАЧО – активное, подтверждение этому полученные – 47 симиляров к данному слову, и соответственно очень высокий индекс синонимического разнообразия (0,47).

В отличие от языка заимствования, где слово МАЧО имеет негативную экспрессивную оценку, в русском языке мы отмечаем наряду с негативной и позитивную оценку.

В сознании носителей русского языка имеются два противоположных значения слова МАЧО. Он – супергерой, красавец, привлекательный, мужественный, молодой мужчина, мечта любой женщины. Он – мужчина, самец, латиноамериканский кобель, подлец, сексуальный бабник, тупой, не постоянен в отношениях с женщинами.

-
1. www.newizv.ru/news/2005-09-09/31255
 2. www.ng.ru/politics/2003-09-24/1_gryzlov.html
 3. Сексологическая энциклопедия
www.neuronet.ru/bibliot/b003/sx12010a.html
 4. «Комсомольская Правда» 24.11.2005
 5. «Новый компаньон» №11 (352) 29.03.2005
 6. <http://nk.kama.ru/print.asp?Num=352&Art=28>
 7. <http://www.utro.ru/2006/01/23/culture.shtml>
 8. <http://zabor.zp.ua/Kinoman/fest/Azia.htm>
 9. <http://www.shoowbiz.ru/news/7532.html>

ARISTOS. Diccionario ilustrado de la lengua española. – La Habana: Editorial Científico-Тécnica, 1980. – 676 p.

LAROUSSE. Básico escolar. – La Habana: Editorial Científico-Técnica, 1981. – 868 p.

Испанско-русский словарь: 70 000 слов / Н. Загоровская, Н. Курчаткина и др. – М.: Рус. Яз., 1988. – 832 с.

Толковый словарь иноязычных слов/ Л.П. Крысин. – М.: Русский язык, 1995. – 846 с.

Современный словарь иностранных слов // Л.М. Баш, А.В. Боброва и др. – 5-е изд. – М: Цитадель-трейд, 2005. – 960 с.

Хамид Акрам Азиз
Ирак

Полевая организация языка и ядро лексической системы

По современным научным данным отдельные участки системы языка имеют полевую организацию, т.е. организованы по принципу поля и характеризуются наличием ядра и периферийных зон. Ядро поля включает наиболее частотную и информационно нагруженную лексику, специализированную для выполнения функций поля. Четкой границы между ядром и периферией нет. Единицы, входящие в ядро одного поля, могут оказаться на периферии другого. Например, прилагательное *зелёный* по основному значению входит в ядро ЛСГ обозначений цвета, по переносному оказывается на периферии ЛСГ обозначений возраста (зелёный – молодой, неопытный).

Поля, накладываясь друг на друга, организуют всю лексику в единое, взаимосвязанное целое.

Однако в лексической системе языка можно выделить и «абсолютное» ядро – лексическое ядро языка. Лексическое ядро языка выделяют психолингвисты – это слова-стимулы, которые дают наибольшее число ассоциативных реакций и одновременно являются наиболее частотными реакциями на другие слова-стимулы.

По данным Ассоциативного словаря русского языка лексическое ядро русского языка включает 112 слов. Эти слова следующие: *бабушка, белый, Бог, богатый, больной, большой, быстро, веселый, ветер, вечер, вместе, вода, война, враг, вспоминать, встреча, глаза, глупый, говорить, голова, город, голос, гора, гость, дверь, девочка, дело, день, деньги, деревня, добро, дом, дочь, друг, думать, дурак, душа, дядя, есть (кушать), жадный, жена, женщина, жизнь, жить, зеленый, земля, зло, искать, красивый, красный, кричать, лес, лицо, любовь, маленький, мальчик, мать, много, молодой, муж, мужчина, надеяться, народ, начало, ненавидеть, новый, ночь, обещать, обман, огонь, палец, памятник, пить, плохо, помогать, путь, работа, радость, разговор, ребенок, река, родина, родной, рот, руки, свет, свободный, семья, сила, слабый, слово, смерть, справедливость, старый, стол, стыд.*

Именно на материале этих слов могут быть проведены лингвистические исследования разного типа – исследования семантики единиц лексического ядра, сочетаемости этих единиц семантического развития этих единиц национальной специфики лексического ядра разных языков и т.д. Подобные исследования позволяют выявить существенные, значимые черты системы языка.

Л.Н. Верховых
Борисоглебский ГПИ

Топоним «Абрамовка»: деревня или село?

Одним из показателей уровня культурного образования человека является знание им истории родного края, города, поселка. Знание истории воронежских городов, сел и поселков – это шаг в сторону прошлого наших предков, попытка сохранить культуру и традиции русского народа.

История населенного пункта Абрамовка Таловского района Воронежской области берет свое начало со второй половины XVIII века. В книге «Населенные места Воронежской губернии», датированной 1900 годом, дается название села – Абрамовка (Новики) и отмечается, что село расположено при озере Ильмене.

Однако в «Списки населенных мест Российской империи...» 1865 г. включено не село, а деревня казацкая Абрамовка (Аврамовка) при оз. Ильмене. Из "Объяснения некоторых топографических терминов, встречающихся в настоящем списке" выясняем, что «село – местность, населенная Великоруссами, имеющая церковь» (Списки...: XLVII).

Действительно, в с. Абрамовка была церковь имени Преподобного Авраамия Архимандрита, Ростовского Чудотворца. В «Указателе храмовых празднеств в Воронежской Епархии» встречаем такую запись: «Церковь в с. Абрамовка Новохоперского уезда деревянная с такою же колокольнею, построена в 1870 г.» (Указатель..., с. 225).

Следовательно, первая церковь появилась в с. Абрамовка в 1870 году, и в 1865 г. Абрамовка справедливо называлась деревней казацкой, а не селом, поскольку в ней еще не было церкви.

Населенные места Воронежской губернии. Справочная книга. Издание Воронежского губернского земства: Типо-Литография В.И. Исаева. – Воронеж, 1900.

Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом министерства Внутренних дел. – Т. IX. Воронежская губерния. – С.-Пб., 1865.

Указатель храмовых празднеств в Воронежской Епархии. Вып. 1-й. – Воронеж: Типография В.И. Исаева, 1884.

Формирование английской ЛСГ глаголов, обозначающих способы приготовления пищи

Выбор ЛСГ глаголов, обозначающих способы приготовления пищи в качестве объекта исследования определяется, прежде всего, ее принадлежностью к лексике, выражающей жизненно важные понятия и относящейся к основному словарному фонду, а также тем, что, обозначая особенности материально-бытовой жизни народа, эта ЛСГ является потенциально динамичной и представляет большой интерес с точки зрения ее формирования.

Развитие общества, контакты между народами мира в государственно-политической, дипломатической, материально-производственной, научной и культурной сферах приводят к обогащению словарного состава языка. Это позволяет удовлетворить потребность в постоянных лексических инновациях не только за счет внутренних ресурсов языка, но и посредством использования заимствованного лексического материала.

Поскольку иноязычные слова составляют весьма значительный пласт состава современного английского языка, то изучение процесса заимствования глаголов, обозначающих способы приготовления пищи вытекает из общей проблематики изучения развития словарного состава английского языка.

Материалом исследования послужили данные толковых, этимологических, двуязычных, синонимических словарей и словаря иностранных слов и выражений.

В древнеанглийский период с 7 по 11 вв. на состав исследуемой ЛСГ, по данным Random House Unabridged Dictionary, повлияли латинский, греческий и старофранцузский языки. В этот период 5 лексем пополнили состав ЛСГ «Приготовление пищи» уже имеющей 27 исконных единиц. В этот период английским языком было заимствовано 4 лексемы из латинского языка, восходящие, в свою очередь, к греческим корням: TO COOK (стряпать, приготовлять пищу; жарить, варить), TO PEEL (очищать фрукты, овощи), TO PEPPER (перчить), TO DEVIL (готовить острое мясное или рыбное блюдо). Лексема DEVIL скорее всего была заимствована в это время как существительное (дьявол), когда же она получила свое значение «to cook in a very hot-tasting thick liquid», готовить в острой жидкости, установить не представляется возможным.

Интересно, что глагол TO COOK настолько ассимилировался в английском языке, что воспринимается, как исконный и является ядром ЛСГ «Приготовление пищи».

Лексема TO CARVE (резать (мясо за столом); разделывать тушу) была заимствована из греческого посредством старофранцузского языка.

Таким образом, ЛСГ "Приготовление пищи", состоящая из 27 исконных единиц, в числе которых TO KNEAD (замешивать, месить (тесто), TO GUT (потрошить (дичь и т.п.), TO KIPPER (солить и коптить рыбу), TO MASH (раздавливать, разминать; заваривать (солод) кипятком), TO SMOKE (подвергать копчению), TO GRIND (молоть; перемалывать) и др., пополнилась к концу 11-го века 5-ю единицами.

Судя по соотношению исконной и заимствованной лексики изучаемой ЛСГ в первый период (27 к 5 единицам, соответственно), можно сделать вывод о том, что, несмотря на то, что язык еще не приобрел навыков широкого заимствования иноязычной лексики, этот способ пополнения словарного состава начинает развиваться.

В среднеанглийский период (с 11-го по 15-ый вв.) приток заимствований из разных языков заметно увеличивается, что связано, прежде всего, с крупными историческими событиями, среди которых следует отметить нормандское завоевание Англии 1066 года, крестовые походы на Ближний Восток, Столетнюю войну и т.д., и с расширением торговых и культурных связей англичан с другими народами.

В этот период изучаемая ЛСГ пополнилась 65 заимствованными единицами, в основном из латинского и французского, а также из скандинавского, греческого и арабского языков.

Наибольшее количество заимствований этого периода – французского происхождения – 18 единиц. «Подавляющее большинство ранних французских заимствований представляют собой названия конкретных предметов и действий» (Секирин 1964, с. 48). Действительно, большое количество заимствований среднеанглийского периода – из французского языка и относится к кулинарии и печению. Французские заимствования выражали новшества, внесенные французами в домашний быт: TO SPICE (приправлять пряностями), TO BLANCH (обваривать и снимать шелуху; бланшировать), TO FILLET (приготовлять филе из рыбы), TO GARNISH (гарнировать (блюдо), TO SCALLOP (запекать (устрицы и т.п.) в раковине) и т.д.

Вероятно, причиной такого широкого распространения заимствованных единиц в средние века является то, что естественная сила противодействия языка восприятию заимствованных элементов была преодолена еще раньше – во времена нормандского господства в Англии – путем массового внедрения французских слов. Обширные заимствования из французского языка проложили путь и латинской лексике, с которой они имели большое сходство ввиду генетического родства, а также лексике других языков и привили англичанам склонность к дальнейшему обогащению словарного состава путем включения в него иноязычных элементов.

Латинские заимствования среднеанглийского периода делятся на прямые, взятые непосредственно из латинского языка, и косвенные, проникавшие, в основном, через французский язык.

К прямым латинским заимствованиям в среднеанглийский период относятся 17 слов, напр.: TO DECOCT (приготовлять отвар, отваривать,

настаивать), TO PRESERVE (заготавливать впрок, консервировать), TO DISTIL (перегонять, гнать (спирт и т.д.).

Косвенные заимствования из латыни многочисленны – 17 единиц. Все они были заимствованы из латинского через французский: TO RENDER (топить (сало), TO CLARIFY (butter) (to make (a fat, esp. butter) clear and pure, esp. by gentle heating – *сделать (жир, масло) чистым, особ. нагревая на медленном огне*), TO CREAM (снимать сливки; прибавлять сливки (в чай и т.п.); (кул.) смешивать; to cream butter and sugar till soft смешивать масло с сахаром до однородной массы), TO JELLY (превращать в желе, в студень), TO BOTTLE (хранить в бутылках, разливать по бутылкам), TO SEASON (выдерживать (вино); приправлять).

Вместе с тем, Секирин В.П. утверждает, что не всегда можно с уверенностью утверждать, является ли заимствование прямым или косвенным, и что «установление непосредственного источника заимствования отдельных слов не имеет принципиального значения, т.к., в конечном счете, все эти слова латинского происхождения» (Секирин 1964, с. 23).

В период с 11 по 15 вв., вероятно, в результате Крестовых походов на Ближний Восток в английском языке появились 2 единицы арабского происхождения: TO SUGAR (обсахарить; подслащивать) и TO CANDY (варить в сахаре, засахаривать), пришедшие в английский посредством французского языка.

Установить происхождение нескольких единиц, напр.: TO BASTE, (поливать жиром (жаркое) во время жаренья) и TO STEEP (to place (vegetables, etc.) wholly in water, usu. for some time – *поместить (овощи и т.д.) полностью в воду, обычно на некоторое время*) не представляется возможным.

Итак, ЛСГ «Приготовление пищи», которое к началу XI в. насчитывало 32 лексические единицы, в течение следующих четырех веков пополнилась еще 40 лексемами, из них, по меньшей мере, 22 являются заимствованными. Из латинского – 13: TO REFRIGERATE (охлаждать; замораживать; хранить в холодном месте), TO PERCOLATE (to prepare (coffee) by passing hot water through ground coffee beans; (of coffee) to be made in this way - *(готовить) варить кофе, пропуская горячую воду через размолотые зерна кофе; (о кофе) быть приготовленным таким способом*), TO CONCOCT (стрипать), TO LIQUIDIZE, (to crush (esp. fruit or vegetables) into a liquid-like form - *раздавить (особ. фрукты или овощи) до жидкого состояния (сделать кашицу)*), TO DESSICATE (высушивать), и т.д. Из французского – 7: TO PUREE (to make into a puree (food boiled to a soft half-liquid mass) – *сделать пюре*), TO GRILL (жарить на решетке); 1 испанским: TO BARBECUE (жарить мясо над решеткой на вертеле; жарить (тушу) целиком); 1 итальянским: TO MARINATE (мариновать, солить). 12 единиц были образованы путем использования внутренних ресурсов языка: TO SUGARCOAT (покрывать сахаром), TO MICROWAVE (to cook in a microwave oven) – *готовить в микроволновой печи*, TO

QUICK-FREEZE (быстро замораживать (продукты), DEFREEZE (размораживать (продукты). Происхождение 6 единиц неясно: TO MULL (подогревать вино или пиво с пряностями) (Random House Unabridged Dictionary).

Сравнительно недавние заимствования большей своей частью не относятся к центральным словам, поскольку еще не утратили иноязычных признаков и, по степени их ассимиляции в новом языке являются преимущественно чужеродными телами и ограничены в своем употреблении, то есть слабо или совсем не ассимилированы языком и находятся на периферии ЛСГ.

Влияние французского языка прослеживается в английском во все эпохи и было довольно значительно в третий период. Продолжаются оживленные отношения между Францией и Англией. Франция по-прежнему остается не только законодательницей мод в одежде, но и в кулинарии: TO FRICASSEE (готовить фрикадельки), TO BRAISE (тушить мясо).

Помимо заимствования в третий период получает широкое распространение словосложение на базе заимствованных или исконных слов, представляющее собой объединение полнозначных слов или их основ в цельнооформленный комплекс, сложное слово.

Это отражает высокую степень ассимиляции заимствований древнеанглийского и среднеанглийского периодов. Войдя в национальный английский язык и сохранившись в нем до наших дней, они послужили базой для образования 12 новых слов.

В результате процесса словосложения в языке образуются композиты, имеющие в своем составе не менее двух полнозначных слов, образующих структурно-семантическое единство. «Многие французские слова приобрели способность сочетаться с исконно английскими словами, выражая при этом одно понятие, т.е. у них возникла способность к словосложению. Ассимиляция перешедших в английский язык французских заимствований проявляется в т.н. гибридных образованиях (гибридизмах), напр.: overturn» (Секирин 1964, с. 75).

Продуктивным является французское заимствование TO FRY (жарить): оно послужило основой создания 3 сложных слов со вторым компонентом «FRY»: TO PAN-FRY, TO STIR-FRY, TO DEEP-FRY. В них первый компонент по своему значению уточняет, конкретизирует способ обработки пищи. Исконная основа TO FREEZE, в свою очередь, является основой 5 сложных слов: TO QUICK-FREEZE, TO FLASH-FREEZE, TO SHARP-FREEZE, TO FLASH-FREEZE. DEEP-FREEZE – быстро замораживать продукты / подвергать глубокой заморозке.

В новоанглийский период исследуемая группа численно возросла также благодаря заимствованию, образованному в языке-источнике на основе метонимического переноса, отражающего реальные связи между соответствующим лицом и действием: Pasteurize (пастеризовать – нагреть (нагревать) пищевые продукты для обеззараживания и консервирования до температуры, чуть меньшей, чем температура кипения, при которой погибают бактерии, но сохраняются витамины) (Мюллер). Глагол

образован в 1880-85 от имени французского ученого Пастера (Pasteur) Луи (СЭС).

Проведенное исследование состава ЛСГ «Приготовление пищи» с точки зрения источников пополнения входящих в него лексических единиц позволяет сделать вывод о том, что на протяжении с VII по XX вв. ЛСГ «Приготовление пищи» претерпевает существенные количественные изменения, свидетельствующие о ее динамичности. В количественном отношении ЛСГ возрастает с 27 единиц в древнеанглийский период до 137 к концу XX в. как в результате использования внутренних ресурсов языка, так и в результате заимствований из 8 других языков. Таким образом, соотношение исконных и заимствованных единиц, составляющих ЛСГ «Приготовление пищи» в английском языке примерно 1:4.

При этом некоторые заимствованные наименования обозначали новые для населения Англии реалии, пришедшие вместе с нормандцами, другие не несли новых для народа понятий.

Пополнение ЛСГ идет, прежде всего, за счет увеличения числа периферийных элементов, что происходит в результате заимствования лексем, ассимиляция которых требует значительного времени.

«Новый англо-русский словарь» / В.К. Мюллер. – М.: «Русский язык», 2001.

Longman “Language Activator” The world’s first production dictionary, Longman Group UK Limited, 1994.

Секирин В.П. Заимствования в английском языке. – Киев: Из-во Киевского Университета, 1964. – 150 с.

Random House Unabridged Dictionary, 2nd edition, “Random House”, NY, 1993.

Dictionary of English Language and Culture, Longman, 2000.

«Советский Энциклопедический словарь». – М.: «Советская энциклопедия», 1984.

Когнитивное сознание

И.А. Стернин
Воронежский ГУ

К проблеме лакунарности концептов

Национальная специфика концептов проявляется в наличии различий в одноименных концептах в разных национальных культурах, а также в наличии эндемичных, уникальных концептов, характерных только для одной культуры.

При этом, как справедливо отмечает В.И. Карасик, «полное отсутствие концепта в той или иной лингвокультуре – явление весьма редкое, более редкое, чем отсутствие однословного выражения для определенного концепта» (Карасик 2004, с. 112).

В близких концептах разных культур национальная специфика проявляется в том, что сопоставимые концепты неполностью совпадают по своему содержанию, причем именно несовпадения могут быть очень существенны для межкультурной коммуникации. Показательны следующие примеры:

«Солнце по-русски – это совсем не то, что куёш по-узбекски, и уж совсем не то, что офтоб по-таджикски. В какие отношения – дружелюбные или тягостные – человек вступил с небесным светилом, так их и выразил язык и произнес. Ведь узбек, живущий большую часть года под его палиющими лучами, никогда не скажет ласково-уменышительное «солнышко», так же как и у русского нет ощущения того, что солнце может быть не только плодонесущим и землеобновляющим, но и враждебным. Зато к луне, этому ночному светилу, несущему прохладу и умиротворение, у узбека совсем иное отношение – все красивое и желанное он называет «луноликим», «луноподобным», да с такой интонацией, что для русского слуха это может показаться по меньшей мере вычурным» (Т. Пулатов. Язык, автор, жизнь. «Лит. обозрение», 1976, № 8, с. 109).

«Затрудняюсь объяснить русскому читателю, что такое «ртвели». Если очень коротко, то это несколько недель в сентябре-октябре, когда в виноградарских деревнях Грузии собирают и перерабатывают урожай. Одни называют «ртвели» работой, другие – праздником, но, наверно, это и то, и другое. Короче и проще объяснить не могу, боюсь, так разольюсь в описаниях, что и о главном, пожалуй, не скажу.

... Как объяснить, что такое грузинская деревня без «ртвели»? Но прежде – как объяснить «ртвели»? Сказать, что это пора сбора винограда, работа от зари до зари, а ночью – костер, отблеск пламени на человеческих лицах, искры в кромешной темени вина, уставшая за день долина выдыхает жар, посеребренные ранним октябрьским снегом горы струят неземной свет на виноградники.

Зачем тебе «ртвели»?.. Тебе нужна прозрачная ясность этой поры, та ее неизбежная ясность, в которой всегда зrim итог пути. Тебе нужен самый воздух этого времени, растворенное в нем чувство... блага жизни, осознание ее смысла и цели. И сильнее, чем когда-либо, ощущаешь, что и сам принадлежишь этой земле.

В эту пору грузинской жизни, когда даль прояснена до конца, когда открыты связи между земным и возвышенным, зримым и потаенным, личным и общим, скоротечным и вечным, лишь тот несчастлив, кто отстранен от праздника неистовой работы» (Т. Мамаладзе. Несокрушимый Давид? «Литературная газета», 1982, 24 марта).

Солнце, луна, пора сбора винограда – эти концепты есть в русской, узбекской и грузинской культурах, но их содержание национально специфично.

Национальная специфика концептов проявляется в наличии несовпадающих когнитивных признаков, в разной яркости тех или иных когнитивных признаков в национальных концептах, в разной полевой организации одноименных концептов (то, что в одном языке составляет ядро, в другой культуре может быть периферийным), в различиях образного компонента, интерпретационного поля, в присутствии разных когнитивных классификаторов и их различном статусе в категоризации денотата – одни классификаторы важнее и ярче в одной культуре, другие – в другой и т.д.

Однако наиболее ярко национальная специфика концептов проявляется в наличии безэквивалентных концептов в национальных концептосферах.

Безэквивалентные концепты могут быть выявлены через безэквивалентные языковые единицы. Безэквивалентная единица – всегда показатель наличия некоторой уникальности, национального своеобразия концепта в сознании народа. Ср. русские безэквивалентные единицы – и, соответственно, представляемые ими концепты: *авось, духовность, интеллигенция, непротивление, пошлость, порядочность, смекалка, разговор по душам, выяснение отношений, соборность*.

Примеры национальных концептов, представленных в концептосферах англо-саксонского мира: *life quality* «качество жизни», *privacy* «неприкосновенность частной жизни», *self* «самостоятельность личности», *quality time* «время, проведенное за любимым или важным занятием», *tolerance* «толерантность», *political correctness* «политическая корректность», *fun* «все, доставляющее радость, развлечение, удовольствие», *fortnight* «период времени продолжительностью в две недели», *challenge* «некоторая сложная задача или проблема, стимулирующая заняться ее решением, требующая усилий, мужества, смелости и напряжения сил для ее решения и предоставляющая возможность людям проверить свои силы на решении этой проблемы, доказать свою способность оказаться на высоте при ее решении», *fair play* «честная игра», *diffamation* «публичное оскорбление, унижение, дезинформация» etc.

Немецкие безэквивалентные концепты: *Spass* «все, доставляющее радость, развлечение, удовольствие», *Feierabend* «часть суток от окончания рабочего дня до отхода ко сну».

Китайский безэквивалентный концепты: *shan wei* «резкий бараний запах».

Японский национальный концепт: *саби* («уединенное молчание на природе, сопровождаемое слушанием одного звука»), есть концепт «женщина, которая, живи она в другое время, имела бы большой успех у мужчин».

Финский национальный концепт: *sisu* – «особая твердость духа и умение стойко преодолевать препятствия, свойственные финнам».

Французское *savoir-vivre* – «умение жить в удовольствие, с наслаждением».

У индейцев Северной Америки есть концепт *потлач* – «пир, который разоряет человека и делает его знаменитым».

В одном из палеоазиатских языков есть концепт «плывя вниз по течению на каноэ, пристать к берегу, чтобы лечь на дно лодки и провести в ней ночь».

Примеры таких концептов могут быть умножены.

Однако надо иметь в виду, что словесная невыраженность – не гарантия концептуальной безэквивалентности концепта. В другом языке концепт может быть выражен фразеологизмом, устойчивым сочетанием слов, может иметь устойчивое описательное выражение. Кроме того, концепт может присутствовать в национальной концептосфере, но быть лексически не выраженным, не вербализованным. Например, таков китайский концепт *ling shi* «нулевая еда» (например, семечки, орешки, мороженое): в русской концептосфере этот концепт есть (мы понимаем, что такая еда есть, что это не настоящая еда, говорим «Разве это еда?»), но у нас нет языковой единицы для его обозначения, а китайцы этот концепт номинативно обозначили.

Возможна и такая ситуация: наличие в сознании отдельных людей или групп людей концептов, свойственных концептосфере других народов (ср. западное понимание демократии, прав личности, закона, толерантности и мн.др. в сознании ряда российских политических деятелей и сторонников либеральных политических взглядов).

Таким образом, если установление национальной специфики концептов требует описания концептов двух культур и сопоставления этих концептов по составу когнитивных признаков и их статусу, яркости в структуре концепта, то выявление безэквивалентных, эндемичных концептов требует тщательного когнитивного, культурологического и исторического анализа.

Карасик В.И. Языковой круг. М.: Гнозис, 2004.

З.Д. Попова
Воронежский ГУ

Знаковая ситуация и проблемы когнитивного описания языка

Применительно к составляющим знаковой языковой ситуации, мы предлагаем использовать следующие термины.

Акустический знак – **акустема**.

Образы акустических знаков – **лексемы**. Так как в разных языках наработаны свои техники построения лексем, в области акустических

образов можно различать также **фонемы** (образы звуков и слогов, используемых для смыслоразличения значащих единиц), **морфемы** (образы фрагментов, регулярно используемых для образования лексем).

Означаемые акустических знаков – **семема** (одно означаемое), **семантема** (совокупность означаемых одной лексемы), **синтаксема** (означаемое нормативной последовательности лексем).

Образы предметов и ситуаций – **денотаты** (вербализованные образы), **смыслы** (невербализованные образы), **концепты** (совокупность вербализованных и невербализованных образов предметов и ситуаций, образующих концептосферу человека).

Предметы и ситуации внешнего мира, получившие обозначение с помощью языковых знаков – **референты**.

Предложенная выше модель позволяет с достаточной чёткостью очертить основные сферы лингвистического изучения. Из нее видно, что лексемы и семемы образуют **систему языка**, семемы и денотаты формируют **семантическое пространство языка**, а денотаты и смыслы составляют **концептосферу человека**. Соответственно становится более определенным предмет изучения того или иного отдела языкоznания.

Фонетика изучает акустемы, а фонология – образы акустем в языковом сознании человека (фонемы), из которых формируются морфемы (если они есть в данном языке) и лексемы.

Словообразование и морфология занимаются осмыслением морфем, имеющихся в языке, их составом, классами и функциями.

Лексикология регистрирует лексемы, устанавливает их связи с семемами, описывает семемы, вербализованные в данном языке.

Фразеология сосредоточивается на сочетаниях лексем, выполняющих роль номинаций тех или иных образов внешнего мира.

Синтаксис описывает структурные схемы простых и элементарных сложных, а также осложненных предложений, несущих типовые пропозиции – образы ситуаций внешнего мира. Предметом синтаксиса могут служить и разнообразные синтаксемы, из которых строятся структурные схемы.

Лингвистика текста изучает более крупные языковые единства – высказывания и тексты. Они выходят за рамки лингвосемиотики, не являются знаками системы языка, и к ним вполне применимы многие постулаты общей семиотики.

С рассмотренных позиций предмет **когнитивной лингвистики** определяется так: когнитивная лингвистика изучает соотношение семем, их сочетаний, типовых пропозиций, нашедших выражение в языке, со сферой концептов (как денотатов, так и смыслов). В сферу смыслов когнитивная лингвистика выходит через лингвистику текста, располагающую средствами обнаружения имплицитных смыслов, лежащих в глубине текстов и не имеющих верbalного выражения. *Через анализ языковой семантики – в сферу концептов* такова основная идея когнитивной лингвистики.

Итак, модель языковой знаковой ситуации, построенная на основе семиотических категорий, очерчивает сферу приложения категорий когнитивной лингвистики к изучению языка и мышления как одну из наиболее сложных, как сферу постижения высоких абстракций. Модель показывает, что денотаты (образы предметов и ситуаций) входят как в семантическое пространство языка, так и в область невербальных смыслов, что они такая же часть концептосферы, как и смыслы. Не удивительно, что денотаты и смыслы свободно перетекают друг в друга. Смыслы постепенно вербализуются и становятся денотатами, а денотаты в потоке речевого общения рождают все новые и новые смыслы. Это взаимодействие идет и будет идти непрерывно, пока люди используют языковые знаки в речевой деятельности.

Если означаемые лексем (по крайней мере, денотативные семемы) конвенциональны и в основном совпадают у всех носителей конкретного языка, то образы предметов и ситуаций, не имеющие вербального воплощения, (смыслы) будут у разных людей различаться и по составу, и по содержанию. Это объясняет, почему люди не всегда понимают обращенную к ним речь или понимают ее не до конца. На этой проблеме в настоящее время сосредоточивается прагмалингвистика и другие отделы лингвистики текста. Но и в этом направлении может помочь когнитивная лингвистика. Она находит методы и приёмы раскрыть те *смыслы*, которые возникают в текстах из последовательностей, часто непредвиденных и непредсказуемых, языковых знаков. Семиотика дает когнитивной лингвистике такие возможности.

Л.А.Тавдгиридзе
Воронежский ИММиФ

Опыт комплексного описания концепта *русский язык*

Языковым материалом исследования выступают: ассоциативное поле стимула «русский язык» (7190 ассоциативных реакций), 203 паремии, более 400 фрагментов художественных и публицистических текстов и более 200 поэтических текстов о русском языке.

В работе была применена **методика описания концепта**, состоящая из двух этапов. На первом этапе было проведено исследование концепта в языковом сознании методом направленного ассоциативного эксперимента, а также по текстам писателей и поэтов и паремиям. Данная часть исследования предполагала получение и анализ языковых данных, выявление языковых средств объективации концепта «русский язык» и носила лингвистический характер. На втором этапе исследования методом когнитивной интерпретации полученных языковых данных строилась модель концепта как элемента национальной концептосферы. Вторая часть исследования носила когнитивно-интерпретационный характер. Первая и

вторая части исследования в своей совокупности представляют собой лингвокогнитивное исследование.

Установлено, что концепт «русский язык» — обладает объемной когнитивной структурой.

Ядро концепта «русский язык» компактно и обладает большой яркостью, ядерные когнитивные признаки составляют 53% содержания концепта: *богатый* 15,6%; *красивый* 11,8%; *сложный* 11,2%; *выразительный* 7%; *родной* 6,9%.

Периферия концепта весьма обширна и содержит многочисленные признаки, обладающие существенной яркостью, что свидетельствует о когнитивной релевантности концепта для русского сознания, о его важности для русской концептосферы.

Ближняя периферия концепта составляет 38% и включает следующие признаки: *грубый* 4%; *интересный* 4%; *хороший* 3,1%; *доступный* 3%; *благородный* 2,9%; *международный* 2,8%; *великий* 2,7%; *народный* 2,3%; *нужный* 2,1%; *любимый* 2; *школьный предмет* 1,9%; *старый* 1,9%; *умный* 1,8%; *звукный* 1,8%; *могучий* 1,7%.

Дальняя периферия концепта (9%) образована следующими когнитивными признаками: *необычный* 1,2%; *культурный* 0,7%; *плохой* 0,6%; *свободный* 0,7%; *писатели и поэты* 0,6%; *средство общения* 0,6%; *непонятный* 0,6%; *носители языка* 0,6%; *точный* 0,6%; *понятный* 0,5%; *природа* 0,5%; *универсальный* 0,4%; *живой* 0,3%; *веселый* 0,3%; *засоренный* 0,3%; *чувственный* 0,2%; *громкий* 0,2%; *быт* 0,1%; *радость* 0,1%; *литературные произведения на русском языке* 0,1%.

К крайней периферии концепта (менее одного процента) относятся следующие признаки: *бедность* 0,8%; *неприятный в звучании* 0,1%; *идеалы* 0,07%; *официальный* 0,05%; *обычный* 0,05%; *директивный* 0,02%.

Отличительной особенностью исследуемого концепта является то, что ядро концепта включает преимущественно оценочные признаки; оценочные признаки также составляют существенную часть периферии концепта, что свидетельствует о преимущественно оценочном характере концепта «русский язык» в русской концептосфере. Положительно-оценочные когнитивные признаки составляют 61% структуры концепта, отрицательно-оценочные — 17%, неоценочные признаки — 22%:

Таким образом, концепт «русский язык» в русской концептосфере выступает как двуоценочный, но с явным преобладанием положительной оценки.

Достаточно сильна и заметна в структуре концепта мифологическая составляющая — *великий*, *могучий*, *свободный* (выделена почти двадцатью процентами испытуемых). Данные признаки отражают в структуре концепта некоторый национальный стереотип, существующий относительно автономно от других компонентов концепта. На реальность данного стереотипа не влияют многочисленные противоречащие ему когнитивные признаки, выделяющиеся в структуре концепта — *грубый*, *непонятный*, *засоренный*, *бедность*, *неприятный в звучании* и некоторые другие.

Данные признаки не входят в ядро, оставаясь в рамках ближней и дальней периферии концепта.

Концепт «русский язык» обладает ярким образным содержанием. В структуре концепта 14% признаков имеют образный характер. Доминируют в структуре образного компонента концепта перцептивные зрительные образы, связанные с русской природой (43% от общего количества зрительных образов).

Характерной особенностью интерпретационного поля концепта «русский язык» является то, что оно устойчиво демонстрирует в своем содержании противоречивые характеристики: русский язык концептуализируется одновременно как *чистый* и *засоренный*; как *нецензурный* и как *культурный, литературный*; как *непонятный* и как *знакомый, известный*; как *сложный* и как *простой*. Это свидетельствует о том, что, во-первых, когнитивное сознание народа противоречиво интерпретирует соответствующие аспекты родного языка, а с другой стороны, о том, что значительная часть признаков интерпретационного поля концепта варьирует в сознании носителей языка в зависимости от их возрастных, профессиональных, социальных, гендерных или чисто субъективно-личностных факторов, что составляет существенную особенность анализируемого концепта.

Исследование паремиологического фонда концепта позволяет выявить исторические и традиционные представления о концепте, входящие в интерпретационное поле концепта в качестве особой зоны. Исследование показало, что паремиологическая зона в значительной степени автономна от современного когнитивного сознания. Так, в проанализированном пословично-поговорочном фонде русского языка представлены лишь три классификатора концепта «русский язык», выявленные в эксперименте для современного русского когнитивного сознания («Нравственная оценка», «Культура общения», «Интеллектуальная оценка»), остальные классификаторы являются чисто «паремиологическими».

Подводя общий итог исследования, отметим, что национальный концепт «русский язык» является устойчивым, ярким, важным и коммуникативно релевантным для русского национального сознания и преимущественно эмоционально-оценочным по своему содержанию.

И.П. Зленко
Воронежский ГПУ

Сtereотип английского языка в русском сознании

В последнее время английский язык прочно занимает лидирующее место среди других иностранных языков, изучаемых в России как иностранные. Знание английского языка стало необходимым для получения престижной и высоко оплачиваемой работы. В связи с этим

английский язык «вытесняет» из школьных учебных программ другие иностранные языки. Ученикам школ хочется идти в ногу со временем, поэтому они выбирают для изучения английский язык, чем лишний раз способствуют его активному распространению и проникновению в русскую культуру.

Когда человек начинает изучать иностранный язык, он выбирает его не только по принципу «престижно – не престижно», но и по принципу «нравится – не нравится». Довольно часто специалисты в области иностранных языков перед изучением какого-либо языка произносят на нём фразу, чтобы обучаемые смогли почувствовать его красоту, оценить его мелодичность. Многие обучаемые, отвечая на вопрос, почему они изучают именно этот иностранный язык, кроме расхожих фраз, типа «он необходим для будущей работы» и «он сейчас очень распространён» отмечали и то, что язык им просто нравится, им приятно не только воспринимать его на слух, но и говорить на нём. Таким образом, многие олицетворяют, «оживляют» язык, и он уже является для них не только набором букв алфавита, но и отражением национальной культуры.

Мы поставили перед собой задачу выяснить, какими же чертами обладает английский язык. Опрос проводился среди студентов 1-5 курсов Воронежского государственного педагогического университета, изучающих английский как второй иностранный язык (студенты 3-5 курсов) или пока не изучающих его (студенты 1-2 курсов). Мы обратились к студентам с вопросом: «Английский язык – какой?» Всего в опросе участвовал 101 человек (17 мужчин и 84 женщины). Средний возраст респондентов – 20 лет.

Результаты опроса таковы.

Для студентов 1 курса английский язык, прежде всего, *деловой*. Затем следуют такие качества языка, как *популярный, мировой, интересный* и др.

Студенты 2 курса считают, что английский язык *красивый, современный, популярный и сложный*. Кроме того, были выделены такие качества, как *необходимый, интересный, строгий* и др.

Студенты 3 и 4 курсов, изучающие английский язык как второй иностранный, считают его *деловым*. Они отмечают его *мелодичность и необходимость для общества*.

Студенты-выпускники характеризуют английский язык как *международный, интернациональный и деловой*.

Таким образом, 24 % студентов считают, что английский язык – прежде всего *деловой*. 9% опрошенных характеризуют его как *международный*, 5% считают его *интернациональным*, 4% – *красивым* и 3% – *популярным, современным и сложным*.

Что касается образов, которые студенты связывают с английским языком, то они принадлежат как к английской, так и к американской культуре. К образам английской культуры можно отнести следующие наименования: *чай, туман, королева, Тауэр, Лондон* и др. К американской

культуре можно причислить такой образ, как *фаст-фуд*. Эти образы единичны.

Важно отметить, что английский язык ассоциируется у студентов не столько с его красотой, сколько с его популярностью и необходимостью в современной жизни. Респонденты высказывали мнения, что английский язык удобен для межнационального общения и называли его самым распространённым. Студенты пытались характеризовать и структуру языка, сравнивая его с конструктором и отмечая множество исключений. Кроме того, была отмечена сложная фонетика и трудное произношение. Несомненным свидетельством проникновения языка в мировую культуру является то, что респонденты называли английский языком фильмов и музыкальных студий, а также отметили то, что он является не только нужным и практичным, но и модным.

Приведём основные характеристики концепта *английский язык* в виде таблицы.

когнитивный признак	частотность упоминания
деловой	24
международный	9
интернациональный	5
популярный	5
красивый	4
популярный	3
сложный	3
современный	3
официальный	2
необходимый	2

Можно попытаться дать определение исследуемому концепту: английский язык – популярный, необходимый для делового, официального, интернационального общения, обладающий красивой, хотя и сложной структурой, но необходимый в современном мире.

В качестве первого иностранного языка студенты-респонденты изучают французский язык, поэтому они имплицитно сравнивали два языка, в результате чего появились такие высказывания, что английский язык легче французского. В сравнении с фонетикой французского, английский язык был охарактеризован как *глухой, невыразительный, «кашеобразный» и «шепелявый»*.

Ранее мы проводили аналогичное исследование концепта *французский язык* (110 испытуемых). Ядро концепта составляют когнитивные признаки «красивый», «мелодичный» язык, периферию составляют признаки «интересный», «певучий».

Характеризуя французский язык, студенты делали акцент на его восприятии на уровне фонетики, английский язык характеризуется по его месту и роли в современном обществе.

Приведём сравнительную таблицу ядерных характеристик французского и английского языков.

французский язык	английский язык
красивый (68)	деловой (24)
мелодичный (61)	международный (9)
романтичный (19)	интернациональный (5)
язык любви (14)	популярный (5)
сложный (9)	красивый (4)

Нами были выявлены совпадающие когнитивные признаки обоих концептов, однако яркость их заметно различается:

когнитивный признак	французский язык	английский язык
красивый	68	4
мелодичный	61	2
сложный	9	5
интересный	6	4
лёгкий	5	10
международный	1	9

Углубленно изучая язык, студенты знакомятся не только с его лексикой, фонетикой, морфологией и синтаксисом, но и с его индивидуальной спецификой. Формирование развернутых концептов изучаемого языка – результат комплексного изучения и обучения языку.

О.Л. Лунина
Воронежский ГУ

Концепт «совесть» в творчестве Ф.М. Достоевского

Ядро концепта **совесть** в контексте творчества Ф.М. Достоевского представлено следующей системой признаков.

1. **Совесть** – это прежде всего внутренний судья (в противоположность обычному судье) всем поступкам и действиям человека. Ср., напр.: *Адвокат известно что: адвокат – «нанятая совесть»* («Подросток»).

А суд собственной совести, а Лиза, которую я обманул ... и хотел бросить? («Подросток»); *Все же сам, перед своею совестью, я оставался бы навеки преступником* («Подросток»).

Суд совести может проявляться в следующем:

- в **угрызениях совести**: *О, конечно, судья по угрызениям совести, я уже и тогда подозревал, что насказал много лишнего... («Подросток»);*
- в **упреках совести**: *...я сам выстрадал от упреков моей совести больше, чем, может быть, кто-нибудь... («Подросток»);*
- в **раскаянии**: *Я его рекомендовал одной госпоже, старой знатной барыне, что он раскаивается и хочет убить себя от совести... («Подросток»).*

Совесть обязательно предполагает наличие в человеке:

- **сознания, ума и сердца**: *Почему прогремел (суд – О.Л.) не сознательно, не внезапным потрясением ума и совести, почему проявился в образе как бы совершенно внешнем... («Дневник писателя за 1873 год); Вот, например, человек образованный, с развитой совестью, с сознанием, сердцем («Записки из Мертвого дома»);*
- **чести**: *Когда требует совесть и честь, и родной сын уходит из дома («Подросток»).*

Совесть может быть:

- **торжествующая**: *Он умер не то что с покойной, а с торжествующей совестью, и был совершенно прав («Записки из-под подполья»);*
- **чуткая и чистая**: *Ведь вы никто так не сделаете, ведь вы не предадите себя из-за требований чести и долга; ведь у вас ни у кого нет такой чуткой и чистой совести? («Подросток»);*
- **чужая**: *Ведь это – дело чувства и чужой совести, хотя бы и со стороны этой бедненькой девочки («Подросток»);*
- **широкая**: *Крафт ... заметил, что Андронников ... был человек хоть и широкого ума, но и «широкой совести» («Подросток»);*
- **русская**: *Двухсотлетняя отвычка от малейшей самостоятельности характера и двухсотлетние плевки на свое русское лицо раздвинули русскую совесть до такой роковой безбрежности, от которой ... ну чего можно ожидать? («Дневник писателя за 1873 год);*
- **смиренная**: *... это сам народ в своей смиренной совести сознает, что он не достоин даров таких, - и это смиренное, но высокое сознание народное о своей недостойности есть именно залог того, что он-то их и достоин («Дневник писателя за 1873 год).*

Антонимическую оппозицию к концепту **совесть** образует концепт **бессовестность**: *Но ему былосты до, ему не было совестно! Вот это-то известного рода бессовестность русского интеллигентного человека – решительный для меня феномен («Дневник писателя за 1873 год).*

На периферии концепта **совесть** находится признак, несущий в себе отрицательную коннотацию. Это совесть, которую можно завоевать, пленить: *Есть три силы, единственные три силы на земле, могущие навеки победить и пленить совесть этих слабосильных бунтовщиков, для их счастья, - эти силы: чудо, тайна и авторитет («Братья Карамазовы»).*

Топонимы как манифестанты концептов культуры (история и современные употребления)

Ономастикон русской культуры богат и разнообразен. Для русского человека концептуально значимы места, связанные с рождением или деятельностью известных лиц: писателей, художников, музыкантов (*Абрамцево, Ясная Поляна, Михайловское, Тарханы, Клин*), с известными историческими событиями (*Бородино, Куликово поле, Сталинград*). Велика культурная ценность древних городов – хранителей русской истории и культуры (*Сузdalь, Владимир, Псков, Новгород*).

По справедливому замечанию В.Д. Бондалетова, топонимическая лексика чутко реагирует на общественно-политические, социальные и культурные преобразования, настраивая свою систему на выполнение социального заказа (Бондалетов 1983, с. 45). Именно социальный заказ (изменение культурной значимости топонима, стремление стереть нежелательные ассоциации, актуализировать новые смыслы) приводит к различным переименованиям. К примеру, в годы борьбы с культом личности Сталина с карты исчезли многочисленные топонимы, хранящие память о нем (*Сталинград, Сталинабад, Сталино и др.*). Модификация концепта, развитие новых когнитивных слоев, актуализация одних и деактуализация других смысловых компонентов, а также изменение ассоциативных связей (при сохранении ядра) вызывали четырехкратное переименование концепта *город в устье Невы, основанный Петром I*. Город возник и долгое время был осмыслен как город Святого Петра, небесного покровителя императора, что и было закреплено в его названии *Санкт-Петербург* (град Петров, Петрополь) (Поспелов 2000).

Название возникло по продуктивной в то время заимствованной из немецкого языка топомодели (*Шлиссельбург, Гамбург, Страсбург*). В 1914 году с началом первой мировой войны деактуализировалась сама топомодель, и город стал называться по-славянски *Петроградом* «в связи с усилившимися антигерманскими настроениями» (Энциклопедия для детей 2002, с. 252). Переименование привело к изменению концептуального содержания города, который начинает осмысливаться как локус, связанный с деятельностью Петра 1, его основателя. Менее чем через 10 лет город стал именоваться *Ленинградом*, и в течение длительного времени СМИ, историческая и художественная литература формировали его концептуальное содержание – *город-колыбель Октябрьской революции, город трех революций*, которое поддерживали и другие символы: *крейсер «Аврора», взятие Зимнего дворца, Смольный – штаб революции, Петроградская сторона, Финляндский вокзал, Ленин на броневике и др.*

В 1991 году городу вернули его исконное название: *Санкт-Петербург*. Экспериментальное изучение концепта показало, что 20% респондентов связывают Санкт-Петербург с именем его основателя Петра 1 (самая частотная реакция – *Петр 1*, а также *город Петра, град Петров, основан Петром, Медный всадник и др.*). Вместе с тем его концептуальное осмысление продолжается, о чем свидетельствуют, в частности, устойчивые períфразы, широко используемые прессой для наименования города, которые закрепляют уникальность географического ландшафта (*город на Неве, на берегах Невы, город белых ночей, Северная Венеция*), его архитектурное великолепие (*город дворцов и фонтанов, Северная пальмира*). Указанные номинации отражают сложившееся стереотипное осмысление. Заметим, однако, что в современных СМИ актуализируется образ Санкт-Петербурга как второй, северной столицы России, что повышает политический статус города. Приведем примеры: *Судьи переедут в Питер, вторую столицу России* (МК 2003, №13); *Я, побывав в северной столице, не мог не познакомиться с красивым старинным зданием* (Вузовские вести 2005, №13). *Пьесы Линды играют на всех подмостках северной столицы* (ЛГ 2005, №114).

Формирование концепта *Москва* как культурного феномена также имеет длительную историю. Результат древнейшей концептуализации закреплен в номинации *Москва*, которая до настоящего времени не имеет общепринятой этимологии. В различные периоды истории в общественном сознании «высвечивается» и закрепляется в языке в виде устойчивых сочетаний понимание концепта как центра русского государства: *Московская Русь, Московия* (название русского государства в иностранных источниках). Номинация *третий Рим* подчеркивает историческое значение Москвы как крупнейшего мирового политического и религиозного центра. После потери Москвой статуса столицы актуализировалось употребление инонаименования Москвы *Первопрестольная*, которое определило ее высокий статус старейшей столицы государства Российского. Некоторые номинации, вошедшие в употребление в XIX веке, зафиксировали своеобразие внешнего облика города (*белокаменная, златоглавая, сорок сороков церквей*), ее древний колорит (*город чудный, город древний*).

В истории города была попытка его переименования, вызванная изменениями представления о топонимах в обществе. В Государственном Архиве Российской Федерации С.А. Никитиным было обнаружено ходатайство тамбовских административных работников о переименовании Москвы в г. Ильич, предложенная мотивация переименования демонстрировала новую концепцию топонимов – усиление идеологической значимости: «Новое название больше скажет уму и сердцу пролетариата, чем отжившее и бессмысленное, к тому же не русское и не имеющее логических корней название Москва» (Никитин 2001, с. 39). Возможно, только случайность спасла столицу от переименования. В годы социализма появилась еще одна устойчивая номинация, отражающая

осмысление Москвы как *порта пяти морей*, в настоящее время окончательно забытая.

В современных медиа-текстах представлено небольшое номинативное поле концепта Москва, отражающее реактуализацию старых смыслов и лексем, их объективирующих: *Москва – Первопрестольная – Белокаменная – Златоглавая – Третий Рим*. Приведем несколько типичных примеров: *Московское правительство идет курсом модернизации белокаменной* (ЛГ 2004, №35). *Столица жириует по-прежнему. Москва не верит слезам. Именно в златоглавой больше всего дотаций* (АиФ 2005, №25) (Подробнее см.: Давыдова 1999, с. 70).

Современное и историческое сознание выделяет Москву и Санкт-Петербург как два уникальных в русской истории и культуре центра. Историческое стереотипизированное осмысление Москвы и Санкт-Петербурга объективировано в паремиологическом фонде, где Москва и Петербург рассматриваются в одном контексте, определяющем место каждого города в жизни социума (*Москва – сердце, Петербург – голова, Питер – кормило, Москва – корм. Славна Москва калачами, Петербург – усачами. Москва создана веками – Питер миллионами*).

Концептуальные переклички обнаруживаются и в традиционных стереотипных художественных образах Москвы как древнего патриархального хлебосольного города и Санкт-Петербурга как молодой европейской столицы.

Итак, концептуальная значимость топонимов определяется не только их огромным информационным потенциалом, но и теми историко-культурными коннотациями, стандартизованными и индивидуальными, которые и составляют многослойность содержания концептов, объективированных топонимами. Современные СМИ активно участвуют в их концептуализации, формируя новые смысловые и ценностные ориентиры современного социума и, если это соответствует общественным запросам, возрождая, реактуализируя уже сложившиеся, но забытые стереотипы.

Бондалетов В.Д. Русская ономастика: Учебное пособие. – М., 1983.

Давыдова О.А. Москва и другие ее наименования на страницах современной периодики // Структура и семантика художественного текста: Докл. VII Междунар. конфер. Т.1. – М., 1995.

Никитин С.А. Формирование концепта советского топонима. Тамбовский источник // Филология и культура: Материалы III Междунар. научной конференции: В 3 ч. Ч. 2. – Тамбов, 2001. – С. 38-40.

Поспелов Е.М. Школьный словарь географических названий. – М., 2000.

Энциклопедия для детей. Дополнит. том. Российские столицы. Москва и Санкт-Петербург. – М., 2002.

Афоризмы как средство объективации концепта *общение*

Концепт *общение* актуален для русского коммуникативного сознания, что выражается в огромном количестве языковых средств, его объективирующих. Использование лингвистических и психолингвистических методик позволяет с максимальной полнотой выявить языковые средства объективации концепта, описать его полевую структуру и содержание. Как отмечает Н.В. Крючкова, «для описания концепта в его синхронном состоянии необходимо синхронное исследование репрезентаций концепта в лексико-семантических системах языков, дополненное по возможности анализом результатов ассоциативных экспериментов и изучением дискурсивного функционирования слов, являющихся лексическими репрезентациями концепта» (Крючкова 2005, с. 23).

Афоризмы только дополняют модель, построенную на основе словарных и экспериментальных данных. Афоризмы дают представление о паремиоло-гической зоне концепта, поскольку содержат разнообразные суждения об общении отдельных людей, описание отдельных сторон процесса общения, часто противоречивые, индивидуальные представления о коммуникации. Большинство проанализированных нами афоризмов относятся к XIX – началу XX века, т.е. представляют собой исторические суждения об общении, они не являются актуальными для современного коммуникативного сознания.

Анализ паремиологической зоны, в частности анализ содержания входящих в нее афоризмов, показывает, «как шло развитие признаков концепта по мере его осмысления в разное время, в разных обстоятельствах, как относились или относятся к тому или иному концепту разные группы людей и отдельные люди» (Попова, Стернин 2001, с. 130).

Актуальность когнитивных признаков, зафиксированных в афористических высказываниях, для современного языкового сознания необходимо подтверждать экспериментальными данными.

Анализ афоризмов позволил выявить различные когнитивные признаки исследуемого нами концепта. Здесь мы приведем те когнитивные признаки, которые были выявлены нами также и на экспериментальном материале:

мысли и слова должны быть понятными, ясными: *От недомолвок докладчик перешел прямо к намекам* (А. Коротко); *Человек ясно выражается, когда им владеет мысль, но еще яснее, когда он владеет мыслию* (В.Г. Белинский); *Неясность слова есть неизменный признак неясности мысли* (Л.Н. Толстой); *Нет ничего такого, что нельзя было бы уложить в простые ясные слова* (М. Горький); *Нет мысли, которую нельзя было бы высказать просто и ясно* (А.И. Герцен); *Что неясно*

представляешь, то неясно и выскажешь: неточность и запутанность выражений свидетельствуют только о запутанности мыслей (Н.Г. Чернышевский); Богатство языка есть богатство мыслей (Н.М. Карамзин); Язык – это орудие мышления... Обращаться с языком кое-как – значит и мыслить кое-как: неточно, приблизительно, неверно (А. Толстой); Можно с уверенностью сказать, что человек, говорящий на хорошем языке, на чистом, хорошем, богатом языке, богаче мыслит, чем человек, который говорит на плохом языке (А.Н. Толстой); Хорошие мысли предпочитаются блестящему слогу. Слог – это, так сказать, внешняя одежда; мысль – это тело, скрывающееся под одеждой (Ф.М. Достоевский); Слово отражает мысль: непонятна мысль – непонятно и слово (В.Г. Белинский); Ошибка в мыслях вызывает ошибку в словах, ошибка в словах вызывает ошибку в делах (Д.И. Писарев); Слово хорошо тогда, когда оно верно выражает мысль; а верно оно выражает мысль тогда, когда вырастает из нее, как кожа из организма, а не надевается, как перчатка, сшитая из чужой кожи (В.Д. Ушинский); Неточность и запущенность выражений свидетельствует только о запутанности мыслей (Н.Г. Чернышевский);

может быть бессодержательным: Презирай демагогию и пустозвонство. Думай и делай все для того, чтобы торжествовали добро и справедливость (В.А. Сухомлинский); Ничто так не поощряет праздность, как пустые разговоры (Л.Н. Толстой); Пустые ответы убивают справедливые вопросы и отводят ум от дела (А.И. Герцен); Прежде чем сказать глупость – подумайте! (С. Альтов); Чем реже открываешь рот, тем меньше слышишь глупостей (М. Генин); Есть два рода бессмыслицы: одна происходит от недостатка чувств и мыслей, заменяемого словами; другая – от полноты чувств и мыслей и недостатка слов для их выражения (А. Пушкин);

в речи отражаются интеллектуальные качества говорящего: Умные речи подобны строкам, напечатанным курсивом (К. Прутков); Язык мудрого в сердце, сердце глупого – на языке (Н.В. Шелгунов); У них мысль не ведет за собой слов, а с трудом догоняет их (В. Ключевский); Если язык дан человеку для того, чтобы скрывать свои мысли, то некоторым он совершенно не нужен (В. Абакумов);

сопровождается мыслительными процессами: Люди, не подумав, говорят то, что думают (А. Козлов); Вся разница между умным и глупым в одном: первый всегда подумает и редко скажет, второй всегда скажет и никогда не подумает. У первого язык всегда в сфере мыслей; у второго мысль вне сферы языка. У первого язык секретарь мысли, у второго – ее сплетник и доносчик (В.О. Ключевский); Лучший язык тот, который тщательно сдерживается; лучшая речь та, которая тщательно обдумывается (Л.Н. Толстой); Люди различаются еще тем, что одни прежде думают, потом говорят и делают, а другие прежде говорят и делают, а потом думают (Л.Н. Толстой);

является потребностью, необходимостью: Что может быть драгоценнее, как ежедневно входить в общение с мудрейшими людьми мира (Л.Н. Толстой); *Обращение с книгами приготовит к обращению с людьми. И то и другое равно необходимо* (Н.М. Карамзин); *Общение с книгой – высшая и незаменимая форма интеллектуального развития человека* (А. Твардовский);

предполагает обсуждение различных тем: *О ком бы человек ни говорил, он всегда говорит о себе* (К. Мелихан); *О храбости больше говорят трусы, а про благородство прохвосты* (А.Н. Толстой); *Человек любит поговорить о своих болезнях, а между тем это самое неинтересное в жизни* (А. Чехов); *Рассуждай токмо о том, о чем понятия твои тебе сие дозволяют. Так: не зная законов языка ирекезского, можешь ли ты делать такое суждение по сему предмету, которое не было бы неосновательно и глупо?* (К. Прутков);

осуществляется передача информации из поколения в поколение: *Русский язык! Тысячелетия создавал народ это гибкое, пышное, неисчерпаемо богатое, умное, поэтическое и трудовое орудие своей социальной жизни, своей мысли, своих чувств, своих надежд, своего гнева, своего великого будущего* (А. Толстой); *Язык – душа нации. Язык – это живая плоть идеи, чувства, мысли* (А. Толстой); *Тысячелетиями накапливаются и вечно живут в слове несметные сокровища человеческой мысли и опыта* (М. Шолохов);

необходимо продумывать свою речь: *Человек, строго наблюдающий над собою, не вступает в лицемерные отношения, не говорит вовсе о том, о чем вследствие каких-нибудь неблагоприятных обстоятельств нельзя высказать своих мыслей, а если уж начинает речь, то говорит прямое и честное слово* (Н.А. Добролюбов); *Чем скорее и стремительнее высказывается впечатление, тем чаще оно оказывается поверхностным и мимолетным* (Н. Добролюбов);

может быть нецензурным: *Мы матом не ругаемся – мы им разговариваем* (приписывается А. Лебедю); *Благодаря свободе слова отпала необходимость в выборе выражений* (Б. Крутнер);

установление контакта: *Дебет с кредитом не сходится, а человек с человеком всегда сойдется* (Б. Брайнин);

предназначено для передачи мыслей и чувств: *Слово дано человеку не для самоудовлетворения, а для воплощения и передачи той мысли, того чувства, той доли истины и вдохновения, которыми он обладает, - другим людям* (В.Г. Короленко);

может объединять и разъединять людей: *Слово – дело великое. Великое потому, что словом можно соединить людей, словом можно и разъединить их, словом можно служить любви, словом же можно служить вражде и ненависти. Берегись от такого слова, которое разъединяет людей* (Л.Н. Толстой);

доставляет положительные или отрицательные эмоции: *Знай, что твое неразумное, холодное, равнодушное слово может обидеть, уязвить,*

огорчить, вызвать смятение, потрясти, ошеломить (В.А. Сухомлинский);

используются средства связи: Человек ведет переписку со всем земным шаром, а через печать сносится даже с отдаленным потомством (К. Прутков);

в общении проявляются нравственные качества человека: Нравственность человека видна в его отношении к слову (Л. Толстой).

Названные признаки находят подтверждение в экспериментальных данных, некоторые из них объективируются также в пословицах и поговорках, что свидетельствует «о коммуникативно релевантном характере данного признака и является аргументом в пользу признания его ярким, существенным для когнитивного сознания народа» (Попова, Стернин 2006, с. 181).

К периферии когнитивного сознания русского человека относятся признаки, зафиксированные только в афоризмах. Назовем некоторые из этих признаков:

молчание предпочтительнее бессодержательного разговора: Если бы всякий дурак непременно желал понимать все, что он сам говорит, то многим дуракам пришлось бы обречь себя на безмолвие (Д.И. Писарев); Кому нечего сказать своего, тому лучше молчать (В.Г. Белинский); Говори о том только, что тебе ясно, иначе молчи (Л.Н. Толстой); Я не считаю это в себе за невежество, если я о чем-нибудь не знаю и молчу: невежда – это кто говорит о том, чего не знает (М.М. Пришвин);

молчание предпочтительнее разговора: Если один раз пожалеешь, что не сказал, то сто раз пожалеешь о том, что не промолчал (Л.Н. Толстой); Люди учатся говорить, а главная наука – как и когда молчать (Л.Н. Толстой); Не хвастайся осведомленностью, гордись молчанием (П.А. Павлиенко);

не следует жаловаться: Когда русскому человеку особенно плохо живется, он обвиняет в этом жену, погоду, Бога – всех, кроме самого себя. Такова русская натура, мы всегда жалуемся на кого-то со стороны, чтобы оправдать нашу глупость, лень, наше неумение жить и работать (М. Горький); Ты жалуешься, следовательно, ты не прав (А. Злобин);

важно не только содержание, но и форма: Дело не в слове, а в тоне, в каком это слово произносится (В.Г. Белинский); Не всегда важно – что говорит, но всегда важно как говорит (М. Горький);

родной язык лучше передает чувства человека: Как ни говори, а родной язык всегда остается родным. Когда хочешь говорить по душе, ни одного французского слова в голову нейдет, а ежели хочешь блеснуть, тогда другое дело (Л. Толстой).

Выделенные когнитивные признаки имеют различную степень яркости. Так, наиболее яркими в структуре паремиологической зоны являются следующие признаки: мысли и слова должны быть понятными, общение может быть бессодержательным, в общении отражаются

интеллектуальные качества собеседников, сопровождается мыслительными процессами, является потребностью.

Когнитивные признаки, объективируемые афоризмами, зачастую противоречивы. Отрицательное отношение в афоризмах выражено к многословию, к болтунам, однако разное отношение к людям молчаливым и к умению молчать. Ср.:

отношение к многословию: *Бездельники – самые болтливые люди на свете* (П.А. Павленко); ...*Во многоглаголании нет спасения* (Д. Давыдов); *Острый язык – дарование, длинный язык – наказание* (Д. Минаев); *Человеку всегда как-то совестно и неловко становится, когда он много наговорит сам* (И.С. Тургенев); *После долгого разговора постарайся вспомнить все то, о чем было говорено, и ты удивишься, как пусто и не нужно и часто дурно было все говоренное* (Л.Н. Толстой).

к молчаливости: *Умением говорить выделяются люди из мира животных, умением молчать выделяется человек из мира людей* (Г. Ландау); *Когда человек говорит мало, он кажется умнее* (М. Горький); но: *Бессловесные люди не менее утомительны, чем болтуны, с теми и другими собеседник утрачивает ощущение собственной ценности* (Ю. Нагибин).

Многие афоризмы, характеризующие общение, содержат прескрипции – как надо поступать в той или иной ситуации: *Перестань говорить тотчас же, когда заметишь, что раздражаешься сам или тот, с кем говоришь. Несказанное слово – золотое* (Л. Н. Толстой); *Не думай, что говорить и делать правду нужно было только в делах важных. Говорить и делать правду нужно всегда, даже в самых пустых делах не позволять себе лжи. Не то важно, что большое или малое зло произойдет от твоей неправды, а то дорого, чтобы самого себя никогда не осквернить ложью* (Л. Толстой) и др. В афоризмах определены нормы ведения спора:

– надо уметь тактично отстаивать свою точку зрения: *Отстаивая свою точку зрения, не превышай меру допустимой обороны* (А. Рогов); *Должно показывать заблуждения разума человеческого с благородным жаром, но без злобы* (Н.М. Карамзин);

– убеждать других людей следует только в том, в чем уверен сам: *Нельзя проповедовать то, что отрицаешь сам* (М.Горький);

– убеждая, надо воздействовать не только на разум, но и на чувства: *Убедить рассуждениями людей, думающих иначе, нельзя. Надо прежде сдвинуть их чувства, предоставив им рассуждать о том, что они правы* (Л.Н. Толстой); *Что нужно для увлечения толпы? Что нужно для убеждения большей части людей? Страстный и пылкий тон, частые выразительные мановения, слова быстрые и громкие. Но для малого числа образованных, рассудительных слушателей, у которых вкус нежен и чувства верны, которые мало уважают голос, мановения и тщетный звук слов – для тех нужны мысли и доводы, которые надобно уметь представить, оттенить, расположить. Уметь поражать слух – не*

довольно; должно уметь действовать над душой, уметь тронуть сердце, говоря с рассудком (К. Батюшков);

– надо быть внимательным по отношению к оппоненту: *Если вы хотите, чтоб с вами спорили и понимали вас, как должно, то и сами должны быть добросовестны и внимательны к своему противнику и принимать его слова и доказательства именно в том значении, в каком он обращает их к вам* (В.Г. Белинский);

– в споре надо начинать с общепринятых положений: *Лучший и убедительный способ доказательства – начать свои рассуждения с безобидных, всеми принятых утверждений* (Л. Шестов);

– мнение следует высказывать осторожно: *Кто много знает, тот видит, как осторожно надо высказывать свое суждение, чтобы не ошибиться. А нахватавшийся верхов самоучка с необыкновенной смелостью судит обо всем* (Л.Н. Толстой).

В афоризмах отражаются некоторые национальные особенности общения:

– русские люди лживы: *Русские люди – самые изолгавшиеся люди в целом свете; а ничего так не уважают, как правду, ничему так не сочувствуют, как именно ей* (И.С. Тургенев);

– французы веселы, русские насмешливы: *Француз весел, русский – насмешлив; француз осмеивает, потому что он смеется, русский смеется, потому что осмеивает* (В. Жуковский);

– русские хлебосольны, но хитры: *Иностранцам в безмерной наивности кажется, что русские гостеприимны и общительны, а это смесь старинного, лишенного какого-либо чувства, атавистического хлебосольства и звериной хитрости. Русские низкопоклонничают перед иностранцами и ненавидят их* (Ю. Нагибин).

Когнитивные признаки, зафиксированные в афоризмах, входят в интерпретационное поле концепта *общение*. Актуальными для сознания народа являются только те признаки, которые подтверждаются экспериментальным материалом. Остальные когнитивные признаки тоже выявляются в концепте, позволяют охарактеризовать некоторые стороны общения, но относятся к его крайней периферии.

Крючкова Н.В. Лингвокультурное варьирование концептов. – Саратов, 2005.

Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж, 2001.

Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. – Воронеж, 2006.

Борохов Э. Энциклопедия афоризмов (Мысль в слове). – М., 1999.

Воронцов В.Л. Симфония разума. Афоризмы и изречения отечественных и зарубежных авторов. – М., 1977.

Душенко К.В. Большая книга афоризмов. – М., 2000.

Энциклопедия афоризмов XIX в. – Минск, 1999.
 Энциклопедия новейших афоризмов XX в. / Сост. А.П. Андриевский. –
 Минск, 1999.

А.В. Чедыгова
 Благовещенский ГПУ

Концепт *провинция* в современном английском языке

В современном английском языке концепт ПРОВИНЦИЯ репрезентируется ключевой лексемой *province*. Концепт также представлен производными словообразовательными единицами: *the provinces, provincial, provincialism* и рядом синонимов: *country, the regions, backwoods, the sticks, boondocks, boonies etc.*

Лексема *province*, репрезентирующая исследуемый концепт в английском языке, имеет следующие значения.

Cambridge International Dictionary of English (2001) дает следующие определения слову *province*:

1. /region/- an area which is governed as a part of a country or an empire. The province of Milan includes the city and surrounding communities in the middle of Lombardy.
2. the provinces- the parts of a country outside its capital city. There are compensations for living in the provinces - it's easy to get into the countryside for one.

В словаре Longman Dictionary of Contemporary English (2001) слово *province* толкуется как:

1. one of the large areas into which some countries are divided: Sichuan is China's most populous province.
2. the provinces: the parts of a country that are not near to the capital city.
3. an area that an archbishop is responsible for.

Таким образом, в словарях английского языка слово *province* представлено следующими значениями:

1. «административное» – административная единица.
2. «церковное» – архиепископская епархия.
3. «территориальное» – местность, находящаяся вдали от столицы, культурных центров.

The Oxford Dictionary of Current English (2001) дает следующие толкования ряду синонимов, представляющих концепт *провинция*:

Country – districts outside large city areas.

The back of beyond – a very remote place.

Backwoods – a region that is remote or has few inhabitants. A backwoods town.

The sticks – an area that is very far from a town or city.

Boondocks (boonies) – a place that is a long way from any town: Ken's family live way out in the boondocks.

Miles from anywhere – a long way from the nearest town.

The regions – the parts of a country outside the capital or centre government.

В словаре Oxford Dictionary of Slang (1999) лексема *the provinces* представлена следующими словами, объединенными семантическим признаком a remote place:

Back of o'Bourke (Austr.) – One of the customers whose accent was decidedly back of o'Bourke complained that she had mixed up his order.

The sticks (US) – They had all the real New Yorker's prejudices against the sticks.

Tank town (US)

Boondocks (US) – Those who have been feeling the public pulse out in the boondocks report a good deal of unrest.

Nar Nar Goon (Austr.) – used as the name of any small, insignificant and remote town. Television football commentaries generally tend to be about as rewarding as a night game at Nar Nar Goon football ground in a power strike.

Woop Woop (the woop-woops)(Austr.) – the name of an imaginary town in the remote outback, supposedly backwards. It was like council night in Woop Woop.

In the middle of nowhere (US) – I got going again pretty quickly as I didn't want to be caught by the storm in the middle of nowhere.

В этом же словаре даются следующие синонимы лексемы *provincial*:

Hick (US) – As though we was such hicks we didn't know there's such a thing as tapes these days.

Reuben (US) – dated

Redneck (US) – The hill-billies came from the hills and the rednecks from the swamps.

Hoosie (US)

Hayseed (Austr.& New Zeland) – He might be identified as either peasant or hayseed.

Dude (US) – I'm going to put up the finest cattle barn in the state, that is, belonging to a real dirt farmer, not to one of them city dudes.

Jasper (US)

Reub, Reube, rube (US) – The rube who wanders into the pool hall and loses a few games.

Hill-billy (US) – At 47 the hill-billy who used to scratch a living as a dirt farmer has come a long way.

Woodchuck (US) – He could go to wedding or funerals...and not look like a hick, a woodchuck.

Ridge-runner (US)

Swede-basher (Br.) – I tried to sing a song appropriate to the swede-bashers from Lincolnshire, The Cockneys, Scots..., and so on.

Cornball (US) – An expatriate cornball like Jerry Court.

Culchie (Anglo-Irish) – We Dublin boys called the country pupils «culchies», which they hated.

Shit-kicker (US)

Проанализировав значения слов, репрезентирующих концепт ПРОВИНЦИЯ в современном английском языке, мы пришли к следующему заключению.

Концепт ПРОВИНЦИЯ репрезентирован в английском языке тремя значениями. Наиболее употребительны «территориальное» значение – представлено лексемой *the provinces* и *provincial*, менее – «административное», представленное лексемой *province*. «Церковное» значение практически не употребляется, у него практически нет производных и синонимов.

Лексемы *the provinces* и *provincial* имеют большое количество синонимов, употребляющихся преимущественно для выражения пренебрежения как к «провинции, так и к людям, живущим в ней. Таким образом, в английском концепте «провинция» выявляется яркое неодобрительно-оценочное содержание.

Е.А. Зацепина
Борисоглебский ГПИ

Вежливость и обычай по данным русской паремиологии

Основные сведения о ядре и ближней периферии любого концепта содержат данные лексикографических источников и результаты экспериментов. Периферийный слой концепта составляют признаки, «вычленяемые» из текстов, в частности, из пословичного и поговорочного фонда. Реализация концепта в паремиях образует интерпретационное поле, которое может содержать разнообразные оценки и трактовки.

Однако для отдельных концептов в языке может не существовать пословиц и поговорок или их количество может быть незначительным (Попова, Стернин 2001, стр. 29). Одним из таких концептов является *вежливость*.

Современные словари дефинируют ключевую лексему-репрезентант концепта *вежливость* как *отсутствие грубости, учтивость, услужливость, предупредительность, соблюдение правил приличия*.

Проанализированный пословичный фонд не выявил паремий, вербализующих данное понятие. Это объясняется сравнительно поздним формированием в русском языке ключевых лексем *вежливость, вежливый*, репрезентирующих концепт.

Лексема *вежливый* появилась в древнерусский период становления русского языка. Она образована с помощью суффикса *-ълив* (современный *лив*) от неупотребимого сейчас *вежса* (знаток), которое, в свою очередь, является производным от глагола *ведать*. Первоначальное значение слова

— знающий, опытный: *Подобает попови вежливу быти* (Паисиевский сб., нач. XV в.). Лексема *вежливость* оформилась позднее, она заменила существующее слово *вежество* (ученость, образованность). Новое значение — знающий, как себя вести — начинает формироваться в XVI веке и устанавливается в первой половине XIX века. Уже в словаре Даля зафиксированы два значения: *вежливый* — знающий, образованный с пометой «устаревшее» и *соблюдающий светские, житейские приличия, утивый, услужливый, предупредительный*; *вежливость* же определялась как *знание обычаев и приличий*.

Это значение объективируется в пословицах, представленных в сборнике В. Даля «Пословицы русского народа» (раздел «Приличие — вежество — обычай»). Анализ исследованного материала позволяет говорить о том, что обычай занимал особое место в жизни русского человека и был тесно связан с национальной культурой, характером и поведением народа, его менталитетом: *Безобычному человеку с людьми не жить; У нас такая поведенция (т.е. обычай); Не вались с тропы (не иди против обычая); Обычай старше (сильнее) закона; Обычай не клетка — не переставишь; У нас так ведется, что изба веником метется. Обычай считался явлением незыблемым, непрекаемым; любое отступление от него осуждалось: Все люди как люди, один черт в колпаке; Нам, татарам, все даром (не смотри на обычай); Наши Иуда не как люди.*

Обращают внимание противопоставления: *люди-Иуда, люди-татары, люди-черт*. Для определения человека, нарушающего установленные правила, на наш взгляд, эти персонажи выбраны не случайно: Иуда — предатель спасителя человечества, татары — исторические враги русского народа, черт — библейский враг людей.

Обычай требовал соблюдения религиозных предписаний (*Что Бог ни даст, а в среду (пяток) не прасть; Не помолившись Богу, не ездят в дорогу; Шить ли, белить ли, а завтра великдень; Могила без кадила, что угольная яма*) и бытовых приличий (*В солоницу хлеба не макают; В передний угол посоха не ставят; Через порог руки не подают*).

Поведение в общественных местах также жестко регламентировалось; нарушитель вызывал резко негативное отношение: *Невежа и Бога гневит; Посади дурака за стол, а он и ноги на стол; Как сыйтый поросенок от корыта бежит (не сказав спасиба); Дома Илья, а в людях свинья; Хороша шла, да не поклонилась; Не умеет к ставицу (чашке) лицом сесть; Его потчевать в харчевне, поить в кабаке, а на дом не водить и др.* Однако при таком трепетном отношении к своим обычаям и традициям русский человек очень лояльно относился к обычаям и традициям других: *В чужой монастырь со своим уставом не ходят; У Сидора обычай, а у Карна свой; Что город, то норов, что деревня, то обычай; В какой народ попадешь, такую и шапку наденешь.*

Таким образом, паремиологический материал не позволил выделить признаки концепта *вежливость*, однако полученные данные предшественника данного концепта — *обычливость* — помогают проследить за

развитием и становлением семантической структуры ключевых лексем-репрезентантов *вежливый, вежливость*.

Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж, 2001.

А.С. Колпакова
Борисоглебский ГПИ

Концепты *хорошее слово, плохое слово* в русском языковом сознании

Одним из наиболее актуальных направлений в современном языкоznании становится когнитивная лингвистика. Основная цель данного направления – исследование языковых средств, репрезентирующих в языке и речи определенные концепты.

Предметом данного исследования является определение способов объективации концептов *хорошее слово, плохое слово* в русском языковом сознании.

В толковом словаре С.И.Ожегова значение слова *хороший* имеет 6 значений:

1. Положительный по своим качествам, вполне удовлетворительный, такой, как следует.
2. Вполне достойный, приличный.
3. Исполненный дружеских чувств; близкий.
4. Вполне достаточный, большой, значительный (разг.).
5. кр. ф. со словом «собою» или *без него*. Красивый, миловидный.
6. Употр. в реплике, имеющей значение возражения, отрицания чего-н., а также вообще при выражении ирон. отношения к кому-чему-н. (разг.).

Нами был проведен опрос работников частного предприятия, занимающихся прямыми продажами, т.е. тех, чья работа основывается на умении общаться с людьми. Особенностью опрашиваемых стало то, что слова «спасибо», «пожалуйста» в их лексиконе отсутствуют, т.к. они «мешают продажам». Опрос проводился в письменной форме. Участникам опроса от 16 до 25 лет.

Результаты опроса

На вопрос «Назовите слова русского языка, которые вам нравятся. Объясните, почему?» были получены следующие ответы:

любовь – именно благодаря ей начинаешь понимать, что ты кому-то нужен; потому что она меня окружает всюду; просто нравится, красиво в звучании и написании;

сон – люблю поспать когда угодно, где угодно и сколько угодно;

весна – играют гормоны, девчонки в коротких юбках, аромат первых цветов и впереди лето;

перспектива – нравится потому, что есть возможность вырасти по служебной лестнице;

игра – весело и интересно;

семья – без объяснений;

шоколад – потому, что сладкий и вкусный;

история – увлекаюсь;

суворенитет – серьёзно;

луна – красиво звучит и пишется, просто нравится;

звезда – красиво звучит и пишется, просто нравится;

утро – вызывает положительные эмоции;

солнце – самый лучший допинг;

радость – вызывает положительные эмоции;

мартины – нравится звучание, особенно конец слова;

органза – вызывает красивые ассоциации (шелест ткани, духи);

каприз – кокетливая манера поведения, очень интригующе;

кисся – что-то ласковое, маленькое и нежное;

эскадра – звучит кратко, но звучно, чётко, воинственно, но по-доброму;

финансы – деловой термин, представительный;

дочка – очень заботливое, напоминает детство;

принцип – нравится звучание, «решительное» слово;

премьер – ассоциация: власть, твёрдость, представительно;

аллюр – я не знаю, что обозначает, но очень нравится звучание;

деньги – кто их не любит;

красивая жизнь – красиво жить не запретишь;

мама – приятно для слуха;

жена – приятно для слуха;

дочка – приятно для слуха;

На вопрос «Назовите слова русского языка, которые вам не нравятся.

Объясните почему?» были получены следующие ответы:

смерть – редко употребляемое слово и, слава Богу, радует слух только в одном случае – смерть врага; потому что хочу, чтобы ее не было;

скандал – не выношу, когда люди ругаются, особенно на пустом месте;

жалость – ты жалеешь других, а тебя никто не пожалеет;

деньги – они всегда приносят несчастье;

злость – без объяснений;

предательство – без объяснений;

война – потому, что погибает много людей;

школа – надоела;

учителя – замучили;

бег – какое-то напряжение;

бухта – вызывает во мне ярость, но почему не знаю;

ход – грубое действие;

удод – звучание – ужасное;

укол – болезнь;
 отрезок – как будто какой-то недомерок, обрубок;
 карьера – яма, которой нет конца;
 статус – слишком «выделисто»;
 нельзя – само слово говорит за себя;
 не получается – само слово говорит за себя;
 не могу – само слово говорит за себя;
 сука – можно применять в некоторых случаях, но не часто;
 матерные слова – лучше не употреблять; им не место в русском языке.
 Они только портят и засоряют русский язык.

Обработка материала показала, что для испытуемых «слова, которые нравятся» – это слова, которые связаны с положительными эмоциями, фонетически приятные, «которые приятно слушать», а также незнакомые им слова, которые кажутся испытуемым фонетически приятными. К группе слов, которые «не нравятся» опрашиваемые отнесли слова, вызывающие отрицательные эмоции, связанные с личными негативными жизненными ситуациями, а также нецензурные речевые единицы.

Был проведен также эксперимент с несколько измененным вопросом: «Какие русские слова вы бы назвали хорошими? Объясните, почему». Были получены следующие ответы:

Родина – вызывает тепло; выражает всю мощь нашей страны;
 дом – вызывает тепло; приятно слушать; приятные ассоциации;
 семья – вызывает тепло;
 Россия – выражает мощь нашей страны;
 работа – просто нравится;
 выходные – приятно слушать, знаешь, что можешь отдохнуть от проблем;
 Мир. Труд. Май. – ностальгия;
 забота – доброе, хорошее слово;
 ласка – ласковое слово, очень нравится;
 нежность – это всегда хорошо;
 счастье – к чему стремишься, двигатель совершенствования;
 мама – самое первое слово в жизни каждого, очень многозначащее, включает в себя самые лучшие чувства и ассоциации: дом, семья, улыбка, смех, радость, счастье, нежность, забота, ласка, любовь;
 одеяло – большое, мягкое, теплое;
 хороший – потому, что однокоренное;
 работа – занимает большую часть жизни и ее надо любить;
 уменьшительно-ласкательные, например: зайчик, солнышко, котик и т.д.

«Хорошими словами» участники эксперимента практически единодушно назвали лексемы, вызывающие положительное эмоциональное восприятие, зачастую, связанные с семьей и отдыхом.

Был также задан вопрос «Назовите имена, которые вам нравятся. Объясните, почему». Получены следующие ответы:

Дима – много знакомых. Не могу точно сказать почему, но звучит очень нежно и красиво; приятно звучит; так зовут племянника;

Данил – приятно звучит;

Лена – приятно произносить вслух;

Марина – приятно произносить вслух;

Света – приятно произносить вслух;

Ксения – так зовут крестницу;

Анастасия – так зовут жену, очень нежное имя, особенно – Настенька;

Софья – просто нравится; свет в темноте;

Алина – Алинушка – очень нежно, даже Алинка звучит нежно, грубо никак не назовешь; очень маленькая, красивая девочка;

Екатерина – хорошо звучит с моим именем – Екатерина Максимовна;

Ева – очень краткое и редкое, какое-то запретное;

Артем – теплота, нежность; – с этим именем мне встречаются очень хорошие люди;

Ксюша – прикольное, какое-то озорное;

Полина – очень сексуальное;

Влад – имя моего сына, ассоциация – власть;

Кирилл – так звали любимого кота;

Антон – четкое, спокойное;

Олег – деловое и короткое;

Игорь – мягкое, простое;

Виктория – «победа»;

Валентина – 14 февраля (день влюбленных);

Юля – имя моей мамы;

Денис – с этим именем мне встречаются очень хорошие люди;

Макс – с этим именем мне встречаются очень хорошие люди;

Женя – с этим именем мне встречаются очень хорошие люди;

Сережка – с этим именем мне встречаются очень хорошие люди;

На вопрос «Назовите имена, которые вам не нравятся. Объясните, почему» были получены следующие ответы:

Таня – «все они твари, противные и блатные», хотят казаться не теми, какие они на самом деле;

Вика – «все они твари, противные и блатные», хотят казаться не теми, какие они на самом деле;

Олег – «все они твари, противные и блатные», хотят казаться не теми, какие они на самом деле;

Джордж – потому, что Буш;

Шамиль – потому, что Басаев;

Егор – противный сосед;

Борис – часть фамилии (Борисов) противного соседа;

Люся, Люда – просто базар какой-то, продавец семечек; просто не люблю произносить вслух;

Клава – почему-то напоминает жабу;

Женя – буква **ж** не нравится;
 Юра – лысое, голое имя;
 Вася – имя кота простого и тупого;
 Коля – неполноценное какое-то, с явными признаками происхождения от женского;
 Петя – Петрушка, дурачок;
 Оля – набор букв, который так часто встречается, что просто надоело;
 Алеша – несамостоятельность, беспомощность, пустое, ничего особо не значащее;
 Екатерина – все Кати б...(много примеров из жизни); просто не люблю произносить вслух;
 Даша – простое, без шарма;
 Маша – слишком простое, без шарма;
 Лена – слишком простое, без шарма; слишком часто употребляется;
 Света – слишком простое, без шарма;
 Лариса – стандартная рифма – крыса;
 Анфиса – стандартная рифма – крыса;
 Раиса – стандартная рифма – крыса;
 Юля – так зовут жену;
 Денис – просто некрасиво;
 Антон – просто некрасиво;
 Иван – Иванушка-дурачок, вызывает именно это соответствие.

Разделение имен на те, которые нравятся и не нравятся практически стопроцентно отражает знакомство с реальными людьми и ситуациями, в которых тот или иной человек повел себя правильно или неправильно, с точки зрения испытуемого. Также важную роль имеют ассоциативные ряды (Лариса – крыса, Клава – напоминает жабу). Не последнюю роль играет и фонетическое оформление слова: не нравится **ж**, звуковые сочетания (Оля – набор букв, который так часто встречается, что просто надоело; Денис – просто некрасиво).

Исследование показало, что испытуемые не испытывает затруднений в ответах на вопросы, что позволяет сделать вывод о том, что концепты хорошее слово, плохое слово актуальны для языкового сознания носителей языка, реально представлены в концептосфере каждого человека. Разнообразие полученных реакций свидетельствует о необходимости дальнейшего их изучения, расширения экспериментальной базы исследования и расширения количественного состава, возрастной, гендерной и социальной дифференциации испытуемых.

Экспериментальное исследование концепта *дети*

С целью выявления содержания концепта «дети» в сознании носителей современного русского языка был проведен свободный ассоциативный эксперимент. В эксперименте приняли участие студенты историко-филологического факультета и факультета педагогики и методики начального образования (120 человек) в возрасте 17-20 лет.

При описании результатов были учтены все реакции, включая единичные, поскольку для выявления и описания содержания концепта важны любые психологически осознаваемые ментальные информационные компоненты, связываемые в сознании респондентов с тем или иным ментальным образованием (концептом). Результаты эксперимента подвергались семантической интерпретации, т.е. осуществлялась интерпретация значений полученных ассоциатов как семантических компонентов (сем) значения слова-стимула, а также группировка полученных семантических компонентов по общности их денотативной отнесенности. Близкие по семантике ассоциаты, называющие один и тот же семантический компонент, объединяются, а их частотность суммируется. В результате проведенных операций мы получили несколько семантических групп и ранжировали их по убыванию яркости выделенных признаков.

1. Семантическая группа «Бытовые реалии» – 178 реакций (наиболее частотные реакции: *игрушки* – 63, *пеленки* – 24, *коляска* – 20).
2. Семантическая группа «Оценочные характеристики» – 129 реакций (*маленькие* – 16, *кричат* – 10, *плачущие* – 9).
3. Семантическая группа «Государственные учреждения» – 64 реакции (*школа* – 21, *детский сад* – 20, *учитель* – 11).
4. Семантическая группа «Эмоции: положительные и отрицательные» – 44 реакции (*радость* – 19, *веселые* – 7, *красивые, счастье* – 3).
5. Семантическая группа «Родственные отношения» – 32 реакции (*родители* – 16, *семья* – 7, *муж/жена* – 5).
6. Семантическая группа «Физиология» – 27 реакций (*мальчик* – 7, *девочка* – 6, *младенец, детство* – 3).
7. Семантическая группа «Естественные отправления» – 23 реакции (*плач* – 9, *слезы* – 4, *сопли* – 2).
8. Семантическая группа «Половая сфера» – 10 реакций (*секс* – 5, *овуляция* – 2, *презерватив* – 1).

Для выявления гендерных особенностей восприятия рассмотрим, на какие семантические группы делятся полученные реакции отдельно у юношей и девушек.

Реакции, данные девушками в свободном ассоциативном эксперименте, мы разделили на следующие семантические группы.

1. Семантическая группа «Бытовые реалии» – 114 реакций (наиболее частотные: *игрушки* – 41, *пеленки* – 18, *коляска* – 14).
2. Семантическая группа «Оценочные характеристики» – 66 реакций (наиболее частотные: *маленькие* – 11, *кричат, плачущие* – 8, *шумные* – 4).
3. Семантическая группа: «Семья и родственные отношения» – 34 реакции (*родители* – 10, *любовь* – 7, *забота* – 4, *ребенок* – 3, *ответственность* – 3, *семья* – 2, *малыши* – 2, *муж/жена* – 2, *племянник* – 1).
4. Семантическая группа «Государственные учреждения» – 32 реакции (наиболее частотные: *школа* – 11, *детский сад* – 11, *учитель* – 3).
5. Семантическая группа «Эмоции: положительные и отрицательные» – 18 реакций (*радость* – 12, *красивые* – 2, *счастье, доброта, ласка, нежность* – 1).
6. Семантическая группа «Физиология» – 12 реакций (наиболее частотные: *мальчик* – 4, *девочка* – 4, *девять месяцев* – 2).
7. Семантическая группа «Естественные отправления» – 8 реакций (*слезы, сопли* – 2, *плач, какашки, обгаженные пеленки, слюни* – 1).
8. Семантическая группа «Половая сфера» – 1 реакция (*секс* – 1 реакция).

Реакции, данные юношами в свободном ассоциативном эксперименте.

1. Семантическая группа «Бытовые реалии» – 123 реакции (наиболее частотные: *игрушки* – 22, *подгузники, проблемы* – 7, *пеленки, коляска* – 6).
2. Семантическая группа «Оценочные характеристики» – 63 реакции (наиболее частотные: *маленькие, будущее* – 5, *цветы жизни* – 4, *шумные, хорошие, много* – 3).
3. Семантическая группа: «Семья и родственные отношения» – 31 реакция (наиболее частотные реакции: *родители* – 6, *семья* – 5, *любовь* – 4, *ответственность* – 4).
4. Семантическая группа «Эмоции: положительные и отрицательные» – 28 реакций (*радость, веселье* – 7, *счастье, переживание* – 2).
5. Семантическая группа «Государственные учреждения» – 23 реакции (наиболее частотные: *школа* – 10, *детский сад* – 9, *учитель* – 8).
6. Семантическая группа «Физиология» – 16 реакций (наиболее частотные: *мальчик* – 3, *девочка, младенец* – 2).
7. Семантическая группа «Естественные отправления» – 10 реакций (*плач – 8, слезы – 2*).
8. Семантическая группа «Половая сфера» – 9 реакций (*секс – 4, овulation – 2, презерватив – 1, процесс зачатия – 1, свободная любовь – 1*).

Для построения полевой стратификации концепта «дети» в сознании девушек используем такое количественное соотношение для выделения зон в структуре концепта: ядро – более 100 реакций, ближняя периферия – от 50 до 100, дальняя периферия – от 25 до 50 и крайняя периферия – от

1 до 25 реакций. В итоге полевая организация концепта в сознании девушек может быть представлена следующим образом:

- ядро (ассоциаты, связанные с бытовыми реалиями);
- ближняя периферия (оценочные ассоциаты);
- дальняя периферия (семантические группы «Семья и родственные отношения», «Государственные учреждения»);
- крайняя периферия (эмоциональные ассоциаты, ассоциаты, связанные с физиологией и естественными отправлениями).

Полученные результаты позволяют сделать вывод, что в сознании девушек представление о детях связано, прежде всего, с бытовыми реалиями, с определенными оценочными характеристиками, с семьей и родственными отношениями.

Сравнение с семантическими группами реакций девушек показывает, что самой многочисленной у юношей также является группа «Бытовые реалии». Также как и у девушек, на втором и третьем месте у юношей выступают группы «Оценочные характеристики» и «Семья и родственные отношения». Группа эмоциональных ассоциатов у юношей более многочисленна и стоит на четвертом месте (у девушек она малочисленна и стоит на пятом месте).

В результате полевая стратификация концепта «дети» в сознании современных юношей будет выглядеть так:

- ядро (ассоциаты, связанные с бытовыми реалиями);
- ближняя периферия (оценочные ассоциаты);
- дальняя периферия (семантическая группа «Семья и родственные отношения»; эмоциональные ассоциаты);
- крайняя периферия (семантические группы «Государственные учреждения», «Физиология», «Естественные отправления», «Половая сфера»).

Проведенный свободный ассоциативный эксперимент позволяет судить и о содержании и структуре концепта *дети*.

Когнитивная интерпретация результатов ассоциативного эксперимента позволяет выявить ядро концепта, достаточно компактное, которое представлено признаками «бытовые реалии», что свидетельствует о преимущественно предметном характере концепта «дети» в молодежной картине мира.

Периферия концепта достаточно обширная, нет больших разрывов в яркости признаков ближней, дальней и крайней периферии. Периферийная часть концепта содержит многочисленные признаки, обладающие заметной яркостью, и там сосредоточена основная гендерная специфика исследуемого концепта. В концептосфере девушек к таким признакам относятся: оценочные признаки; семья и родственные отношения, государственные учреждения; эмоциональные признаки, физиологические признаки, признаки, связанные с естественным отправлениями. В концептосфере юношей это: оценочные признаки; семья и родственные

отношения, эмоциональные признаки; государственные учреждения, физиология, естественные отправления, половая сфера.

Экспериментальные материалы позволяют отметить, что у молодежи представление о детях опирается, в основном, на внешние признаки, т.к. концепт «дети» преимущественно складывается из признаков, относящихся к бытовым реалиям (игрушки, пеленки, школа, детский сад, коляска). В основном, преобладает положительная оценка: радость, любовь, смех. Отношение одобрительное сочувственное (маленькие, плач, веселые, цветы жизни) и в тоже время ассоциируется с ответственностью (ответственность, будущее, семья).

М.Ю. Шевченко
Борисоглебский ГУ

**Концепт *культурный*
по данным экспериментального исследования**

Нами был проведен свободный ассоциативный эксперимент с целью выявления когнитивного содержания лексемы «культурный» в русском сознании.

В эксперименте участвовали 613 информантов (283 мужчины и 330 женщин). Возраст опрашиваемых – от 18 до 78 лет. Большая часть испытуемых среднего и пожилого возраста (345 человек), остальные респонденты – студенты БГПИ и филиала ВГАСУ в г. Борисоглебске, что позволяет считать результаты ассоциативного эксперимента реально отражающими современное состояние русской концептосферы.

Испытуемым предлагалась следующая инструкция: «Просим Вас принять участие в психолингвистическом эксперименте, который проводится в научных целях. Перед вами список слов. Прочитав очередное слово, напишите рядом с каждым из этих слов первое слово или выражение, которые приходят вам в голову. Если сразу реакции на слово не возникло, ставьте прочерк. Работайте быстро, не задерживаясь, не задавая никаких вопросов экспериментатору. Пишите так, как вы думаете. Все ваши ответы будут правильными. Не возвращайтесь к уже прочитанным словам и не вносите исправлений в уже написанное. Укажите Ваш пол и возраст. Спасибо».

В качестве слов-стимулов в данном эксперименте использовались следующие 5 слов (они перечислены в том же порядке, в котором предлагались информантам): *хаотичный, низкий, разумный, культурный, грубый*. Наличие других слов-стимулов преследовало цель получения более объективных результатов.

Необходимо отметить, что ответы особых затруднений у информантов не вызвали, они отвечали быстро, размышляя недолго.

При обработке результатов эксперимента учитывались все ассоциаты, в том числе и единичные.

Всего было получено 594 первых реакций, разных реакций – 137, единичных – 78, отказов – 19.

Результаты эксперимента

КУЛЬТУРНЫЙ 613: человек 153, вежливый 55, образованный 47, воспитанный 39, интеллигент 12, работник 11, мужчина 10, книга, театр 9, интеллигентный, правильный, умный 8, начитанный 7, диалог, отдых, центр 6, искусство, обходительный, порядочный, учитель 5, аккуратный, добрый, интеллект, мальчик, профессор, фонд, хороший 4, гражданин, диплом, досуг, революция, уровень, язык 3, вежливость, вечер, вопрос, воспитание, галстук, добро, добропорядочный, знающий нормы поведения в обществе, институт, музей, образ жизни, поэт, приятный, разговор, ребенок, спор, стихи, с хорошими манерами, цивилизованный, честный, чистота, этикет 2, академик, аккуратность, античность, болван, вид, внимательный, высокоразвитый, выставка, голос, город, гостеприимный, джентльмен, дипломат, директор, дисциплинированный, дом, женщина, кино, клуб, красивый, мероприятие, милый, Миша, мужчина с усами, музыка, начальник, нравственность, не плюется, не хамит, обмен, общительный, опрятность, опрятный, ответ, отличник, парк, педагог, пианино, пиджак, поход, правильный лексикон, правильно воспитанный, праздник, президент, преподаватель, пример для всех, примерный, продавец, произведение, ребята, редкий случай, скромный, словарь, слой общества, смокинг, собеседование, соблюдающий правила этикета, специалист, студент, субъект, телевидение, тон, уважаемый, уважение, уважительный, удивление, умственно развитый, ученик моего класса, ученый, фильм, фрак, характер, хорошо воспитанный, хорошо обращается, художник; Чехов, чиновник, я 1; отказы—19.

Одним из этапов моделирования концепта является описание полевой стратификации образующих его когнитивных признаков. Когнитивная интерпретация результатов свободного ассоциативного эксперимента позволяет следующим образом представить полевую структуру исследуемого концепта.

Ядро

Носитель культуры – человек 211 (34,4% от общего числа реакций): *человек 153, работник 11, мужчина 10, учитель 5, мальчик 4, гражданин 3, поэт, ребенок 2, академик, болван, директор, женщина, Миша, мужчина с усами, начальник, педагог, президент, преподаватель, продавец, профессор, ребята, специалист, студент, субъект, ученик моего класса, художник, Чехов, чиновник, я 1.*

Ближняя периферия

Образованность 111 (18,1%): образованный 47, интеллигент 12, книга 9, интеллигентный, умный 8, начитанный 7, интеллект, образование 4,

диплом, язык 3, словарь, высокоразвитый, отличник, правильный лексикон, умственно развитый, ученый 1.

Дальняя периферия

Сфера проявления 76 (12,3%): *театр 9, диалог, центр, отдых 6, искусство 5, революция, досуг 3, вопрос, институт, музей, образ жизни, разговор, спор, стихи, вечер 2, античность, выставка, голос, город, дом, кино, клуб, мероприятие, музыка, обмен, ответ, парк, пианино, поход, произведение, слой общества, собеседование, телевидение, тон, фильм, фонд 1, праздник 1*

Вежливый 66 (10,7): *вежливый 55, обходительный 5, обходительность 3, вежливость 2, хорошо обращается 1.*

Воспитанность 52 (8,4%): *воспитанный 39, воспитание, знающий нормы поведения в обществе, с хорошими манерами, цивилизованный, этикет 2, правильно воспитанный, соблюдающий правила этикета, хорошо воспитанный 1.*

Общая оценка 40 (6,5%): *правильный 8, порядочный 5, добрый, хороший 4, культура, уровень 3, добро, приятный 2, гостеприимный, дисциплинированный, красивый, мягкохарактерный, пример для всех, примерный, уважаемый, уважение, удивление 1.*

Крайняя периферия

Опрятность внешнего вида 13 (2,1%): *аккуратный 4, галстук 2, аккуратность, вид, опрятность, опрятный, пиджак, смокинг, фрак 1.*

Нравственность 6 (0,9%): *честный 2, нравственность, скромный, характер, чистота 1.*

Уникальность 1 (0,1%): *редкий случай 1.*

Общие выводы экспериментального лингвокогнитивного исследования концепта *культурный* таковы.

Ядро концепта составляет один весьма важный, с точки зрения испытуемых, номинативный признак «носитель культуры – человек», который рассматривается информантами как субъект признака.

Ближняя периферия представлена одним качественным когнитивным признаком «образованность», что свидетельствует о важности разностороннего образования для формирования содержания концепта.

Дальняя и крайняя периферии, которые можно считать достаточно обширными, имеют большой разрыв между собой. Каждая в своем составе содержит однооценочные компоненты положительной направленности.

Таким образом, и ядро, и ближняя периферия, представленные одиночными когнитивными признаками, содержат следующую смысловую информацию: культурным можно назвать человека, *образованного, вежливого в разных сферах своей деятельности, хорошо одетого и аккуратного, нравственного, данное качество положительно оценивается сознанием*. Все эти когнитивные признаки имеют различную яркость в структуре концепта. Так, нравственные требования оказываются слабо выраженным, а требования к одежде и внешности по яркости даже несколько превосходят их.

Концепт *культурный* следует признать композитивным концептом (Фисенко 2005, с. 6), поскольку он выступает в своем основном содержании как дополняющая друг друга композиция (совокупность) нескольких концептов – *вежливость, образованность, воспитанность и опрятность*.

Фисенко О.С. Концепт *гроза* в русском языковом сознании. Автореф. дисс. ...канд. филол. наук. Воронеж, 2005.

И.А. Щербакова
Борисоглебский ГПИ

Экспериментальное исследование концепта *извинение*

Когнитивная интерпретация результатов лингвистического анализа значений языковых единиц предполагает смысловое обобщение полученных результатов описания семантики языковых единиц для формулирования когнитивных признаков, представляемых теми или иными значениями или семантическими компонентами этих языковых единиц (Стернин 2004).

Нами был проведен свободный ассоциативный эксперимент со стимулом *извинить*. Испытуемым предлагалась инструкция: «Вы участвуете в психологическом эксперименте. Пожалуйста, запишите пять первых пришедших вам в голову слов, словосочетаний на слово «извинить». Опрошено 245 студентов дневного и заочного отделения историко-филологического факультета и факультета дошкольного воспитания БГПИ в возрасте от 17 до 38 лет, из которых 216 испытуемых женского пола и 29 мужского.

В результате эксперимента получено 1017 реакций, семьдесят один студент дали по 4 реакции, в двенадцати ответах представлено по три реакции, две и одну реакции дали по 14 студентов. Отказов в эксперименте – три.

На основе анализа результатов была сформировано ассоциативное поле лексемы «извинить».

Извинить 245: простить 65; обида, прощение 51; вина 37; просить прощение, просьба 25; прошу прощения 20; простите 19; вежливость, человек 15; ошибка, прости 12; пожалуйста, простите, пожалуйста 11; забыть, простите меня 9; помиловать, улыбка, я не права 8; доброта, жалость, забыть обиду, опоздание, неловкость, раскаяние 7; виновата, не обижаться, оскорбление, проступок, не сердись, уважение 6; культура, наказание, наступить на ногу, объяснение, просят прощение, слезы, унижение 5; воспитанность, друг, любовь, неудобство, огорчение, провиниться, провинность, помириться, попросить прощения, простить

обиду, ситуация, толкнул, улыбнуться, хорошее настроение 4; дружба, ничего страшного, подруга, поступок, обращение, оплошность, понять, разговор, стыд, стыдно, сожаление, тактичный, ударили, чувство вины, я больше так не буду, я заблуждаюсь, я сожалею 3; будьте добры, виноват, виновность, горечь, жалко, желание уйти, забыть о неприятностях, загладить вину, измена, кто-то толкнул нечаянно, культурный человек, ложь, милосердие, мужчина, нанесение обиды, не принимать близко к сердцу, не сердиться, обидеть человека, обнять, обращение к человеку, объяснить свой поступок, опоздал на урок, оправдываться, ответ, отказ, отменить вину, отпустить грехи, очки, плохой поступок, подлость, покраснеть, помочь, понимание, предательство, примирение, простить за что-то, радость, раскаяться, рукопожатие, сделать кому-то приятное, сердечность, случайно, совесть, спросить время, столкнуться, так получилось, такт, уйди, унижаться, хочет помириться, этикет, я больше не буду, я не хотел 2; автобус, аккуратность, активист, активность, аллея, близкие, болезнь душевная, боль, больше не обижаться, букет цветов, была неосторожной, быстрота, вежливый, взаимопонимание, в знак протesta, вина за собой, виноватый, виновен, виновник, внимательность, во имя Господа Бога Иисуса Христа, я больше не буду, вопрос, встать на колени, входит в доверие, в чем-то виновата, гадом буду, глаза, глаза полные извинений, гордость, горе, грех, грусть, да, все нормально, дай подую, дай поцелую, дверь, дети, денежный, дискомфорт, доброе слово, добрые глаза, добрый, добрый взгляд, доказывать свою правоту, дом, дочка, друзья, душевный, если человека затронули, жалость, женщина, жертвенность, жест хороший, забудьте, забыть о плохом огорчении, забыть ошибку, забыть что-то принести, зацепил, звон, звонок телефона, зонт, иди отсюда, иностранец, институт, интеллигент, ирония, искупить, истина, каётся, какая неприятность, каются за содеянное, кинотеатр, конечно, конечно, культурная норма, лекция, любезность, люди, магазин, мелкие шаги, мир, мне так жаль, можно спросить время, молчание, моя вина, наглость, нагрубил, надежда, найти в себе силы, настороженность, наступил, начать разговор, неаккуратность, небесная чистота, не беспокойтесь, невнимательность, не выполнение обещания, не выполнение работы, недоразумение, не дуйся, не думать, не злиться, незнакомец, неловкая ситуация, неловкое положение, не могли бы вы простить за ..., не наказать, не обижайся, не обижайтесь, не обвинять, не обращать внимания, необходимо понять, необходимо уйти, не плачь, не позволите ли, не придавать значение, не прошу, несчастье, неудобство перед человеком, не хотела вас обидеть, не хочется, нечаянно сделал больно, нечаянность, низкопоклонство, никогда, никогда не повториться, ничего, ничего – ничего, ну, ладно, ну, прости меня, обещание, обидели, обидчик, обиженный, облегчение, облегчение на душе, обсудить, опоздавший, опоздала, опустить глаза, оскорбил, осознание содеянного, осознать свою ошибку, остановить говорящего человека, отвлечение, от всего сердца, отговорка, отдать что-нибудь, от души, отношения, отпустить, оценка,

очень жаль, очень любезно, ошибиться, ошиблись, не туда попали, падать ниц, падение, парень, перед вами виноват, перемирие, перестать дуться, печаль, плащ, плохое настроение, побуждение, поверь мне, я не хотел, поднять кому –то настроение, подхалимство, покаяние, помочь, поощрение, порядочный человек, поступил неправильно, поцеловать, почувствовать свою правоту, пощада, правильность, прерывают кого-то, признание ошибки, признать вину, признаться в неправоте, прийти с повинной, при неурядицах с друзьями и начальством, при опоздании, причина, провинившийся, продолжать общаться, происшествие, пропуская кого-то, просим прощение, просит прощение, просить у кого-то прощение, простите за дерзость, простите за оплошность, простите за опоздание, простите, я больше так не буду, простить друга, простить за несвоевременный ответ, простить за повышенный тон начальника, простить кого-нибудь, просят простить, профессия, прошу простить меня, прощать, прощать друга, прощаю, прошу, пытаются войти в дружеское расположение, развитие, разговор по телефону, раздор, разочарование, разрешите спросить, раскаяться в своих нехороших поступках, раскаяться в содеянном, рассмеяться, реакция, ребенок, рука, ручей, сарказм, сбросить камень с души человека, светлое, сделать хорошее, сердце, скажите, пожалуйста, как..., скандал, склонить голову, скорбь, следствие после конфликта, словарь, случай, случайная ситуация, случайность, случайно толкнули, смущение, снисхождение, сожалеть о чем-либо, сострадание, сочувствие, спокойствие, спрашивать в магазине продукты, ссора, столкновение, стремление, театр, теплота, товарищ, толкнуть, толкнуть кого-то, туча, удовлетворение, унижается, унижаются, унижение перед кем-то, уронить, уступки, ученик, учитель, формула вежливости, хороший поступок, хороший характер, хотят спросить человека, цель, честность, чистое, что-то спросить, чувство исполненного долга, чувство сделанной ошибки, чувство стыда, чувствует свою неправильную точку зрения, школа, щекотливое положение, я виновата, я заблуждался, я неправ, я не так что-то сделала, я не хотела, чтобы так получилось, я обидел вас, я поступил неправильно 1.

Этап когнитивной интерпретации результатов ассоциативного эксперимента предполагает, во-первых, обобщение сходных ассоциатов и, во-вторых, формулирование на базе обобщенных конкретных когнитивных признаков концепта.

Близкие по семантике ассоциаты интерпретируются как языковые репрезентации отдельного когнитивного признака концепта, а их частотность суммируется. На данном этапе интерпретируются все полученные ассоциаты, включая единичные.

Далее когнитивные признаки концепта подлежат распределению по основным структурным компонентам концепта – образному компоненту, информационному содержанию и интерпретационному полю (Попова, Стернин 2003).

Образное содержание концепта включает *перцептивный образ*, который отражает чувственные представления людей, а также *когнитивный образ*, выраженный в смысловых связях (метафорических, метонимических) содержания концепта с другими концептами.

Перцептивный образ по данным эксперимента включает зрительный, тактильный и звуковой образ.

Зрительный образ: улыбка 13 (улыбка 8, улыбнуться 4, рассмеяться 1); глаза 5 (глаза, глаза, полные извинений, добрые глаза, добрый взгляд, опустить глаза 1); слезы 5; покраснеть, склонить голову 2 падать ниц, склонить голову 1); букет цветов, встать на колени, рукопожатие 1.

Тактильный образ: обнять 2; рукопожатие, теплота, поцеловать 1.

Звуковой образ: звонок телефона 1.

Когнитивный образ: чистота 3 (небесная чистота, светлое, чистое 1).

Информационное содержание концепта «извинение», где ключевой лексемой является глагол «извинить», по объему сравнительно невелико и образуется следующими когнитивными классификаторами и признаками.

Формы выражения извинения: *простите* 94 (прошу прощения 20; простите 19; прости 12; простите, пожалуйста, пожалуйста 11; простите меня 9; будьте добры, пожалуйста, простите 2; не могли бы вы простить за ..., ну, простите меня, просим прощение, простите за дерзость, простите за оплошность, простите за опоздание, простите, я больше так не буду, прошу простить меня 1); *виноват(a)* 12 (виновата 6; виноват 2; виновен, моя вина, перед вами виноват, я виновата 1); *я не права* 10 (я не права 8; поступил неправильно, я поступил неправильно 1); *не дуйся* 9 (не сердись 6; не дуйся, не обижайся, не обижайтесь 1); *я не хотел(a), чтобы так получилось* 7 (так получилось, я не хотел 2; не хотела вас обидеть, поверь мне, я не хотел, я не хотела, чтобы так получилось 1); *я больше не буду* 6 (я больше так не буду 3; я больше не буду 2; во имя Господа Бога Иисуса Христа, я больше не буду 1); *сожалею* 5 (я сожалею 3; мне так жаль, очень жаль 1); *заблуждаться* 4 (я заблуждаюсь 3; я заблуждался 1); *случайно* 2; *была неосторожна, гадом буду, дай подую, дай поцелую, не позволите ли, не плачь, нечаянно сделал больно, никогда не повторится* 1.

Причина для принесения извинения: *проступок* 22 (проступок 6; провиниться, провинность 4; поступок 3; виновность, плохой поступок 2; в чем-то виновата 1); *физическое воздействие* 21 (наступить на ногу, толкнул 4; ударили 3; кто-то толкнул нечаянно, столкнуться 2; наступил, случайно толкнули, столкновение, толкнуть, толкнуть кого-то, зацепил 1); *ошибка* 15 (ошибка 12; оплошность 3); *причинение моральных страданий* 14 (унижение 5; измена, ложь, подлость, предательство 2; нагрубил 1); *нанесение обиды* 12 (оскорбление 6; нанесение обиды, обидеть человека 2; обидели, оскорбил 1); *опоздание* (опоздание 7; опоздал на урок 2; опоздала, при опоздании 1); *раскаяние* 11 (раскаяние 7; раскаяться 2; раскаяться в своих нехороших поступках, раскаяться в содеянном 1); *случай* 9 (ситуация 4 (в значении «обстановка, положение,

возникшее на основе стечения, совокупности каких-либо условий и обстоятельств» – Кузнецов С.А. 2004, с. 1190); нечаянность (в значении «нечаянный случай, неожиданность» – Кузнецов С.А. 2004, с. 647), происшествие, случай (в значении «непредвиденное, неожиданное обстоятельство» – Кузнецов С.А. 2004, с. 1214), случайная ситуация, случайность: 1) *неловкость* 8 (неловкость 7; я не так что-то сделала 1); *осознание чего-либо* 2 (осознание содеянного, осознать ошибку 1); грех, если человека затронули, следствие после конфликта, забыть что-то принести, наглость, неаккуратность, невнимательность, невыполнение обещания, невыполнение работы, недоразумение, необходимость уйти, отношения, оценка, ошибиться, падение, при неурядицах с друзьями и начальством, раздор, скандал, ссора, уронить 1.

Способы извинения: просить прощения 37 (просить прощения 25; просят прощения, попросить прощения 4; просим прощение, просит прощения, просить у кого-то прощения, просят простить 1); *покаяние* 7 ((в значении «добровольное признание в совершенном проступке, в ошибке» – Кузнецов С.А. 2004, с. 894) каётся, каются за содеянное, покаяние, признание ошибки, признать вину, признаться в неправоте, прийти с повинной 1)); *объяснение* 6 (объяснение 5; объяснить свой поступок 1); *унижаться* 5 (унижение перед кем-то 3; унижаться 2); *оправдываться* 3 (оправдываться 2; доказывать свою правоту 1); *разговор* 2 (разговор по телефону, начать разговор 1); вопрос, ирония, низкопоклонство, обещание, отговорка, подхалимство, сарказм, хороший поступок 1.

Цель извинения: помириться (помириться 4; примирение 2; мир, перемирие 1); что-то спросить 8 (спросить время 2; можно спросить время, разрешите спросить, скажите, пожалуйста, как ..., спрашивать в магазине продукты, хотят спросить человека, что-то спросить 1); *дружба* 5 (дружба 3; входят в доверие, пытаются войти в дружеское расположение 1); *сделать кому-то приятное* 4 (сделать кому-то приятное 2; поднять кому-то настроение, сделать хорошее 1); загладить вину, *прерывают кого-то* 2 (остановить говорящего человека, прерывают кого-то 1); искупить, истина, отдать что-нибудь, продолжать общаться, пропуская кого-то, сбросить камень с души человека 1.

Интерпретационное поле концепта очень объемно и включает многочисленные когнитивные признаки, характеризующие отношение человека к извинению как составной части культуры.

В интерпретационное поле концепта «извинение» входят следующие когнитивные классификаторы и признаки.

Реакция на извинения: простить 188 (простить 65; прощение 51; забыть 9; помиловать 8; забыть обиду 7; не обижаться 6; простить обиду 4; понять 3; забыть о неприятностях, милосердие, не принимать близко к сердцу, не сердиться, отменить вину, помочь, понимание, простить за что-то 2, больше не обижаться, взаимопонимание, забыть о плохом огорчении, забыть ошибку, не думать, не злиться, не наказать, не обращать внимания, необходимо понять, не придавать значение, перестать дуться,

помощь, простить друга, простить за несвоевременный ответ, простить за повышенный тон начальника, простить кого-нибудь, прощать, прощать друга, снисхождение 1); наказание 4; ответ, отказ, отпустить грехи, стремление помириться 2; внимательность, молчание, найти в себе силы, не обвинять, обсудить, поощрение, почувствовать свою правоту, пощада, спокойствие, что-то спросить 1.

Чувства субъекта извинения (нарушителя норм) в отношении жертвы: вина 40 (вины 37; чувство вины 3); неловкость 16 (неловкость 7; неудобство 4; дискомфорт, неловкая ситуация, неловкое положение, неудобство перед человеком, щекотливое положение 1); жалость 10 (жалость 7 (в значении «чувство сострадания к кому- , чему-либо» – Кузнецов С.А. 2004, с. 299); жалко, сострадание, сочувствие (в значении «отзывчивая, участливое отношение к горю, переживания кого-либо; сострадание» – Кузнецов С.А. 2004, с. 1244)); стыд 7 (стыд, стыдно 3; чувство стыда 1); огорчение 5 (огорчение 4; горечь 1); сожаление 4 (сожаление 3; сожалеть о чем-то 1); искренность (от всего сердца, от души 1); совесть (в значении «чувство моральной ответственности за своё поведение; нравственные принципы, взгляды, убеждения» – Кузнецов С.А. 2004, с. 1226); чувство сделанной ошибки 2 (чувство сделанной ошибки, чувствует свою неправильную точку зрения 1).

Чувства объекта извинения (того, кому нанесли обиду): обида 57 (обида 51 (в значении «оскорбление, огорчение, причиненное кому-либо несправедливо, незаслуженно; чувство вызванное этим оскорблением, огорчением» – Кузнецов С.А. 2004, с. 668); огорчение 4; горечь 2); печаль 3 (грусть, печаль (в значении « чувство грусти, скорби, состояние душевной горечи» – Кузнецов С.А. 2004, с. 829), скорбь 1); несчастье (горе, несчастье 1 (в значении «тяжелое, трагическое событие, несчастный случай; горе, беда, бедствие» – Кузнецов С.А. 2004, с.643)), желание уйти 2; боль (в значении «чувство горя, нравственное страдание» – Кузнецов С.А. 2004, с. 90); гордость, дискомфорт, настороженность, плохое настроение, разочарование 1.

Речевые формулы принятия извинения: ничего 5 (ничего страшного 3; ничего, ничего-ничего); уйди 2; да, всё нормально, забудьте, иди отсюда, не беспокойтесь, не прошу, ну, ладно, очень любезно, ошиблись, не туда попали, прощаю, прошу 1.

Качества личности, обуславливающие необходимость извинения: вежливость 17 (вежливость 15; вежливый, формула вежливости 1); доброта 11 (доброта 7; сердечность 2 (в значении «наполненный добротой; задушевный, доброжелательный» – Кузнецов С.А. 2004, с. 1177); добрый, душевный (в значении «добрый, чуткий, отзывчивый (о человеке)» – Кузнецов С.А. 2004, с. 290)); культура (культура 5; культурная норма 1), уважение 6; тант (тактичный 3; тант 2), унижение 5; воспитанность 4; сердечность, этикет 2; жертвенность, жест хороший, любезность, правильность, уступки, хороший характер, честность 1.

Объект извинения (тот, перед кем надо извиняться): человек 15; друзья 9 (друг 4; подруга 3; друзья, товарищ 1); близкие, незнакомец, иностранец, учитель 1.

Субъект, предрасположенный к извинению: культурный человек 7 (культурный человек, люди, порядочный человек 2; интеллигент 1); дети 4 (дети, дочка, ребёнок, ученик 1).

Классификационный признак извинения: обращение 5 (обращение 3; обращение к человеку 2); поступок, разговор 3.

Место принесения извинения: аллея, автобус, дом, институт, кинотеатр, лекция, магазин, театр, школа 1.

Субъект извинения: виноватый 3 (виноватый, виновник, провинившийся 1); обидчик, опоздавший 1.

Чувства субъекта извинения (нарушителя норм), возникающее после принесения извинения: любовь 4; радость 3; облегчение 2 (облегчение, облегчение на душе 1); удовлетворение, чувство исполненного долга 1.

Готовность принести извинение: не хочется, никогда 1.

Полевая структура концепта выстраивается на основании прежде всего яркости соответствующих признаков, которая определяется количеством ассоциатов, объективировавших данный признак в ассоциативном экспери-менте.

Ядро: простить 188; просьба о прощении 165 (простите 94; просить прощения 37; просьба 25; не дуйся 9).

Ближняя периферия: следствие нанесения обиды 69 (обида 57; нанесение обиды 12); требует соответствующих условий для обращения (с извинением) 55 (вежливость 17; доброта 11; культура, уважение 6; такт, воспитанность 4; этикет 2; жертвенность, любезность, правильность, уступки, честность 1); испытываемые отрицательные эмоции 50 (неловкость 15; жалость 10; стыд 7; огорчение 5; печаль 3; несчастье, чувство сделанной ошибки 2; боль, гордость, дискомфорт, настороженность, плохое настроение, разочарование 1); следствие вины 40 (вина 40).

Дальняя периферия: имеет адресат извинения 28 (человек 15; друзья 9; близкие, незнакомец, иностранец, учитель 1); признание вины 23 (виновата 12; я не права 10; вина за собой 1); следствие проступка 22 (проступок 22); следствие ошибки 15 (ошибка 15); констатация ненамеренности ошибки 14 (я не хотела, чтобы так получилось 7; заблуждаться 4; случайно 2; была неосторожна 1); испытываемые положительные эмоции 13 (любовь 4; радость 3; искренность 2; облегчение 2; удовлетворение, чувство исполненного долга 1); получает одобрение адресата (ничего 5; да, всё нормально, забудьте, не беспокойтесь, ну, ладно, очень любезно, прощаю, прошу 1); используется субъектом, обладающим культурой 11 (культурный человек 7; дети 4); следствие опоздания, раскаяния 11; преследует цель, стремиться к восстановлению мирных отношений (помириться 8; хочет помириться 2);

сопровождается чувством унижения 10; следствие случая 9; неловкости; включает обещание не повторять ошибки (я больше не буду 6; нечаянно сделал больно, никогда не повториться 1); преследует цель что-то спросить 8 (что-то спросить 8); оправдание причин случившегося (оправдываться 3; загладить вину 2; доказывать свою правоту, не обвинять 1); признание себя неправым 7 (покаяние 7); используется в общественных местах (аллея, институт, кинотеатр, лекция, магазин, театр, школа 1); требует объяснения причин ошибки (объяснение 6); преследует цель – восстановление дружеских отношений (дружба 5); извинение просит субъект (нарушитель норм) 5 (виноватый 3; обидчик, опоздавший 1); констатация морального страдания из-за ошибки (сожалею 4); может быть не принято (уйди, отказ 2; иди отсюда, не прошу 1); наказание как следствие неприятия извинения (наказание 4); стремление сделать приятное (сделать кому-то приятное 4); проявляется в разговоре (разговор 4); предполагает обращения к человеку (обращение 4); оценивается как положительное явление 4 (поступок 3; жест хороший, хороший поступок 1).

Крайняя периферия: физическое воздействие на адресата (дай подую, дай поцелую 1), может быть связано с духовным прощением (отпущение грехов 2), сопровождаться неготовностью идти на уступки (не хочется, никогда 1), нуждается в проявлении совести (совесть 2), следствие невыполнения чего-либо (невыполнение обещания, невыполнение работы 1), падения чего-то (падение, уронить 1), прерывание чужого разговора (прерывают кого-то 2), осознания чего-либо (осознание чего-либо 2), формирует психологическое состояние, облегчающее душу (бросить камень с души человека, спокойствие 1), сопровождается желанием уйти (желание уйти 2); требует ответа 2 (ответ 2); используется в домашней обстановке (дом 1), при возвращении чего-нибудь (отдать что-нибудь 1); причиной является случайная ошибка (ошиблись, не туда попали 1), может содержать сарказм (сарказм 1), сопровождаться вопросом (вопрос 1), молчанием (молчание 1), положительно оценивается (поощрение 1), предполагает, что субъекта пощадят 1 (пощада 1), преследует цель – искупить вину (искупить 1), найти истину (истина 1), продолжения общения (продолжать общаться 1), предназначено для того, чтобы пройти куда-то (пропуская кого-то 1), проявление подхалимства 1 (подхалимство 1), следствие греха (грех 1), забывчивости (забыть что-то принести 1), морального и физического воздействия 1 (если человека затронули 1), наглости (наглости 1), неаккуратности (неаккуратность 1), невнимательности (невнимательность 1), недоразумения (недоразумение 1), неурядиц (неурядиц 1), отношений (отношения 1), ошибки (ошибиться 1), раздора (раздор 1), скандала (скандал 1), после конфликта (следствие после конфликта 1), ссоры (ссора 1), ухода (необходимость уйти 1), содержит доброе слово (доброе слово 1), обещание (обещание 1), отговорку (отговорку 1), просьбу что-то спросить (что-то спросить 1), утешение 1 (не плачь 1), эмоциональное определение субъекта (гадом буду 1),

сопровождается иронией (ирония 1), проявлением низкопоклонства (низкопоклонство 1), требует обращение внимания (внимание 1) на субъект, обсуждения 1 (обсудить 1), решительности от человека (найти в себе силы 1).

Большинство признаков образного компонента концепта входят в крайнюю периферию. Следовательно, образная составляющая присутствует в структуре концепта, но не является определяющей.

Исследование показывает, что концепт «извинение» сравнительно беден информационным содержанием, но богат интерпретационными признаками. Периферия концепта обширна, присутствуют большие разрывы в яркости признаков ядра и ближней периферии (простить 128; следствие нанесения обиды 57), что свидетельствует о яркости ядра концепта.

Таким образом, свободный ассоциативный эксперимент позволяет выявить содержание и структуру концепта и установить яркость отдельных когнитивных признаков.

Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб., 2004.

Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Изд. 3. – Воронеж, 2003.

Стернин И.А. Концепт и значение: какому виду сознания они принадлежат? // Язык и национальное сознание. Вып. 7. – Воронеж, 2005.

Стернин И.А. Стилистическая характеристика и ситуация употребления слова // Коммуникативные исследования 2005. – Воронеж, 2005.

Щербакова И.А. Извинение в коммуникативном сознании носителя языка // Коммуникативные исследования 2005. – Воронеж, 2005.

А.К. Юрченко
Борисоглебский ГПИ

О содержании понятия «народ» как социологической категории

Понятие «народ», как отмечал еще Н.Михайловский, многозначно. Оно имеет этнологическое и социологическое содержание. Этнологическое содержание данного понятия тождественно понятию «этнос» – совокупности людей, обладающих общими, относительно стабильными особенностями культуры и соответствующим психологическим складом. «Значение, которое ... закрепилось за понятием «этнос»... в принципе вполне синонимично слову «народ» (С.В.Лурье).

Но вместе с тем следует отметить, что понятие «этнос» употребляется только в этнокультурном значении. Понятие «народ» имеет более широкий смысловой диапазон.

Анализ социологических определений народа показывает, что содержание данного понятия всегда было весьма политизированным. Как правило, представители различных политических сил стремились трактовать его с позиций собственных идеологических установок, а поэтому понимание того, что представлял собой народ, какова его структура было у них далеко не солидарным. Приведем лишь один, но достаточно характерный пример. Глеб Успенский видел в так называемом кулачестве – слое богатых крестьян-собственников – «несомненное присутствие ума, дарования, таланта». «Иногда блещут в деятельности кулаков подлинно гениальные способности». Вывод Успенского: кулачество – лучшая часть русского крестьянства и народа в целом.

Совсем другую оценку кулачеству давали идеологи большевиков. Для них эта группа крестьян была силой антинародной. «Сельских мироедов» Ленин рассматривал как врагов социалистической революции.

В российской общественной мысли проблема народа как субъекта культуры и истории и как предмета социологического знания возникла в 40-е годы XIX века и доминировала в общественном сознании вплоть до начала XX столетия. Интерес к народу имел серьезные объективные причины. В России назревали реформы. Феодально-крепостническая система страны оказалась достаточно расшатанной и все больше обнаруживала свою социально-экономическую и политическую несостоятельность. Антикрепостническая борьба крестьян находила живой отклик среди демократических кругов российского общества и одновременно побуждала к осмыслению места и роли «страждущих сословий» в системе общественных отношений страны.

В середине XIX века в русском общественно-политическом сознании сформировалась концепция внутреннего раскола русского народа на два народа, «на две половины, совсем друг другу чуждые и совсем не связанные» (К.Д. Кавелин). Славянофилы считали, что разлом русского общества на обособившиеся социальные группы произошел вследствие реформ Петра I и его неразумной политики «европеизации» России. Потому-то и возникли в стране два слоя – «низший» и «высший». За низшим слоем, сохранившим верность православию и национальной культуре, закрепился статус народа.

Народу противопоставлялось дворянство. Его основной грех состоял в том, что оно перенесло на русскую почву западные обычаи и формы жизненного уклада и стало, как утверждали славянофилы, европейским сословием. Известный русский историк и теолог Г.П. Федотов писал в статье «Трагедия интеллигенции»: «Петру удалось на века расколоть Россию на два общества, два народа, переставших понимать друг друга. Разверзлась пропасть между дворянством (сначала одним дворянством) и народом (всеми остальными классами общества)» (Федотов 1997, с. 599).

«Твердым ядром» народа (Н.Я. Данилевский) было крестьянство – класс, глубоко презираемый господами, но сохранивший приверженность святой допетровской старине.

Почти единогласно из состава народа исключалась интеллигенция. По мнению П.Н. Милюкова «культурный разрыв между передовым отрядом интеллигенции и народной массой произошел... ранее всего в области веры. Отсюда он уже распространялся и на другие области духовной жизни» (Милюков 1995, с. 79).

Духовный разрыв между привилегированными слоями и группами, составлявшими основание общественной пирамиды, дополнялся их социальным обособлением. Главным критерием разграничения общественных групп на народ и не народ стало их социальное положение. Кого обычно относили и продолжают относить к народу? «Униженных и обиженных» (А.Н. Некрасов), всех тех, кто стал жертвой помещичьего закабаления, кто несет, по выражению Кропоткина, крепостное ярмо. Составной частью народа считались и широкие слои городской бедноты. Народ, по В.И. Далю, – это «чернь, простолюдье, низшие податные сословия».

Если исходить из этой конкретизации, то окажется, что народ в середине XIX века составлял абсолютное большинство населения России (78%). По данным ревизии 1850 года городские податные сословия насчитывали 3680 тыс. человек, сельские – 46828 тыс. душ обоего пола, в том числе крепостных крестьян – 22239 тыс., государственных крестьян – 20300 тыс., удельных крестьян – 1798 тысяч. (Брачность... 1997, с. 176)

Западная общественно-политическая мысль относила к народу тоже низшие сословия – «городской плебс» (Ф. Энгельс), крестьянство, а также мелкую городскую буржуазию (ремесленных мастеров, лавочников, владельцев небольших мануфактур, трактирщиков).

Поскольку народ – это непременно социально обездоленные слои общества, то даже лучшие представители элитных страт исключались из его состава. Патриотическое служение России дворянской аристократии не давало ей ни малейших шансов на зачисление в народный стан. Декабристы, эти «истинные приверженцы Отечества» (А.И. Герцен), были действительно «страшно далеки от народа». Да и сама высокообразованная дворянская элита охраняла свою автономию и не идентифицировала себя с народом. Даже язык стал средством, с помощью которого она намеренно отделяла себя от простолюдья. Русская аристократия «стремится покинуть поле русской духовной среды, обособиться от нее, всячески подчеркивая символикой чужой речи свою светскую «нерусскость» (Горелинов... 1999, с. 77).

Традиционно к «народным слоям» относили также те различные общественные группы, которые были отчуждены от власти и противостояли политически господствующей элите. Политическое бесправие – важнейший критерий народа. И «только в рамках этого

противопоставления имеют значения всевозможные рассуждения о смысле и содержании понятия «народ» (Политологический словарь 2001).

Некоторые политологи оспаривают такие утверждения. Профессор В.Э. Багдасарян утверждает, что при дихотомизации власти и общества государство искусственно противопоставляется народу. «Более продуктивно, — пишет он, — не противопоставлять власть и общество, а рассматривать их как единое целое. Теория двух полюсов, по-видимому, изжила себя» (Россия...2002, с. 94).

Предложение интегрировать народ во власть особой новизной не отличается. М.П. Погодин, например, стремясь доказать «истинность» и «законность» самодержавно-крепостнического строя в России, считал, что все российские сословия одушевлены единым чувством «покорности» — беспредельной доверенности и преданности Царю. Все силы России, физические и нравственные, убеждал он, «составляют одну огромную машину, управляемую рукой Русского Царя» (Погодин 1997, с. 100).

Мнение о том, что теория двух полюсов изжила себя представляется противоречащим истории. Вне зависимости от эпох и режимов разделение общества на «власть предержащих» и тех, кто к ней не допускается, — универсальная закономерность исторического развития.

В представлении деятелей русской культуры важнейшим компонентом народа как субъекта исторического процесса выступает его духовность. Духовность — критерий развитости народа, показатель его зрелости и способности к рациональной ориентации в мире.

Л.Н. Толстой даже рассматривал духовность как главный фактор общественного бытия. «Все совершающиеся изменения в жизни людей, все существенные — совершаются по духовным причинам. Экономические идеалы — не идеалы».

Современные учения не менее категоричны. С точки зрения академика Н. Моисеева, духовность — это сердцевина и императив цивилизации.

Духовность — понятие многозначное. «Народный дух» — это уважение к своему народному достоинству и чувство национальной гордости (Н.М. Карамзин), это «усердие к отечественному благу, ревность к чести народной» (К.Ф. Рылеев).

Главным духовным богатством русского народа Ф.М. Достоевский, как известно, считал православие. И устами своего героя Шатова заключал: «Народ без веры в свою православную историческую миссию есть этнографический материал, а не великий народ.

Можно не соглашаться с «горделивым мессианским сознанием» великого писателя (В. Зеньковский), не нельзя не отметить, что величие народа Ф.М. Достоевский ставит в зависимость от его духовного потенциала.

Страшным, грозным и вместе с тем удивительным явлением русской истории С. Булгаков считал раскол. Это была трагедия народа, но также и свидетельство его доблести. Ради веры раскольники были готовы претерпеть любые страдания. Они явили миру «силу и убежденность,

какой никогда... в России не бывало, показав... и нравственное здоровье, и духовную мощь». И эта духовная мощь материализовалась в культ труда, крепкие многодетные семьи, взаимную поддержку, зажиточность, высокую и успешную активность той части купечества, которая принадлежала к староверам (Распутин 1989, с. 153).

Духовность народа есть синтез его сознания и поведения. Повреждение духовности, происходящее в силу различных исторических причин, неблагоприятно отражается на творческих потенциях народа. По Герцену духовное порабощение – это одно из величайших несчастий народа, оно «способствует рабству, обнищанию масс и бессилию революции».

В структуре духовности есть элемент, которому социологи придают особую значимость. Им является политическая воля – сознательная целеустремленная деятельность народа по преобразованию своего бытия. Успех в тяжелой работе по модернизации России, отмечают многие политологи, «зависит от политической воли народа, ...от способности масс понять и оказать действенную поддержку назревшим радикальным изменениям (Лейберов...1996, с. 13).

Советская социология, определяя содержание понятия «народ», придерживалась четких марксистских позиций. Она относила к народу только «те слои и классы, которые по своему общественному положению способны участвовать в решении задач прогрессивного развития общества». Таким созидающим потенциалом обладают трудящиеся массы, они составляют основу народа, его большинство и являются главной производительной силой общества. Народ, – утверждал Ленин, – это рабочие и крестьяне.

Вместе с тем понятие «народ» Ленин рассматривал как конкретно-историческую категорию. Его конкретный состав определяется своеобразием исторической эпохи, ее главным политическим содержанием. Составной частью народа в эпоху антифеодальных революций была буржуазия. «Употребляя слово «народ», – писал Ленин, – Маркс не затушевывал этим словом различия классов, а объединял определенные элементы, способные довести до конца революцию» (Ленин 11, с. 124).

В обычной же мирной ситуации в условиях относительно спокойного эволюционного развития народ отождествлялся исключительно с угнетаемыми классами. Ленин к поработителям русского народа относил помещиков, духовенство и буржуазию. «В антагонистических формациях в состав народа не входят господствующие эксплуататорские группы, ведущие антнародную реакционную политику» (Ленин 20, с. 8). Примерно так же раскрывается понятие «народ» и в философском словаре, изданном Политиздатом в 1991 году и в словаре русского языка С.И. Ожегова (народ – основная трудовая масса населения страны, а в эксплуататорских государствах – угнетаемая господствующими классами).

Марксистское определение народа нередко можно встретить и в современной социологической литературе. По мнению издателей Российской социологической энциклопедии, претендовать на членство в

народе могут те слои и классы общества, «которые на данном историческом этапе участвуют так или иначе в решении задач общественного развития».

Такую трактовку понятия «народ» все-таки трудно признать безупречной. Она является достаточно субъективной, так как всегда возникает соблазн расширить или, наоборот, ограничить количество тех социальных групп, которые представляются прогрессивными. Исключение из состава народа «компрометирующих» его социальных страт – всяких «паразитов», реакционеров, люмпенов может быть в принципе бесконечным. На эту методологическую уязвимость однажды обратил внимание известный русский поэт и критик А.Г. Григорьев. Возражая против отнесения к народу только крестьянства, он остроумно заметил, что «славянофильство подвергает «народное» обрезанию и холощению, так как оставляет за пределами этого понятия «промышленную сторону России» (Григорьев 1990 с. 383).

Во-вторых, надо признать, что привилегированные классы отнюдь не являются «внутренне мертвенным» социальным образованием, как считал В.И. Ленин. Пример тому – западная буржуазия, сумевшая добиться впечатляющих результатов в развитии производства и экономики в целом. Немало было заслуг и у русского дворянства. Ю.М.Лотман писал: «У нас нет причин забывать во что обошлось России превращение дворянства в замкнутое господствующее сословие, но нет причин забывать и о том, что дала русской и европейской цивилизации русская дворянская культура XVIII – начала XIX века» (Лотман 1994, с. 41).

Современная социология воздерживается от конкретного социального моделирования народа, предпочитая концепции народа как цельного образования, не имеющего четкой социальной дифференциации. Такая трактовка народа имеет давнюю традицию в истории общественно-политической мысли. В диалоге «О государстве» Цицерон определил народ как объединение людей (граждан), связанных друг с другом «согласием в вопросах права и общностью интересов». Такой же позиции придерживался известный голландский правовед Гуго Гроций. Он тоже рассматривал народ как совокупность граждан – людей, наделенных системой политических прав и обязанностей.

Теоретическую возможность эволюционирования сословий России в единый гражданский организм допускал К.Д.Кавелин. После отмены крепостного права, предполагал он, «дворянство обратится... в класс землевладельцев и постепенно уравняется во всех гражданских правах с прочими сословиями... Вследствие этого, весь народ составит одно органическое тело, в котором каждый будет занимать высшую или низшую ступень..., высшее сословие будет продолжением и завершением низшего, а низшее... – основанием высшего». Именно такое «органическое единство всех народных элементов, – указывает Кавелин, – существует в Англии, что открывает возможность бесконечного мирного развития английского общества» (Кавелин 1989, с.142).

С позиций права и его влияния на организацию общества анализирует данный вопрос авторитетный российский ученый К.С. Гаджиев. Он считает, что народ как целостное образование – это совокупность людей, связанных в определенный стабильный жизненный порядок единой правовой системой. (Гаджиев 1994, с. 101)

С позиций холизма дается определение народа в Философском Энциклопедическом словаре, изданном в 2001 году. Народ, утверждается в словаре, это «культурная общность людей, являющаяся подлинным и единственным носителем объективного духа». Под объективным духом понимается все то, что «может быть высказано о народе», что составляет «совокупность возможных предикатов к субъекту «народ».

Многие социологи подвергают критике холистические определения народа, считая их главным изъяном умозрительность, оторванность от конкретного исторического опыта. Действительно, концепция народа как некой цельности игнорирует очевидную неоднородность социально-политических интересов, существующих в обществе.

Естественное состояние общества – его разделение на различные классы и общественные группы.

Синкетических состояний никогда не зналось российское общество. В Московском государстве «понятия о сословном единстве, об общих сословных интересах не существовало» (Соловьев 1983, с. 201). Дворянство России «было кастой, совершенно отделенной от народа. Эта каста сама до бесконечности дробится по чинам и родам... Она едина только целом – в своем праве грабить казну и мучить народ» (Бакунин 1997, с. 279).

Поэтому модели народа, концептуальным принципом которых является «целокупность», представляются искусственными конструкциями, так как противоречат реальности и не учитывают в полной мере все проявления ее социальной дисгармонии.

Кроме того, по мнению ряда исследователей, определение народа как «нерасченной тотальности» подрывает принципы демократической организации общества. «Народ как единое целое обретает особый онтологический статус, что может порождать разные – чаще весьма реакционные – типы политический идеологий (в частности, идеологию национальной исключительности» (Бирюков...1997, с. 66).

Об опасности тезиса о народе как едином целом предостерегает и американский политолог Дж. Сартори. Холистическая концепция народа, считает он, «скорее служит для легитимации тиранического правления, чем демократического. Если исходить из того, что народ есть органическое целое, то легко сделать вывод, что любая индивидуальность есть ничто..., а в формуле «все как один» мы видим оправдание не демократий, а тоталитарных авторитарий. Демократия не может даже начать функционирование, не порвав с этой формулой» (Мадатов 1999, с. 232).

Актуальный научный интерес представляют политico-философские определения народа. Их суть четко выразил известный российский ученый

Б.Г. Капустин. Он утверждает: «Народ должен быть понят в традициях классической политической философии, а не в нынешнем бессмысленном словоупотреблении, в котором содержание этого термина по сути сливаются с «населением» (у левых – с «трудящимся большинством» населения). «Народ» как категория в классической традиции, будучи противоположностью «массы», обозначает способность коллективно волеизъявлять, т.е. народ – это (только) та группа (та часть) населения, которая способна обладать «общей волей» (выработать «общую волю») (Капустин 1998, с.254).

Народ, заключает Б.Г. Капустин – это политический субъект, интегрирующий частные воления и генерирующий общую коллективную волю.

Аналогичное определение народа дает профессор Ш.Н. Эйзенштадт (Иерусалим). Народ, по его мнению, является «носителем или вместилищем общей воли и, следовательно, наиболее широко истолкованного социального блага».

Понятие общей воли ввел в широкий политический оборот Ж.Ж. Руссо, когда создавал свою концепцию общественного договора. Общая воля – это выражение общих интересов. Направлена она на общее благо. Конечно, в обществе существуют и частные интересы (отдельных граждан, социальных групп), но они второстепенны. Только генеральная воля является и основой суверенитета народа, и источником законов государства.

Общую волю как выражение общего блага Маркс считал иллюзией, которую создает господствующий класс. Для достижения своих целей этот класс «вынужден представить свой интерес как общий интерес всех членов общества»,... «придать своим мыслям форму всеобщности, изобразить их как единственно разумные, общезначимые» (Маркс 1970, с. 38).

Социологи, в том числе и профессор Эйзенштадт, ставят вопрос об институциональном «местоположении» общей воли. Кто ее выражает? Парламент? Центральная исполнительная власть во главе с президентом? Или только президент? Эти вопросы не имеют ответа. Во всяком случае, трудно допустить, например, что Государственная Дума России стала вместилищем общей политической воли.

Но вместе с тем было бы опрометчиво не замечать в данной концепции народа ее политической рациональности и прагматичности.

Полезно вспомнить, что многие русские философы еще в XIX веке поставили проблему формирования широкого общественного согласия относительно базовых ценностей. А.С. Хомяков выдвинул идею «единства во множестве» - идею соборности, которая затем трансформировалась у В.С. Соловьева в идею всеединства. Соловьев определял ее следующим образом: «Я называю истинным или положительным всеединством такое, в котором единое существует не за счет всех или в ущерб им, а в пользу всех». Более того, решая проблему единичного и общего, он со всей

категоричностью утверждает: «Целое, первое своих частей, и предполагается ими» (Гайденко 1994, с. 25).

Такая формула применительно к обществу может означать одно: доминирование общенациональных интересов, подчинение им и классово-сословных, и индивидуально-личностных интересов.

Понятие единства конкретизировал С.Н. Трубецкой. Идеал соборности означает у него совпадение религиозных, нравственных и социальных принципов жизни общества. Их антитезой выступает индивидуализм.

Проблема консолидации общества сохраняет свою актуальность и в настоящее время. Б.Г. Капустин утверждает, что сейчас в России нет народа в политико-философском смысле, есть лишь население как агрегат частных интересов. Общество, в котором доминирует социальный сепаратизм, нежизнеспособно. Дворянство России, ревностно оберегая свои сословные привилегии и проявляя откровенное неуважение и пренебрежение к интересам крестьянства, в конце концов не только погубило себя, но и своей нерасчетливой эгоистической политикой вызвало в стране острейший общественно-политический кризис. Классовая ненависть против помещиков, отмечал российский историк Д.П. Кончаловский, настолько глубоко укоренилась в душе народа, что стала его бессознательным инстинктом и мощным фактором Октябрьской революции 1917 года.

Таковы уроки истории. Народ, загнанный в угол, становится смертельно опасным.

Гегель утверждал: природа организма такова, что «если одна часть полагает себя как самостоятельное целое, то все должны погибнуть» (Гегель 1934, с. 278).

Предостережение великого философа побуждает поставить вопрос: возможна ли в современной России консолидация таких политических сил, которые могли бы стать в новых исторических условиях политическим субъектом и действовать с позиций коллективной судьбы, преодолевая разногласия и подчиняя свою деятельность общенациональным интересам? Данный вопрос не принадлежит к числу риторических. Он обусловлен самой действительностью, ее вызовами – цивилизационными, политическими и многими другими, которые ставят проблему выживания в современном мире.

В истории России бывали такие времена, когда перед обществом вставала дилемма: гибель или согласие. Тяжелый общественно-политический кризис, в котором страна оказалась в начале XVII века, удалось преодолеть благодаря общей политической воле сил ополчения. Анализируя эти события, А.С. Панарин пишет: «Смута XVII века кончилась благодаря мобилизации массового патриотического сознания, оскорбляемого интервентами, наличию социально-политического субъекта – служилого дворянства, оказавшегося способным направить низовой порыв в русло государственного творчества» (Ильин...1996, с. 280).

Так был очищен «путь к торжеству национальной программы во внутренней политике» (П.Н. Милюков).

Многие ученые России (Т.А. Алексеева, Б.Г. Капустин, И.К. Пантин) считают, что в целях консолидации российского общества сейчас возникла необходимость разработать «кодексы согласия несогласных между собой групп». Ключевыми ценностями новой интегративной идеологии являются, по их мнению, общее Отечество, социальная справедливость, достоинство человека и страны. Такое «идеологическое самоопределение» россиян могло бы объединить разные политические силы и слои населения в целях решения важнейших общественных и государственных задач. Отсюда, делают вывод ученые, «вытекает новое (более развитое и конкретное) определение народа: «Народ – это культурно-политическое сообщество, воплощающее определенные нормы общежития. Общественной силой, выступающей носителем новой интегративной идеологии, могут стать все группы, признающие право других на инаковость при признании такого же равного права за ними» (Полис... 1997).

Таким образом, народ – понятие сложное и многосмысловое. В широком обиходном употреблении, в публицистике, в художественной литературе и даже в исторических исследованиях народ, по всей видимости, и впредь будет отождествляться с широкими массами населения, находящимися в основании социальной пирамиды. Такова семантическая традиция.

Строго научное, философско-политическое определение народа содержит другие смысловые акценты. Народ – это все те общественные группы, которые, генерируя общую волю, способны выступать в роли субъекта политической истории. А это значит, что в одном народном стане могут находиться и «низы» и «верхи», невзирая на то, что имеют разные убеждения и разные интересы. Главное состоит в том, что они имеют общие национальные цели и общую волю к их достижению. Эти духовно-политические компоненты и являются основой народного единства.

Бакунин М.А. Речь на Конгрессе Лиги мира и свободы. Сб. В поисках своего пути. – М., 1997.

Бирюков Н.И., Сергеев В.М. «Соборность» как парадигма политического сознания // ПОЛИС. 1997. № 3. С. 66.

Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. – М., 1997. С. 176, 188.

Гаджиев К.С. Политическая наука. – М., 1994. С. 101.

Гайденко П. Человек и человечество в учении В.С. Соловьева // Вопросы литературы. 1994. № 11.

Гегель Г.В. Соч. в 14 томах. Т. 7. – М., 1934. С. 278.

Горелинов Л.А., Лисицына Т.А. Русский путь. – Великий Новгород, 1999. С. 77.

Григорьев А. Сочинения. – М., 1990. С. 383.

Политологический словарь. – Ростов, 2001.

- Ильин В.В., Панарин А.С., Ахиезер А.С. Реформы и контрреформы в России. – М.: изд-во МГУ, 1996. С. 280.
- Кавелин К.Д. Наш умственный строй. – М., 1989. С. 142, 144.
- Капустин Б.Г. Путь один – диалог конкурирующих идеологий // ПОЛИС. 1997. № 3. С. 48.
- Капустин Б.Г. Современность как предмет политической теории. – М., 1998. С. 254.
- Лейберов И.П., Марголис Ю.Д., Юрковский Н.К. Традиции демократии и либерализма в России // Вопросы истории. 1996. № 2. С. 13.
- Ленин В.И. ПСС. Т. 11. С. 124.
- Ленин В.И. ПСС. Т. 20. С. 8.
- Федотов Г.П. Трагедия интеллигенции. Хрестоматия «В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией. – М., 1997. С. 599.
- Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. – СПб., 1994. С. 41.
- Мадатов А.С. Проблемы политического участия в демократическом процессе // Социально-гуманитарные знания. 1999. № 2. С. 232.
- Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения в 3-х томах. – М., 1970, С. 38.
- Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. – М., 1995. Т. 3. С. 79.
- Политологический словарь. – Ростов, 2001.
- Погодин М.П. Россия между Европой и Азией. – М., 1997. С. 100.
- Распутин В. Смысл давнего прошлого // Наш современник. 1989. № 11. С. 153.
- Россия в условиях трансформации. Выпуск № 26. 2002. С. 94.
- Соловьев С.М. Избранные труды. Записки. Исторические письма. – М., 1983. С. 199-201.
- Толстой Л.Н. Собр. соч. в 22-х томах. – М., 1985. С. 302.
- Федотов Г.П. Трагедия интеллигенции // В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией. – М., 1997. С. 599.

Язык СМИ и рекламы

Е.В. Мочалова
Воронежский ГУ

Функционирование метафоры в языке газеты

Важным конструктивным принципом языка газеты является сочетание стандарта и экспрессии. Последняя достигается различными средствами, одно из которых – метафора. В статьях, посвященных анализу состояния российской политики и экономики, особенно часто встречается

политическая метафора. Политическая метафора является неотъемлемым и ярким элементом системы технологий речевого воздействия.

Технологии речевого воздействия в публицистике сегодня разработаны настолько, что могут реально и существенно влиять на поведение масс, на исход выборов, на популярность того или иного продукта, политика или политического проекта, вообще публичного деятеля и т.д.

Речевые стратегии, в которых необходимо использование метафор можно условно разделить на две основные категории: 1) стратегия дискредитации, 2) стратегия превознесения (оправдания). В стратегии дискредитации метафора играет огромную роль, поскольку через перенос наименования с одного объекта (предмета, лица) на другой, сходный с первым в каком-либо отношении, позволяет характеризовать последний, выразить к нему отношение.

В российской прессе, мы наблюдаем функционирование метафоры в концептуальных полях "спорт, война", "субъект власти", "преступный мир", "театр". Все рассматриваемые модели вполне традиционны для русской метафоры:

1. Концепт "театр":

(1) Несмотря на то, что, на сегодняшний день канцлер Шрёдер скорее формально исполняет свои обязанности, он явно демонстрирует стремление завершить своё пребывание на этом посту эффектным аккордом (газета "Коммерсант", октябрь 15).

(2) Интрига с газовым посредником, в которой RUE Тимошенко, почти не скрываясь, пыталась противопоставить давно ей знакомую «Итеру», протекала не менее бурно, по примерно тому же сценарию, но с совсем другим финалом. (Новое Время, №3 - «Спор славян о чём-то прочем»)

2. Концепт "криминальный мир":

(3) А затем в течение трёх последних недель ожесточённо делили власть (газета "Коммерсант", октябрь 15).

(4) Сейчас партии жизненно важно продемонстрировать единство и сплоченность, но если Ангеле Меркель не удастся получить пост канцлера, то борьба за лидерство в стане правых вспыхнет с новой силой (газета "Коммерсант", октябрь 15).

(5) И пока христианские демократы будут выяснять отношения между собой, у Герхарда Шредера появятся все шансы не просто вернуться к власти, а вернуться триумфатором (газета "Коммерсант", октябрь 15).

3. Концепт "субъект власти":

(7) Герхард Шрёдер, таким образом, предстал в глазах избирателей как "канцлер мира", который не намерен вовлекать страну в военные авантюры на Ближнем Востоке (газета "Коммерсант", октябрь 15).

(8) Фантомы политического и даже «духовного» лидерства России в этой группе новых стран, которое так и не сумело воплотиться ни в какую более-менее осмысленную реальность, отцы отечества, наконец, решились

заменить очень грубой, но хотя и весомой и зримой рыночной торговлей. («Новое время», №1 – «Отравленные газом»)

4. Концепт "спорт", "война":

(9) Самое главное, пожалуй, то, что Ангела Меркель до самого конца предвыборной гонки не смогла завоевать симпатии большинства немцев (газета "Коммерсант", октябрь 15).

(10) Социал-демократы умело воспользовались отказом Ангелы Меркель от второй теледуэли с канцлером, обвинив лидера ХДС в трусости (газета "Коммерсант", октябрь 15).

(11) Более того, неожиданные и резкие высказывания премьера Баварии укрепили в сознании избирателей впечатление, что Ангела Меркель не в состоянии контролировать даже своих однопартийцев и что, стань она канцлером, ей придется вести борьбу на два фронта - в том числе с внутренней оппозицией, представленной в первую очередь премьер-министрами земель от ХДС/ХСС (газета "Коммерсант", октябрь 15).

(12) Новогодний блицкриг России и Украины оставил по себе двойственное впечатление – недоумения и тревоги. («НВ», №3 – «Хотели как хуже, а вышло как всегда»)

(13) Газовая полемика между Москвой и Киевом была так запальчива, тезисы, которыми перестреливались, войдя в образ, обе стороны, звучали так искренне, что не поверить оказалось невозможным. (НВ, №3 – «Спор славян о чём-то прочем»)

(14) Завоевание Западной Европы советскими газовиками началось ещё в 1940-е годы, когда контрагентом европейцев был СССР. (Коммерсант – Власть, №2 – «Как Европа будет спасаться от России»)

(15) Тем не менее, Шарону предстояло выдержать ещё одно конституционное сражение. (НВ, №49 – «Второе пришествие Шарона»)

5. Концепт «болезнь»

(16) Когда сложившаяся демократия, демократия со стажем и традициями, доходит до сезонного партийного творчества, а народ воспринимает его со щенячим восторгом, можно немедленноставить диагноз: налицо системный кризис власти. (НВ, №49 – «Второе пришествие Шарона»)

Политическая жизнь предстает как мир закулисных игр, мир криминальных разборок, нечеловеческих отношений, а политические деятели – как типичные представители этого мира. Разумеется, представленная выборка отражает далеко не все метафорические модели, обладающие "оскорбительным" потенциалом, но наиболее продуктивные.

Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Словарь русских политических метафор. – М., 1994.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М., 1987 (главы 1, 13, 21, 23, 24).

Метафора в языке и в тексте. – М., 1988.

Речевое воздействие. – М., 1972.

Телия В.Н. Метафора и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. – М., 1988.

Е.С. Жулунева
Ярославский ГПУ

Знак @ и его наименования в различных языках

Как уже неоднократно отмечалось исследователями электронных коммуникаций, на данный момент важнейшую роль в оформлении высказывания играет визуальная обработка текста. Это касается не только таких элементов, как расположение текста на экране, его графическое оформление (шрифт, цвет и изображения), но и использование различных графических символов, одним из которых является @.

Современное коммуникативное пространство уже практически невозможно представить без этого знака, который выполняет множество функций и одновременно является символом интернета как такового. С одной стороны, его массовое распространение можно объяснить краткостью написания и выразительностью его формы, но тут следует учитывать, что заменил он также недлинный предлог at, почти полностью вытеснив его из оборота.

Вернее в данном случае говорить о влиянии электронных коммуникаций на внешнюю среду. Впервые в электронных коммуникациях знак @ был употреблен в 1972 году, когда Рей Томлинсон выбрал его в качестве разделителя в адресе электронной почты (a separator in e-mail addresses). Так что помимо символического значения этот знак имеет еще и чисто техническую функцию опознавательного символа для машины (наряду со знаками . (точка) и / (слэш)). Например: moro@nm.ru

Но для пользователя электронных коммуникаций на первый план выходит все-таки символическое значение, которое стал приобретать этот знак в последнее время: это значение можно определить как «эмблема электронных коммуникаций вообще». Именно этот момент «биографии» знака @ стал причиной его повсеместного распространения. Однако история его гораздо длиннее, причем история эта напрямую связана с бизнесом и бухгалтерией. Так, некоторые исследователи считают, что еще в XVI веке флорентийские купцы в своих записях использовали этот знак в качестве обозначения меры веса или объема, равного одной амфоре. Амфорами тогда назывались особые глиняные кувшины определенной вместимости (равной тринадцатой части барреля, что составляет примерно 10 литров), в которых перевозили зерно или жидкости. Одна амфора (amphora) обозначалась латинской буквой a, которая во флорентийском исполнении выглядела несколько своеобразно,

(она «украшалась» кружочком, что и делало ее похожей на современный @).

Другая версия происхождения @ возводит его генеалогию к латинскому предлогу *ad*, который имеет значение *к, по направлению к, у*. Верхняя палочка второй буквы этого предлога (d) при быстром написании заворачивалась вокруг *a*, постепенно *d* вообще перестали писать, просто обводя *a* кружочком, так что получался знак похожий на @. Значение «мера» постепенно возрождается в поле значений этого знака.

Современные ученые, которые пытаются измерить пространство интернета, предложили использовать знак «@» в качестве меры площади наряду с «пукисом», который выступает как мера длины. На данный момент вопрос о происхождении этого символа все еще остается открытым, но уже к XVIII веку он становится общеупотребительным в Европе в значении «по цене» (at the price of).

Символ использовался в счетах для указания на стоимость единицы товара, например: «3 yds of lace @ 1/4d a yd» – «3 ярда кружев по цене 1/4 шиллинга за ярд». И так как символ постепенно становится официальным и постоянно употребляется в деловых бумагах, то уже с 1880 года его можно увидеть на клавиатуре многих печатных машинок (отечественные машинки, естественно, не в счет). На машинках более ранних годов этого знака нет, вместо него есть лишь знак &, который по-английски называется *ampersand*. Этот символ с распространением «кириллической латиницы» часто используется для замены буквы я в силу определенного сходства в написании.

Впоследствии символ @ появился на обычных компьютерных клавиатурах 60-х годов (отечественные клавиатуры опять-таки не в счет). С клавиатур этот знак благодаря своей вездесущности проник в сетевую сферу, и, что примечательно, письменности, которые основаны не на латинском шрифте (арабская, японская и т.д.), вынуждены были принять этот знак и ввести в свои клавиатуры, хотя они и не пользуются латиницей.

Теперь следует обратить внимание на наименование этого знака в различных языках. Многие языки просто заимствовали официальное английское название знака: "commercial at", "at" «коммерческое». Но наряду с этим, существует еще и огромное разнообразие разговорных наименований, среди которых преобладают наименования, связанные либо с гастрономической сферой, либо с названиями животных или частями их тела.

Например, в русском языке название претерпело несколько стадий формирования: от официального «коммерческое», к описательному – «знак, похожий на *a* в кружочке», и, наконец, обрело постоянное «собачка», «собака». Вполне возможно, что такое наименование обусловлено функциональным назначением знака как «соединителя», что сближает его с разговорным наименованием механизма, соединяющего застежку-«молнию».

В немецком языке @ имеет разговорное название Klammeraffe, spider monkey, то есть «паукообразная обезьяна», хотя у этого немецкого слова есть и переносное значение, по смыслу близкое к английскому leech «пиявка». У датчан этот знак называется grisehale, pig's tail, то есть «поросячий хвостик». Такое же название у этого символа и в норвежском языке, хотя там он чаще называется (snabel a, 'a with an elephant's trunk' «слоновий хобот» или «со слоновыим хоботом» (сравните с жаргонным русским словом «шнобель»). Такое же название snabel a – и в шведском языке, где это слово даже было рекомендовано Шведской языковой коллегией как литературное. Правда, в шведском языке есть и другое название, которое связано не с животным миром, а с едой kanelbulle, 'cinnamon bun', то есть «булочки с корицей», потому что прослойка корицы в булочке выложена в виде спирали. Голландцы называют знак @ – apestaat or apestaatje, '(little) monkey's tail' «хвост обезьяны или хвост обезьянки», суффикс -je является уменьшительно-ласкательным. Такой же смысл «хвост обезьяны» – вкладывают в описание этого знака фризы и финны. Во фризском языке знак называется (apesturtsje), а в финском apinanhatta. В финском языке есть ещё два названия для этого знака kissanh, 'cat's tail' «кошачий хвост», и самое замечательное название miukumauku, 'the miaow sign' «знак мяу». В венгерском языке у символа @ есть название kukas, 'worm; maggot' «червяк, личинка». В сербском языке знак называется majmun, 'monkey' (здесь уже и про хвост забыли), подобное название и в болгарском языке. Испанцы и португальцы называют это символ arroba словом, которое возникло от единицы веса и объёма, тесно связанного с определенным видом амфоры (25 фунтов или чуть больше 11 кг, или же 6 галлонов (почти 23 литра)). Если перевести название знака @ с тайского языка, то получится что-то типа 'the wiggling worm-like character' «волнистый червеобразный знак». Чехи называют знак zavinac, 'rolled-up herring' «скрученная сельдь». Наиболее часто употребляющееся название в иврите и идише strudel – по названию венского яблочного рулета. Одним из самых распространенных названий для знака @ стало слово «улитка», которое появилось в ряде языков, часто даже не связанных друг с другом, то есть из разных языковых групп и даже семей. Французы называют этот знак escargot, хотя официально принятymi названиями являются arobase или a commercial. В Италии это тоже «улитка, только итальянская chiocciola. Название «улитка также недавно появилась в иврите shablul, корейском языке dalphaengi и языке эсперанто heliko.

В английском языке сохраняется официальное название знака @: это либо уже знакомое at, или же более полное название commercial at. Последнее название является официальным названием этого знака по международной таблице символов (international standard character set). Разговорные названия в английском языке whirlpool или fetch, однако они редко употребляются. В английский язык проникла также пара иностранных названий: сравнительно редко, но всё же употребляется snail,

и что удивительно – это датское название *snabel*. Несмотря на все названия, первое место по употребительности в английском языке занимает всё же *at*, который, скорее всего, и останется как официальным, так и неофициальным названием.

Исходя из вышеперечисленного, можно точно сказать, что популярность этого знака действительно выше, чем у всех остальных реалий так или иначе связанных с глобальной сетью. Подтверждением этому служит, прежде всего, многообразие наименований в разговорной речи, что свидетельствует не только об активном использовании самого понятия, но и о стремлении как-то обозначить эту новую языковую и жизненную реалию.

Содержание

Культура речи в регионе

Лазуренко Е.Ю. Культура речи учителей Воронежской области	3
Косинова Л.И. Культура общения в школе	4
Царевская Н.М. Проблемы преподавания культуры общения в районе	6

Теоретические проблемы общения и речевого воздействия

Чарыкова О.Н. К вопросу о соотношении терминов «текст» и «дискурс»	7
Баделина М.В. Литературная норма и ее модификация	10
Инютин Вл. Кризис европейской рациональности и теория коммуникации	12
Саломатина М.С. Коммуникативная личность филолога как предмет экспериментального изучения	16
Тимофеева Т.В. Перевод в аспекте теории речевого воздействия	20

Возрастное коммуникативное поведение

Грищук Е.И. Эффективная похвала в общении с детьми	24
Свиридова В. Коммуникативное поведение детей, страдающих синдромом Дауна	26

Гендерное коммуникативное поведение

Гетте Е.Ю. Мужчина и женщина как потребители информации	31
---	----

Профессиональное коммуникативное поведение

Лазуренко Е.Ю. Положительные стороны речевого поведения руководителей	36
---	----

Язык и национальное сознание

Водоватова Т.Е. Тавтологические высказывания: причины употребления в речи	39
Зотова А.Б. Виды этикетных речевых актов, выражаемых восклицательными предложениями в русской и американской коммуникации	45

Калугина В.А. Национальная специфика объективизации концепта «температура» в русской и английской национальных картинах мира	50
Чубур Т.А. Методика контрастивного анализа национальной специфики семантики слова	53
Калугина В.А. Особенности производной семантики глаголов, репрезентирующих концепт «температура со знаком +».	56
Колтакова С.В. Национальная специфика лексико-семантической группы «Труд» в русском и английском языках	61
Маклакова Е.А. Русская лексема <i>брат</i> в контрастивном аспекте	62
Нетесова Т.Н. Социально-психологическая и лингвистическая роль молодежного жаргона (на примере немецкого языка)	65
Прощенкова Н.В. Национальная специфика слов близкородственных языков	68
Смолина Л.В. Пространственная лексика как средство указания на наблюдателя	74
Андреенко Т.Н. Семантическая структура идиомы	80

Языковое сознание

Новичихина М.Е. Ассоциативное соответствие и информативность в языковом сознании: соотношение понятий (на примере слово-комерческих названий)	81
Фридман Ж.И. К вопросу о видах значения слова (на примере анализа значений слова «труд»)	82
Адонина Л.В. Ассоциативные поля в русском языковом сознании: гендерный аспект	86
Досимова М.С. Концепт <i>женщина</i> в русских паремиях	90
Дуссалиева Э.А. Номинация концепта <i>мужчина</i> в русских паремиях	95
Тихомиров С.А. Роль гиперболы в выражении градуальной семантики в современном русском языке	99
Чуриков С.А. Семантика «управленческих» глаголов	108
Мусорина В.В., Грачёва Ж.В. Семантическая трансформация орнитонимов в общекультурном контексте	109
Розенфельд М.Я. Методы выявления образа в структуре значения слова	118
Паничкина О.В. Лексико-семантическое поле «учитель» в современном английском языке	125
Панкова Т.Н. Метафорические значения лексем <i>дерево</i> , <i>ствол</i> , <i>стебель</i> в английском языке	133
Атланова Е.О. Слово «мачо» в русском языковом сознании	136
Хамид Акрам Азиз. Полевая организация языка и ядро лексической системы	142
Верховых Л.Н. Топоним «Абрамовка»: деревня или село?	143

Дудкина Л.Н. Формирование английской ЛСГ глаголов, обозначающих способы приготовления пищи	144
--	-----

Когнитивное сознание

Стернин И.А. К проблеме лакунарности концептов	148
Попова З.Д. Знаковая ситуация и проблемы когнитивного описания языка	151
Тавдгиридзе Л.А. Опыт комплексного описания концепта <i>русский язык</i>	153
Зленко И.П. Стереотип английского языка в русском сознании	155
Лунина О.Л. Концепт <i>совесть</i> в творчестве Ф.М. Достоевского	158
Киселева Г.В. Топонимы как манифестанты концептов культуры	160
Шаманова М.В. Афоризмы как средство объективации концепта <i>общение</i>	163
Чедыгова А.В. Концепт <i>прогниция</i> в современном английском языке	169
Зацепина Е.А. <i>Вежливость</i> и <i>обычай</i> по данным русской паремиологии	171
Колпакова А.С. Концепты <i>хорошее слово, плохое слово</i> в русском языковом сознании	173
Чернышова Е.Б., Чернышова М. Экспериментальное исследование концепта <i>дети</i>	178
Шевченко М.Ю. Концепт <i>культурный</i> по данным экспериментального исследования	181
Щербакова И.А. Экспериментальное исследование концепта <i>извинение</i>	184
Юрченко А.К. О содержании понятия «народ» как социологической категории	192

Язык СМИ и рекламы

Мочалова Е.В. Функционирование метафоры в языке газеты	202
Жулунева Е.С. Знак @ и его наименования в различных языках	205

